

ПСИХОЛОГ

AURORA Group s.r.o.

Выходные данные

Номер подписан в печать: 04-05-2024

Учредитель: Даниленко Василий Иванович, w.danilenko@nbpublish.com

Издатель: ООО <НБ-Медиа>

Главный редактор: Богоявленская Диана Борисовна, доктор психологических наук, тро-
120@mail.ru

ISSN: 2409-8701

Контактная информация:

Выпускающий редактор - Зубкова Светлана Вадимовна

E-mail: info@nbpublish.com

тел.+7 (966) 020-34-36

Почтовый адрес редакции: 115114, г. Москва, Павелецкая набережная, дом 6А, офис 211.

Библиотека журнала по адресу: http://www.nbpublish.com/library_tariffs.php

Publisher's imprint

Number of signed prints: 04-05-2024

Founder: Danilenko Vasiliy Ivanovich, w.danilenko@nbpublish.com

Publisher: NB-Media Ltd

Main editor: Bogoyavlenskaya Diana Borisovna, doktor psikhologicheskikh nauk, mpro-120@mail.ru

ISSN: 2409-8701

Contact:

Managing Editor - Zubkova Svetlana Vadimovna

E-mail: info@nbpublish.com

тел.+7 (966) 020-34-36

Address of the editorial board : 115114, Moscow, Paveletskaya nab., 6A, office 211 .

Library Journal at : http://en.nbpublish.com/library_tariffs.php

Редсовет

Харитонов Александр Николаевич — кандидат психологических наук, доцент, президент Русского психоаналитического общества. Московский городской психоэндокринологический центр. 119002, Россия, Москва, ул. Арбат, 25-2.

Богоявленская Диана Борисовна — доктор психологических наук, профессор, почётный работник Российской академии образования, заслуженный деятель науки РФ, зав. лабораторией Психологического института Российской академии образования. 125009, Россия, Москва, ул. Моховая, 9, строение 4.

Леонтьев Дмитрий Алексеевич — доктор психологических наук, профессор, профессор Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. 125009, Россия, Москва, ул. Моховая, 11, строение 9.

Розенова Марина Ивановна — доктор психологических наук, доцент, профессор Московского государственного областного университета. 105005, Россия, Москва, ул. Радио, д. 10.

Россохин Андрей Владимирович — доктор психологических наук, старший научный сотрудник факультета психологии Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. 125009, Россия, Москва, ул. Моховая, 11, строение 9.

Белинская Елена Павловна - доктор психологических наук, профессор, кафедра социальной психологии, Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова .

Пазухина Светлана Вячеславовна – доктор психологических наук, доцент, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования "Тульский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого", 300026, г. Тула, проспект Ленина, 125pazuhina@mail.ru

Борзова Татьяна Владимировна – доктор психологических наук, доцент, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Тихоокеанский государственный университет», профессор кафедры психологии. 680000, Россия, Хабаровск, ул. Карла Маркса, 68, borzova_tatiana@mail.ru

Овруцкий Александр Владимирович – доктор философских наук, доцент, заведующий кафедрой речевой коммуникации и издательского дела Института филологии, журналистики и межкультурной коммуникации Южного федерального университета, 344006, г. Ростов-на-Дону, Пушкинская, 150, оф. 14, alexow@mail.ru

Намли Елена (Namli Elena) – доктор этики, профессор Упсальского университета (Швеция). Uppsala Centre for Russian and Eurasian Studies. Box 514 SE 751 20 Uppsala – Sweden.

Резник Юрий Михайлович – доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Института философии Российской академии наук, шеф-редактор журнала «Личность. Культура. Общество». Институт философии Российской академии наук. 119991, Россия, Москва, ул. Волхонка, 14/1, строение 5.

Спирова Эльвира Маратовна – доктор философских наук, и.о. заведующей сектором истории антропологических учений Института философии Российской академии наук; Россия, г. Москва, Гончарная ул., 12 стр.1, Москва, 109240

Фишер Норберт (Fischer Norbert) — доктор, профессор, заведующий кафедрой основных философских вопросов богословия Католического университета в Айхштете (Германия). Katholische Universitaet Eichstaett-Ingolstadt. VdRSSD e.V. – Storksbrede 7 59073 Hamm (Westf.) – Germany.

Шестопал Елена Борисовна — доктор философских наук, профессор, заведующая кафедрой политической социологии и психологии Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, философский факультет. 119991, Москва, Ленинские горы, МГУ, учебно-научный корпус "Шуваловский".

Березанцев Андрей Юрьевич - доктор медицинских наук, профессор по специальности "Психиатрия", врач-психиатр, главный научный сотрудник образовательного центра Первой московской клинической психиатрической больницы им. Алексеева. E-mail: berintend@yandex.ru

Артемьева Ольга Аркадьевна - доктор психологических наук, ФГБОУ ВО "Иркутский государственный университет", профессор, руководитель лаборатории методологии и истории психологии, 664025, Россия, г. Иркутск, ул. Чкалова, 2, каб. 205, oaartemeva@yandex.ru

Гельман Виктор Яковлевич - доктор технических наук, ФГБОУ ВО Северо-Западный государственный медицинский университет им. И.И. Мечникова Минздрава России., профессор, 196066, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. Авиационная, 9, кв. 31, gelm@sg2104.spb.edu

Енгалычев Вали Фатехович - доктор психологических наук, Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского, Руководитель Научно-исследовательского центра судебной экспертизы и криминалистики , 248002, Россия, Калужский область, г. Калуга, ул. Лесная, 59, valiyen@gmail.com

Каширский Дмитрий Валерьевич - доктор психологических наук, ФГБОУ ВО "Российский государственный социальный университет", профессор факультета психологии, 129226, Россия, г. г Москва, ул. В. Пика, 4, оф. стр. 1, psymath@mail.ru

Краснянская Татьяна Максимовна - доктор психологических наук, АНО ВО "Московский гуманитарный университет", профессор кафедры общей, социальной психологии и истории психологии, 107207, Россия, столичный, г. Москва, ул. Уральская, д.6, к.5, кв. 34, ktm8@yandex.ru

Куликов Леонид Васильевич - доктор психологических наук, Санкт-Петербургский государственный университет, профессор кафедры социальной психологии , 195297, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. Светлановский пр. 70. к.1, 137, кв. 137, leon-piter@mail.ru

Макарова Елена Александровна - доктор психологических наук, Донской государственный технический университет, профессор кафедры общей и консультативной психологии, 347930, Россия, г. Таганрог, ул. Ейская, 13, makarova.h@gmail.com

Рубцова Надежда Евгеньевна - доктор психологических наук, АНО ВО "Российский новый университет", профессор кафедры общей психологии и психологии труда, 170008, Россия, Тверская область, г. Тверь, ул. Склизкова, дом 27, корпус 1, кв. кв.

77, hope432810@yandex.ru

Тагариева Ирма Рашитовна - доктор педагогических наук, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы», заместитель научного руководителя Научно-исследовательского института стратегии развития образования, 450077, Россия, республика Респ Башкортостан, г. Уфа, ул. Энгельса, 1/1, кв. 56, irma_levina@mail.ru

Шевелёва Светлана Анатольевна - доктор медицинских наук, заведующий лабораторией, ФГБУН «ФИЦ питания и биотехнологии», 109240, Россия, Москва, Устьинский проезд, 2/14 Sheveleva@ion.ru

Editorial collegium

Kharitonov Alexander Nikolaevich — Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor, President of the Russian Psychoanalytic Society. Moscow City Psychoendocrinological Center. 25-2 Arbat str., Moscow, 119002, Russia.

Bogoyavlenskaya Diana Borisovna — Doctor of Psychological Sciences, Professor, Honorary Worker of the Russian Academy of Education, Honored Scientist of the Russian Federation, Head. laboratory of the Psychological Institute of the Russian Academy of Education. 125009, Russia, Moscow, Mokhovaya str., 9, building 4.

Leontiev Dmitry Alekseevich — Doctor of Psychological Sciences, Professor, Professor of Lomonosov Moscow State University. 11 Mokhovaya str., building 9, Moscow, 125009, Russia.

Rozenova Marina Ivanovna — Doctor of Psychological Sciences, Associate Professor, Professor of Moscow State Regional University. 10, Radio str., Moscow, 105005, Russia.

Rossokhin Andrey Vladimirovich — Doctor of Psychological Sciences, Senior Researcher at the Faculty of Psychology of Lomonosov Moscow State University. 11 Mokhovaya str., building 9, Moscow, 125009, Russia.

Belinskaya Elena Pavlovna - Doctor of Psychological Sciences, Professor, Department of Social Psychology, Lomonosov Moscow State University.

Svetlana V. Pazukhina – Doctor of Psychological Sciences, Associate Professor, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Tolstoy Tula State Pedagogical University", 300026, Tula, Lenin Avenue, 125pazuhina@mail.ru

Borzova Tatiana Vladimirovna – Doctor of Psychological Sciences, Associate Professor, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Professional Education "Pacific State University", Professor of the Department of Psychology. 680000, Russia, Khabarovsk, Karl Marx str., 68, borzova_tatiana@mail.ru

Ovrutsky Alexander Vladimirovich – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Head of the Department of Speech Communication and Publishing of the Institute of Philology, Journalism and Intercultural Communication of the Southern Federal University, Pushkinskaya 150, office 14, Rostov-on-Don, 344006, alexow@mail.ru

Namli Elena – Doctor of Ethics, Professor at Uppsala University (Sweden). Uppsala Centre for Russian and Eurasian Studies. Box 514 SE 751 20 Uppsala – Sweden.

Reznik Yuri Mikhailovich — Doctor of Philosophy, Professor, Chief Researcher at the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, Chief editor of the journal "Personality. Culture. Society". Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences. 14/1 Volkhonka str., building 5, Moscow, 119991, Russia.

Elvira Maratovna Spirova — Doctor of Philosophy, Acting Head of the Section of the History of Anthropological Teachings of the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences; Russia, Moscow, Goncharnaya str., 12 p.1, Moscow, 109240

Fischer Norbert is a doctor, professor, head of the Department of Basic Philosophical Questions of theology at the Catholic University in Eichstatt (Germany). Katholische Universitaet Eichstaett-Ingolstadt. VdRSSD e.V. – Storksbrede 7 59073 Hamm (Westf.) –

Germany.

Elena Borisovna Shestopal — Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Political Sociology and Psychology of Lomonosov Moscow State University. Lomonosov Moscow State University, Faculty of Philosophy. 119991, Moscow, Leninskie Gory, Moscow State University, educational and scientific building "Shuvalovsky".

Berezantsev Andrey Yuryevich - Doctor of Medical Sciences, professor in the specialty "Psychiatry", psychiatrist, chief researcher of the educational center of the First Moscow Clinical Psychiatric Hospital named after Alekseev. E-mail: berintend@yandex.ru

Artemyeva Olga Arkadyevna - Doctor of Psychological Sciences, Irkutsk State University, Professor, Head of the Laboratory of Methodology and History of Psychology, 664025, Russia, Irkutsk, Chkalova str., 2, room 205, oaartemeva@yandex.ru

Gelman Viktor Yakovlevich - Doctor of Technical Sciences, I.I. Mechnikov Northwestern State Medical University of the Ministry of Health of Russia, Professor, 196066, Russia, Saint Petersburg, Aviatsionnaya str., 9, sq. 31, gelm@sg2104.spb.edu

Engalychev Vali Fatekhovich - Doctor of Psychological Sciences, Kaluga State University named after K.E. Tsiolkovsky, Head of the Scientific Research Center for Forensic Examination and Criminalistics, 59 Lesnaya str., Kaluga, 248002, Russia, Kaluga Region, valiyen@gmail.com

Kashirsky Dmitry Valeryevich - Doctor of Psychological Sciences, Russian State Social University, Professor of the Faculty of Psychology, 129226, Russia, Moscow, V. Pika str., 4, of. p. 1, psymath@mail.ru

Krasnianskaya Tatiana Maksimovna - Doctor of Psychological Sciences, ANO VO "Moscow Humanitarian University", Professor of the Department of General, Social Psychology and History of Psychology, 107207, Russia, Stolichny, Moscow, Uralskaya str., 6, room 5, sq. 34, ktm8@yandex.ru

Leonid V. Kulikov - Doctor of Psychological Sciences, St. Petersburg State University, Professor of the Department of Social Psychology, 195297, Russia, St. Petersburg, ul. Svetlanovsky ave. 70. k.1, 137, sq. 137, leon-piter@mail.ru

Makarova Elena Aleksandrovna - Doctor of Psychological Sciences, Don State Technical University, Professor of the Department of General and Consultative Psychology, 13, Ye1skaya str., Taganrog, 347930, Russia, makarova.h@gmail.com

Rubtsova Nadezhda Evgenievna - Doctor of Psychological Sciences, ANO VO "Russian New University", Professor of the Department of General Psychology and Labor Psychology, 170008, Russia, Tver region, Tver, ul. Sklizkova, house 27, building 1, sq. sq. 77, hope432810@yandex.ru

Tagarieva Irma Rashitovna - Doctor of Pedagogical Sciences, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Bashkir State Pedagogical University named after M. Akmulla", Deputy Scientific Director of the Research Institute of Educational Development Strategy, 450077, Russia, Republic of Bashkortostan, Ufa, Engels str., 1/1, sq. 56, irma_levina@mail.ru

Sheveleva Svetlana Anatolyevna - Doctor of Medical Sciences, Head of the laboratory,
FGBUN "FITZ nutrition and Biotechnology", 109240, Russia, Moscow, Ustinsky proezd, 2/14
Sheveleva@ion.ru

Требования к статьям

Журнал является научным. Направляемые в издательство статьи должны соответствовать тематике журнала (с его рубрикатором можно ознакомиться на сайте издательства), а также требованиям, предъявляемым к научным публикациям.

Рекомендуемый объем от 12000 знаков.

Структура статьи должна соответствовать жанру научно-исследовательской работы. В ее содержании должны обязательно присутствовать и иметь четкие смысловые разграничения такие разделы, как: предмет исследования, методы исследования, апелляция к оппонентам, выводы и научная новизна.

Не приветствуется, когда исследователь, трактуя в статье те или иные научные термины, вступает в заочную дискуссию с авторами учебников, учебных пособий или словарей, которые в узких рамках подобных изданий не могут широко излагать свое научное воззрение и заранее оказываются в проигрышном положении. Будет лучше, если для научной полемики Вы обратитесь к текстам монографий или диссертационных работ оппонентов.

Не превращайте научную статью в публицистическую: не наполняйте ее цитатами из газет и популярных журналов, ссылками на высказывания по телевидению.

Ссылки на научные источники из Интернета допустимы и должны быть соответствующим образом оформлены.

Редакция отвергает материалы, напоминающие реферат. Автору нужно не только продемонстрировать хорошее знание обсуждаемого вопроса, работ ученых, исследовавших его прежде, но и привнести своей публикацией определенную научную новизну.

Не принимаются к публикации избранные части из диссертаций, книг, монографий, поскольку стиль изложения подобных материалов не соответствует журнальному жанру, а также не принимаются материалы, публиковавшиеся ранее в других изданиях.

В случае отправки статьи одновременно в разные издания автор обязан известить об этом редакцию. Если он не сделал этого заблаговременно, рискует репутацией: в дальнейшем его материалы не будут приниматься к рассмотрению.

Уличенные в плагиате попадают в «черный список» издательства и не могут рассчитывать на публикацию. Информация о подобных фактах передается в другие издательства, в ВАК и по месту работы, учебы автора.

Статьи представляются в электронном виде только через сайт издательства <http://www.enotabene.ru> кнопка "Авторская зона".

Статьи без полной информации об авторе (соавторах) не принимаются к рассмотрению, поэтому автор при регистрации в авторской зоне должен ввести полную и корректную информацию о себе, а при добавлении статьи - о всех своих соавторах.

Не набирайте название статьи прописными (заглавными) буквами, например: «ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ...» — неправильно, «История культуры...» — правильно.

При добавлении статьи необходимо прикрепить библиографию (минимум 10–15 источников, чем больше, тем лучше).

При добавлении списка использованной литературы, пожалуйста, придерживайтесь следующих стандартов:

- [ГОСТ 7.1-2003 Библиографическая запись. Библиографическое описание. Общие требования и правила составления.](#)
- [ГОСТ 7.0.5-2008 Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления](#)

В каждой ссылке должен быть указан только один диапазон страниц. В теле статьи ссылка на источник из списка литературы должна быть указана в квадратных скобках, например, [1]. Может быть указана ссылка на источник со страницей, например, [1, с. 57], на группу источников, например, [1, 3], [5-7]. Если идет ссылка на один и тот же источник, то в теле статьи нумерация ссылок должна выглядеть так: [1, с. 35]; [2]; [3]; [1, с. 75-78]; [4]....

А в библиографии они должны отображаться так:

[1]
[2]
[3]
[4]....

Постраничные ссылки и сноски запрещены. Если вы используете сноски, не содержащую ссылку на источник, например, разъяснение термина, включите сноски в текст статьи.

После процедуры регистрации необходимо прикрепить аннотацию на русском языке, которая должна состоять из трех разделов: Предмет исследования; Метод, методология исследования; Новизна исследования, выводы.

Прикрепить 10 ключевых слов.

Прикрепить саму статью.

Требования к оформлению текста:

- Кавычки даются углками (« ») и только кавычки в кавычках — лапками (“ ”).
- Тире между датами дается короткое (Ctrl и минус) и без отбивок.
- Тире во всех остальных случаях дается длинное (Ctrl, Alt и минус).
- Даты в скобках даются без г.: (1932–1933).
- Даты в тексте даются так: 1920 г., 1920-е гг., 1540–1550-е гг.
- Недопустимо: 60-е гг., двадцатые годы двадцатого столетия, двадцатые годы XX столетия, 20-е годы XX столетия.
- Века, король такой-то и т.п. даются римскими цифрами: XIX в., Генрих IV.
- Инициалы и сокращения даются с пробелом: т. е., т. д., М. Н. Иванов. Неправильно: М.Н. Иванов, М.Н. Иванов.

ВСЕ СТАТЬИ ПУБЛИКУЮТСЯ В АВТОРСКОЙ РЕДАКЦИИ.

По вопросам публикации и финансовым вопросам обращайтесь к администратору Зубковой Светлане Вадимовне
E-mail: info@nbpublish.com
или по телефону +7 (966) 020-34-36

Подробные требования к написанию аннотаций:

Аннотация в периодическом издании является источником информации о содержании статьи и изложенных в ней результатах исследований.

Аннотация выполняет следующие функции: дает возможность установить основное

содержание документа, определить его релевантность и решить, следует ли обращаться к полному тексту документа; используется в информационных, в том числе автоматизированных, системах для поиска документов и информации.

Аннотация к статье должна быть:

- информативной (не содержать общих слов);
- оригинальной;
- содержательной (отражать основное содержание статьи и результаты исследований);
- структурированной (следовать логике описания результатов в статье);

Аннотация включает следующие аспекты содержания статьи:

- предмет, цель работы;
- метод или методологию проведения работы;
- результаты работы;
- область применения результатов; новизна;
- выводы.

Результаты работы описывают предельно точно и информативно. Приводятся основные теоретические и экспериментальные результаты, фактические данные, обнаруженные взаимосвязи и закономерности. При этом отдается предпочтение новым результатам и данным долгосрочного значения, важным открытиям, выводам, которые опровергают существующие теории, а также данным, которые, по мнению автора, имеют практическое значение.

Выводы могут сопровождаться рекомендациями, оценками, предложениями, гипотезами, описанными в статье.

Сведения, содержащиеся в заглавии статьи, не должны повторяться в тексте аннотации. Следует избегать лишних вводных фраз (например, «автор статьи рассматривает...», «в статье рассматривается...»).

Исторические справки, если они не составляют основное содержание документа, описание ранее опубликованных работ и общеизвестные положения в аннотации не приводятся.

В тексте аннотации следует употреблять синтаксические конструкции, свойственные языку научных и технических документов, избегать сложных грамматических конструкций.

Гонорары за статьи в научных журналах не начисляются.

Цитирование или воспроизведение текста, созданного ChatGPT, в вашей статье

Если вы использовали ChatGPT или другие инструменты искусственного интеллекта в своем исследовании, опишите, как вы использовали этот инструмент, в разделе «Метод» или в аналогичном разделе вашей статьи. Для обзоров литературы или других видов эссе, ответов или рефератов вы можете описать, как вы использовали этот инструмент, во введении. В своем тексте предоставьте prompt - командный вопрос, который вы использовали, а затем любую часть соответствующего текста, который был создан в ответ.

К сожалению, результаты «чата» ChatGPT не могут быть получены другими читателями, и хотя невосстановимые данные или цитаты в статьях APA Style обычно цитируются как личные сообщения, текст, сгенерированный ChatGPT, не является сообщением от человека.

Таким образом, цитирование текста ChatGPT из сеанса чата больше похоже на совместное использование результатов алгоритма; таким образом, сделайте ссылку на автора алгоритма записи в списке литературы и приведите соответствующую цитату в тексте.

Пример:

На вопрос «Является ли деление правого полушария левого полушария реальным или метафорой?» текст, сгенерированный ChatGPT, показал, что, хотя два полушария мозга в некоторой степени специализированы, «обозначение, что люди могут быть охарактеризованы как «левополушарные» или «правополушарные», считается чрезмерным упрощением и популярным мифом» (OpenAI, 2023).

Ссылка в списке литературы

OpenAI. (2023). ChatGPT (версия от 14 марта) [большая языковая модель].

<https://chat.openai.com/chat>

Вы также можете поместить полный текст длинных ответов от ChatGPT в приложение к своей статье или в дополнительные онлайн-материалы, чтобы читатели имели доступ к точному тексту, который был сгенерирован. Особенno важно задокументировать точный созданный текст, потому что ChatGPT будет генерировать уникальный ответ в каждом сеансе чата, даже если будет предоставлен один и тот же командный вопрос. Если вы создаете приложения или дополнительные материалы, помните, что каждое из них должно быть упомянуто по крайней мере один раз в тексте вашей статьи в стиле APA.

Пример:

При получении дополнительной подсказки «Какое представление является более точным?» в тексте, сгенерированном ChatGPT, указано, что «разные области мозга работают вместе, чтобы поддерживать различные когнитивные процессы» и «функциональная специализация разных областей может меняться в зависимости от опыта и факторов окружающей среды» (OpenAI, 2023; см. Приложение А для полной расшифровки). .

Ссылка в списке литературы

OpenAI. (2023). ChatGPT (версия от 14 марта) [большая языковая модель].

<https://chat.openai.com/chat> Создание ссылки на ChatGPT или другие модели и программное обеспечение ИИ

Приведенные выше цитаты и ссылки в тексте адаптированы из шаблона ссылок на программное обеспечение в разделе 10.10 Руководства по публикациям (Американская психологическая ассоциация, 2020 г., глава 10). Хотя здесь мы фокусируемся на ChatGPT, поскольку эти рекомендации основаны на шаблоне программного обеспечения, их можно адаптировать для учета использования других больших языковых моделей (например, Bard), алгоритмов и аналогичного программного обеспечения.

Ссылки и цитаты в тексте для ChatGPT форматируются следующим образом:

OpenAI. (2023). ChatGPT (версия от 14 марта) [большая языковая модель].

<https://chat.openai.com/chat>

Цитата в скобках: (OpenAI, 2023)

Описательная цитата: OpenAI (2023)

Давайте разберем эту ссылку и посмотрим на четыре элемента (автор, дата, название и

источник):

Автор: Автор модели OpenAI.

Дата: Дата — это год версии, которую вы использовали. Следуя шаблону из Раздела 10.10, вам нужно указать только год, а не точную дату. Номер версии предоставляет конкретную информацию о дате, которая может понадобиться читателю.

Заголовок. Название модели — «ChatGPT», поэтому оно служит заголовком и выделено курсивом в ссылке, как показано в шаблоне. Хотя OpenAI маркирует уникальные итерации (например, ChatGPT-3, ChatGPT-4), они используют «ChatGPT» в качестве общего названия модели, а обновления обозначаются номерами версий.

Номер версии указан после названия в круглых скобках. Формат номера версии в справочниках ChatGPT включает дату, поскольку именно так OpenAI маркирует версии. Различные большие языковые модели или программное обеспечение могут использовать различную нумерацию версий; используйте номер версии в формате, предоставленном автором или издателем, который может представлять собой систему нумерации (например, Версия 2.0) или другие методы.

Текст в квадратных скобках используется в ссылках для дополнительных описаний, когда они необходимы, чтобы помочь читателю понять, что цитируется. Ссылки на ряд общих источников, таких как журнальные статьи и книги, не включают описания в квадратных скобках, но часто включают в себя вещи, не входящие в типичную рецензируемую систему. В случае ссылки на ChatGPT укажите дескриптор «Большая языковая модель» в квадратных скобках. OpenAI описывает ChatGPT-4 как «большую мультимодальную модель», поэтому вместо этого может быть предоставлено это описание, если вы используете ChatGPT-4. Для более поздних версий и программного обеспечения или моделей других компаний могут потребоваться другие описания в зависимости от того, как издатели описывают модель. Цель текста в квадратных скобках — кратко описать тип модели вашему читателю.

Источник: если имя издателя и имя автора совпадают, не повторяйте имя издателя в исходном элементе ссылки и переходите непосредственно к URL-адресу. Это относится к ChatGPT. URL-адрес ChatGPT: <https://chat.openai.com/chat>. Для других моделей или продуктов, для которых вы можете создать ссылку, используйте URL-адрес, который ведет как можно более напрямую к источнику (т. е. к странице, на которой вы можете получить доступ к модели, а не к домашней странице издателя).

Другие вопросы о цитировании ChatGPT

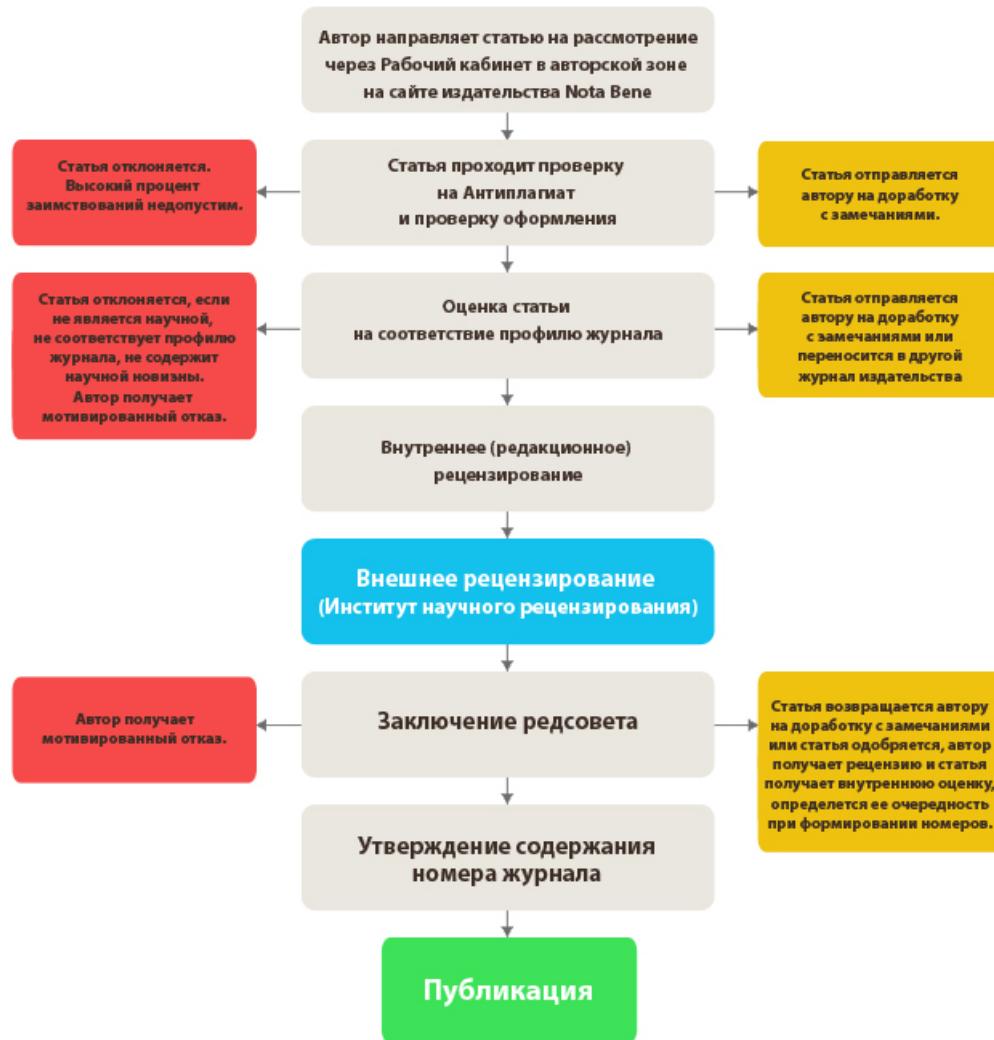
Вы могли заметить, с какой уверенностью ChatGPT описал идеи латерализации мозга и то, как работает мозг, не ссылаясь ни на какие источники. Я попросил список источников, подтверждающих эти утверждения, и ChatGPT предоставил пять ссылок, четыре из которых мне удалось найти в Интернете. Пятая, похоже, не настоящая статья; идентификатор цифрового объекта, указанный для этой ссылки, принадлежит другой статье, и мне не удалось найти ни одной статьи с указанием авторов, даты, названия и сведений об источнике, предоставленных ChatGPT. Авторам, использующим ChatGPT или аналогичные инструменты искусственного интеллекта для исследований, следует подумать о том, чтобы сделать эту проверку первоисточников стандартным процессом. Если источники являются реальными, точными и актуальными, может быть лучше прочитать эти первоисточники, чтобы извлечь уроки из этого исследования, и перефразировать или процитировать эти статьи, если применимо, чем использовать их интерпретацию модели.

Материалы журналов включены:

- в систему Российского индекса научного цитирования;
- отображаются в крупнейшей международной базе данных периодических изданий Ulrich's Periodicals Directory, что гарантирует значительное увеличение цитируемости;
- Всем статьям присваивается уникальный идентификационный номер Международного регистрационного агентства DOI Registration Agency. Мы формируем и присваиваем всем статьям и книгам, в печатном, либо электронном виде, оригинальный цифровой код. Префикс и суффикс, будучи прописанными вместе, образуют определяемый, цитируемый и индексируемый в поисковых системах, цифровой идентификатор объекта — digital object identifier (DOI).

[Отправить статью в редакцию](#)

Этапы рассмотрения научной статьи в издательстве NOTA BENE.

Содержание

Шевеленкова Т.Д., Сальникова М.М. Изменения психической ригидности и отношения к своему телу в процессе лечения у девушек-подростков, страдающих нервной анорексией	1
Цвекс М.В. Анализ зарубежных и российских подходов к изучению патриотизма личности	20
Лолаева А.С., Худалова М.З. Влияние детской психологической травмы на взрослую жизнь	33
Головинов Е.И., Гостев А.А. Вторичный образ как психокоррекционный ресурс: поиск новых исследовательских возможностей	49
Пензина Н.И. Проведение комплексной психодиагностики претендентов на должность менеджера по продажам	60
Кузьмина А.С., Кривошай К.О., Голованова Л.В. Предикторы родительского выгорания женщин, воспитывающих детей с расстройствами аутистического спектра	69
Англоязычные метаданные	81

Contents

Shevelenkova T.D., Salnikova M.M. Changes in mental rigidity and attitude to one's body during treatment of adolescent girls suffering from anorexia nervosa	1
Cveks M.V. Analysis of foreign and Russian approaches to the study of personal patriotism	20
Lolaeva A.S., Hudalova M.Z. The impact of childhood psychological trauma on adult life	33
Golovinov E.I., Gostev A.A. The secondary image as a psychocorrective resource: the search for new research opportunities	49
Penzina N. Use of comprehensive psychodiagnostics of applicants for the position of sales manager	60
Kuzmina A.S., Krivoshei K.O., Golovanova L.V. Predictors of parental burnout in women raising children with autism spectrum disorders	69
Metadata in english	81

Психолог

Правильная ссылка на статью:

Шевеленкова Т.Д., Сальникова М.М. Изменения психической ригидности и отношения к своему телу в процессе лечения у девушек-подростков, страдающих нервной анорексией // Психолог. 2024. № 2. DOI: 10.25136/2409-8701.2024.2.70033 EDN: ZAHYDYL URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=70033

Изменения психической ригидности и отношения к своему телу в процессе лечения у девушек-подростков, страдающих нервной анорексией

Шевеленкова Татьяна Дмитриевна

ORCID: 0000-0002-5133-273X

кандидат психологических наук

доцент, кафедра нейро- и патопсихологии, Институт психологии им. Л.С. Выготского, Российский государственный гуманитарный университет

125047, Россия, Московская область, г. Москва, Миусская площадь, 6

✉ shevelenkova@gmail.com

Сальникова Мария Максимовна

аспирант, кафедра нейро- и патопсихологии, Институт психологии им. Л.С. Выготского; Российский государственный гуманитарный университет

125047, Россия, Московская область, г. Москва, Миусская площадь, 6

✉ thranduillih@gmail.com

[Статья из рубрики "Понять человека"](#)

DOI:

10.25136/2409-8701.2024.2.70033

EDN:

ZAHYDYL

Дата направления статьи в редакцию:

29-02-2024

Дата публикации:

07-03-2024

Аннотация: Авторы, рассматривая отечественные и зарубежные исследования когнитивной ригидности/флексибельности и представлений о собственном теле при

нервной анорексии, отмечают практическое отсутствие исследований как динамики, так и представлений о существовании и характере связи между указанными психологическими особенностями девушек, страдающих нервной анорексией. Объектом исследования явились психологические особенности, а именно, психическая ригидность, когнитивная флексибильность и отношение к своему телу девушек-подростков, страдающих нервной анорексией. Предметом исследования выступило изменение уровня ригидности/флексибильности и негативного отношения к своему телу, а также их взаимосвязи в ходе стационарного лечения нервной анорексии. Цели исследования: выявить изменения особенностей психической ригидности и отношения к своему телу, а также в характере связи между когнитивной ригидностью, флексибильностью и отношением к телу от начала к концу стационарного лечения подростков, страдающих нервной анорексией. В исследовании, проведенном на базе Центра изучения расстройств пищевого поведения (ЦИРПП) в Москве, приняли участие девушки-подростки (13 - 17 лет) с диагнозом «нервная анорексия». Использованы: классический тест Дж. Р. Струпа, упрощенная версия Томского опросника ригидности, опросник когнитивной флексибильности, опросник «Отношение к своему телу». Проведен факторный анализ связи исследуемых параметров. Особый вклад авторов исследования – доказательство того, что негативное отношение к своему телу при нервной анорексии как в начале, так и в конце стационарного лечения, положительно коррелирует с высоким уровнем ригидности и низким уровнем флексибильности, а также того, что характер данной связи принципиально изменяется от начала к концу стационарного лечения. Новизна исследования заключается в обнаружении того, что от начала к концу стационарного лечения происходит сдвиг психологической проблемы: низкая когнитивная флексибильность, как и неспособность отождествлять себя со своим телом, перестают быть основной проблемой, и на передний план выступает негативная оценка привлекательности своего тела для себя, которая в конце стационарного лечения должна стать специфической мишенью для психотерапевтической работы. Практическая значимость исследования заключается в том, что оно позволяет наметить мишени психологической работы (психотерапевтической, коррекционной, реабилитационной) и их изменение от начала к концу стационарного лечения.

Ключевые слова:

психическая ригидность, флексибильность, отношение к телу, девушки-подростки, нервная анорексия, стационарное лечение, лонгитюдное исследование, динамика показателей, связь показателей, сдвиг проблемы

Нервная анорексия является третьим по распространенности хроническим заболеванием у девушек-подростков [1]: от 35 до 57% из них придерживаются жестких диет, целенаправленно голодают, самостоятельно вызывают рвоту, принимают таблетки для похудения или слабительные [2]. По приблизительным оценкам (только задокументированным случаям нервной анорексии), хотя бы раз в жизни пострадали от проблем, сопутствующих анорексии, от 0,9 % до 4,3 % женщин [3]. В среднем в развитых странах болеет анорексией около 4% женщин и девушек [4]. Примерно 5–10 % больных анорексией, ожидает летальный исход [5].

Одной из основных черт нервной анорексии является когнитивная ригидность, проявляющаяся в первичных симптомах этого заболевания, таких как диетические

ограничения и искажение образа тела [\[6\]](#). Ригидность понимается, как неспособность личности в случае требований объективной ситуации изменить свою психическую установку, реагируя на новое; изменить действие или отношение; поставить себя на место другого человека; изменить поведение; реорганизовать проблемный материал; переструктурировать способы поведения; усвоить новые средства приспособления и пр. [\[7, 8, 9\]](#).

T. Brockmeyer [\[8\]](#), K. Tchanturia [\[9, 10\]](#), J. Cholet [\[11\]](#), K.M. Dann [\[12\]](#), G. Abbate-Daga [\[13\]](#), A. Rößner [\[14\]](#), Y. Sato [\[15\]](#) установили что когнитивная ригидность - фактор, поддерживающий нервную анорексию: людям, страдающим нервной анорексией, трудно изменить модус переживания относительно своего тела, у них происходит «застревание» на идеях худобы, что, в свою очередь, «подпитывает» когнитивную ригидность.

На протяжении многих лет в отечественной психологии и психиатрии считалось, что важнейшим фактором развития нервной анорексии является негативное отношение к своему телу. Данное исследование рассматривает отношение к телу как многомерный конструкт, включающий результаты самовосприятия и установки, связанные с собственным телом. Однако современные исследования показывают, что не всегда неудовлетворенность своим телом означает развитие расстройств пищевого поведения и, в частности, нервной анорексии [\[16\]](#). Неудовлетворенность своим телом может иметь негативные последствия и быть не только ситуационным состоянием [\[17\]](#).

Не смотря на огромный пласт исследований нервной анорексии многие вопросы остаются открытыми: нет исследований связи ригидности при нервной анорексии с отношением к телу как многомерным (многоаспектным) конструктом; не ясно, какие именно аспекты отношения к своему телу «поддерживаются» когнитивной ригидностью.

На данный момент также не хватает лонгитюдных исследований, затрагивающих изменение (динамику) психологических особенностей в ходе лечения нервной анорексии. Важно исследовать, как быстро меняется психическая сфера человека, страдающего нервной анорексией, хватит ли одного месяца интенсивной работы пациента с психиатрами, консультантами по питанию, клиническими психологами, когнитивно-поведенческими психотерапевтами и другими специалистами, чтобы было заметно восстановление физической состояния и преодоления психологических особенностей, специфичных для нервной анорексии?

Как правило при оценке эффективности лечения по истечению месяца у пациенток отмечается прежде всего коррекция веса, улучшение физического состояния, но остается открытым вопрос, произошли ли у пациенток положительные изменения в психике: понизился ли уровень психической ригидности, а отношение к телу сдвинулось ли в сторону положительного полюса.

Настоящее исследование преследовало **следующие цели:** во-первых, выявить изменения психической ригидности и отношения к своему телу в ходе стационарного лечения у пациенток, страдающих нервной анорексией, и, во-вторых, установить связь между когнитивной ригидностью и отношением к телу, определить, какие именно аспекты отношения к своему телу связаны с («поддерживаются») когнитивной ригидностью.

В работе проверялось предположение, что в ходе стационарного лечения (при повышении массы тела) уровень ригидности при нервной анорексии снижается, а негативное отношение к своему телу сдвигается в сторону положительного полюса. Также предполагалось, что негативное отношение к своему телу при нервной анорексии

положительно коррелирует с высоким уровнем ригидности и, соответственно, с низким уровнем флексибельности.

Методы и процедура исследования

Исследование проводилось на базе Центра изучения расстройств пищевого поведения (ЦИРПП) в городе Москва с 27 ноября 2021 года по 10 сентября 2022 года. В нем приняли участие девочки-подростки в возрасте от 13 до 17 лет (средний возраст участников исследования составил $15,15 \pm 1,14$ лет). Всего была обследована 41 пациентка (33 девушки, страдающие нервной анорексией, 7 девушек, страдающих нервной булимией и 1 пациентка, страдающая компульсивным перееданием), однако завершили исследование 20 человек с диагнозом «нервная анорексия». Критериями включения в выборку были: (1) согласие пациенток на участие в исследовании; поставленный психиатром диагноз «нервная анорексия» (F50.0 Нервная анорексия), значительное снижение веса у всех пациенток на момент помещения в стационар; (2) завершенное участие в двух этапах исследования. Критериями исключения из выборки: несогласие на участие в исследовании, поставленный психиатром диагноз «нервная булимия», незаконченное участие в любом из этапов исследования.

При помещении пациенток в стационар (перед началом лечения и исследования) от родителей девочек было получено информированное согласие на участие их дочерей в медицинских и психологических исследованиях. Участие в данном исследовании для пациенток было добровольным. Они предварительно получили информацию о целях и процедуре проведения исследования, им также сообщали, что они могут отказаться от участия в исследовании на любом этапе без ущерба для проводимого лечения.

Пациентки, принявшие участие в исследовании, получали фармакотерапевтическое лечение в совокупности с индивидуальной и групповой психотерапией под наблюдением врачей (психиатров, консультантов по питанию и др.) и психологов. Также, помимо обязательного питания, пациентки получали парентеральное питание.

В исследовании применен вариант лонгитюдного метода: пациентки, проходили исследование в два этапа: в начале стационарного лечения и через месяц после его начала – в конце.

В исследовании использовались следующие **методики**.

1) Классический тест Дж. Р. Струпа (1935) [\[18\]](#), определяющий показатель когнитивной ригидности (узость, жесткость познавательного контроля); относительный показатель интерференции, возникающей как результат конфликта вербальных и сенсорно-перцептивных функций (в данной работе специально не анализировался); показатель вербальности, свидетельствующий о преобладании словесного способа переработки информации над сенсорно-перцептивным.

2) Упрощенная версия Томского опросника ригидности Г.В. Залевского (1987) [\[19, 20\]](#). Использованы четыре шкалы: «Актуальная ригидность» (риgidность в собственном или узком смысле как неспособность изменить мнение, отношение, установку, мотивы, модус переживания и т.п.); «Сенситивная ригидность» (личностный уровень проявления психической ригидности, эмоциональная реакция человека на новое, на ситуации, требующие изменений); «Ригидность как состояние» (реакция на неблагоприятные события, склонность к фиксированному поведению в состоянии страха, стресса, плохого настроения, утомления и т.д.) и шкала лжи (вопросы вычленены из личностного опросника Г. Айзенка).

3) *Опросник когнитивной флексибильности* (адаптация С.С. Кургinya и Е.Ю., Осаволюк, 2018) [\[21\]](#) измеряющий три аспекта когнитивной флексибильности: возможность индивида давать несколько вариантов объяснения жизненным событиям и проявлениям поведения человека, а также предлагать разные способы разрешения трудных ситуаций (шкала «Альтернативы»); способность индивида воспринимать трудные ситуации как контролируемые (шкала «Контроль»); интегративный показатель когнитивной флексибильности, свидетельствующий о когнитивной адаптивности индивида при возникновении стрессовых ситуаций, способности корректировать свое поведение в соответствии с требованиями неблагоприятных обстоятельств (в противоположность когнитивной ригидности).

4) *Методика «Отношение к своему телу»* (Т.Д. Шевеленкова, Ж.А. Волжина, 2014) [\[22\]](#) – многомерное шкалирование отношения к своему телу, включающее восемь шкал: значимость телесного здоровья, значимость красоты собственного тела, оценка умения управлять своим телом, оценка физического состояния, оценка привлекательности своего тела для других, оценка привлекательности своего тела для себя, оценка способности устанавливать и поддерживать контакт со своим телом, оценка способности отождествлять себя со своим телом. Также посчитывается интегративный показатель отношения к своему телу. Рассматривалась выраженность *негативного отношения к телу*: чем ниже результат по каждой из шкал и интегративный показатель отношения к своему телу, тем более положительным оно является.

В исследовании использовались методы математико-статистического анализа. Статистическая обработка данных проводилась с помощью программ Microsoft Office Excel 2019 и IBM SPSS Statistics 20.0 © SPSS Inc. (2011). Нормальность распределения первичных данных проверялась по критерию согласия Колмогорова-Смирнова по всем шкалам каждой методики. Для выявления различий использовался t-критерий Стьюдента для зависимых выборок, а для выявления взаимосвязей был проведен факторный анализ по данным начала и конца стационарного лечения.

Диагностическая точность определялась введением в исследование «шкалы лжи» (Томский опросник ригидности). 80% респонденток дали низкие результаты по данной шкале, что свидетельствует о достоверности полученных от них данных. 20% респонденток дали относительно высокие показатели по данной шкале, что говорит о возможном искажении результатов, однако их результаты все-таки были включены в общие результаты исследования с целью: 1) выявить, повысилась или понизилась тенденция давать недостоверные результаты в целом по выборке; 2) определить с какими параметрами ригидности/флексибильности и отношения к телу коррелирует уровень лжи респонденток.

Результаты

Результаты сравнительного исследования показателей групповой динамики ригидности и флексибильности (в начале и конце пребывания в клинике).

Таблица 1.

Соотношение в начале и конце лечения пациенток с различными показателями ригидности/флексибильности (пп (пп%))

НАЧАЛО СТАЦИОНАРНОГО ЛЕЧЕНИЯ		
..	Опросник когнитивной	-

Методика	Опросник когнитивной флексибельности			Томский опросник ригидности					С к т р
	Альтер-нативы	Конт-роль	Когнитив-ная флекси-бильность	Актуаль-ная ригид-ность	Сенси-тивная ригид-ность	Ригид-ность как состояние	Шкала лжи	Общая ригид-ность	
Шкалы									
Низкие показатели	7 (35%)	9 (45%)	7 (35%)	0 (0%)	0 (0%)	1 (5%)	16 (80%)	1 (5%)	2
Средние показатели	8 (40%)	9 (45%)	9 (45%)	11 (55%)	7 (35%)	3 (15%)	0 (0%)	4 (20%)	9
Высокие показатели	5 (25%)	2 (10%)	4 (20%)	9 (45%)	13 (65%)	16 (80%)	4 (20%)	15 (75%)	9

КОНЕЦ СТАЦИОНАРНОГО ЛЕЧЕНИЯ

Методика	Когнитивная флексибельность			Томский опросник ригидности					С к т р
	Альтер-нативы	Конт-роль	Когнитив-ная флекси-бильность	Акт-альная ригид-ность	Сенси-тивная ригид-ность	Ригид-ность как состояние	Шкала лжи	Общая ригид-ность	
Шкалы									
Низкие показатели	3 (15%)	10 (30%)	8 (40%)	4 (20%)	0 (0%)	0 (0%)	12 (70%)	1 (5%)	4
Средние показатели	9 (45%)	10 (50%)	8 (40%)	8 (40%)	12 (60%)	8 (40%)	0 (0%)	8 (40%)	1
Высокие показатели	8 (40%)	4 (20%)	4 (20%)	8 (40%)	8 (40%)	12 (60%)	6 (30%)	11 (55%)	3

Согласно Таблице 1 в начале стационарного лечения процент девушки-подростков, страдающих нервной анорексией, с низкой флексибельностью (согласно «Опроснику когнитивной флексибельности») резко превышает тех, у кого обнаружена высокая флексибельность. Соответственно процент респонденток с высокой ригидностью во много раз превышает процент таковых с низкой ригидностью (по всем шкалам Томского опросника ригидности). Более того, *вообще не обнаружено пациенток с низким уровнем актуальной и сенситивной ригидности*. Большая часть пациенток имела очень высокий уровень ригидности как состояния (80%), сенситивной ригидности (65%), а также общей ригидности (75%). В конце стационарного лечения картина принципиально меняется, но не по всем диагностируемым параметрам. Количество пациенток с низкой когнитивной флексибельностью и высокими показателями ригидности, как психической, так и когнитивной, - снизилось, увеличился процент пациенток с высоким показателями по всем шкалам когнитивной флексибельности, а также с низкой когнитивной и актуальной ригидностью. В то же время не изменился процент пациенток с низкими показателями сенситивной ригидности (0%), ригидности как состояния (0%) и общим показателем ригидности (5%). Также в конце лечения число пациенток с высоким уровнем показателей по шкале лжи увеличилось на 10 процентов.

С помощью t -критерия Стьюдента выявлены значимые различия в уровне когнитивной

ригидности, актуальной ригидности, а также в таких показателях когнитивной флексибельности как «контроль» и «интегративный показатель когнитивной флексибельности» у девушек-подростков, страдающих нервной анорексией, в начале и в конце лечения, то есть через месяц пребывания в клинике.

Таблица 2.

Значимые различия в показателях когнитивной, актуальной ригидности и когнитивной флексибельности в начале и конце стационарного лечения

Методика	Шкала	Начало стационарного лечения		Конец стационарного лечения		p
		Среднее	σ	Среднее	σ	
Классический тест Дж.Р. Струпа	Когнитивная ригидность	37,65	18,17	28,05	15,16	0,04*
Томский опросник ригидности	Актуальная ригидность	39,45	10,86	33,55	12,20	0,045*
Опросник когнитивной флексибельности	Контроль	62,25	11,48	66,10	9,79	0,008**
	Интегративный показатель когнитивной флексибельности	93, 20	19,22	101,70	19,61	0,004**

Примечание: * - p < 0,05; ** - p < 0,01

В таблице 2 представлены шкалы, по которым произошли значимые изменения к концу стационарного лечения: уровень когнитивной и актуальной ригидности стал значимо ниже; уровень когнитивной флексибельности, соответственно, повысился. Значимые различия не обнаружены по шкалам «сенситивная ригидность» (0,056), «ригидность как состояние» (0,298) и «вербальность» (0,890). Также значимо не изменился такой параметр когнитивной флексибельности как «альтернативы» (0,056). Не произошло и значимых изменений в показателях шкалы лжи (0,402).

Результаты сравнительного исследования изменений показателей отношения к собственному телу по группе в целом в ходе стационарного лечения.

Оценивая характер отношения к своему телу девушек-подростков, страдающих нервной анорексией, в начале и конце стационарного лечения необходимо, прежде всего, отметить неравномерность степени выраженности негативного/позитивного значения различных компонентов в структуре многомерного конструкта отношения к телу, а также динамики выраженности их в начале и конце лечения в целом по исследуемой группе.

Согласно данным, представленным в таблице 3, в начале лечения преобладают пациентки, обнаруживающие высокую значимость для них телесного здоровья и красоты собственного тела (низкая оценка незначимости параметров). Эти показатели значимо не меняются к концу лечения. В то же время в начале стационарного лечения оценка

способности отождествлять себя со своим телом, способности устанавливать и поддерживать контакт со своим телом и привлекательности своего тела для себя является у большинства респонденток явно негативной. Именно эти показатели обнаруживают резкий сдвиг в сторону положительной оценки к концу стационарного лечения. Наибольшую устойчивость в ходе лечения негативное отношение к телу сохраняет в оценке привлекательности своего тела для себя: более чем у половины пациенток ее оценка остается негативной. К концу срока лечения увеличивается количество пациенток, обнаруживающих высоко позитивное значение «Интегративного показателя отношения к своему телу», «Оценки привлекательности своего тела для других», а также «Оценки умения управлять своим телом».

Таблица 3.

Соотношение количества пациенток с разной степенью выраженности негативного отношения к своему телу в начале и конце стационарного лечения (пп (пп%)).

НАЧАЛО СТАЦИОНАРНОГО ЛЕЧЕНИЯ								
Шкалы	Значимость телесного здоровья	Значимость красоты собственного тела	Оценка умения управлять своим телом	Оценка физического состояния	Оценка привлекательности своего тела для других	Оценка привлекательности своего тела для себя	Способность устанавливать и поддерживать контакт со своим телом	С
Низкие показатели	11 (55%)	9 (45%)	9 (45%)	9 (45%)	4 (20%)	3 (15%)	1 (5%)	С
Средне-низкие показатели	3 (15%)	3 (15%)	0 (0%)	1 (5%)	2 (10%)	0 (0%)	2 (10%)	С
Средне-высокие показатели	1 (5%)	3 (15%)	4 (20%)	1 (5%)	5 (25%)	3 (15%)	3 (15%)	С
Высокие показатели	5 (25%)	6 (30%)	7 (35%)	9 (45%)	9 (45%)	14 (70%)	14 (70%)	С
КОНЕЦ СТАЦИОНАРНОГО ЛЕЧЕНИЯ								
Низкие показатели	11 (55%)	9 (45%)	8 (40%)	7 (35%)	7 (35%)	5 (25%)	5 (25%)	С
Средне-низкие показатели	3 (15%)	4 (20%)	3 (15%)	4 (20%)	5 (25%)	3 (15%)	3 (15%)	С
Средне-высокие показатели	5 (25%)	3 (15%)	4 (20%)	6 (30%)	6 (30%)	2 (10%)	6 (30%)	С
Высокие	1	4	5	3	2	10	6	

показатели	(5%)	(20%)	(25%)	(15%)	(10%)	(50%)	(30%)
------------	------	-------	-------	-------	-------	-------	-------

Результаты статистического анализа отношения к телу у девушек-подростков с нервной анорексией в начале и конце лечения показали значимое изменение негативного отношения к телу на более положительное (таблица 4).

Таблица 4.

Значимые различия в показателях негативного отношения к телу в начале и конце стационарного лечения

Шкала	Начало стационарного лечения		Конец стационарного лечения		p
	Среднее	σ	Среднее	σ	
Негативная оценка умения управлять своим телом	27,30	9,85	21,45	7,92	0,007**
Негативная оценка физического состояния	28,25	9,99	22,20	8,78	0,015*
Негативная оценка привлекательности своего тела для других	27,35	8,18	22,40	8,67	0,007**
Негативная оценка привлекательности своего тела для себя	33,50	9,46	26,20	11,64	0,002**
Негативная оценка способности устанавливать и поддерживать контакт со своим телом	33,35	7,46	23,85	9,28	0,001**
Негативная оценка способности отождествлять себя со своим телом	35,10	11,79	24,40	12,47	<0,001**
Интегративный показатель негативного отношения к своему телу	226,80	45,30	181,85	54,73	<0,001**
Примечание: * - p <0,05; **- p <0,01					

Согласно таблице 4 статистически значимые сдвиги негативного отношения к телу в ходе лечения в сторону положительного полюса в целом по группе произошли по шкалам: «Интегративный показатель негативного отношения к своему телу», «Оценка способности отождествлять себя со своим телом», «Оценка способности устанавливать и

поддерживать контакт со своим телом», «Оценка привлекательности своего тела для себя», «Оценка привлекательности своего тела для других», «Оценка умения управлять своим телом». Изменения произошли и в «негативной оценке физического состояния» ($p=0,015$), которая стала более положительной. К концу стационарного лечения не изменились показатели по таким шкалам, как «Значимость телесного здоровья» ($p=0,424$) и «Значимость красоты собственного тела» ($p=0,572$).

Результаты факторного анализа по данным начала стационарного лечения. С помощью факторного анализа всех результатов диагностики в начале стационарного лечения у пациенток, страдающих нервной анорексией, было вычислено 5 факторов (вращение сошло за 7 итераций).

Применяемый нами факторный анализ относится к эксплораторному (поисковому, разведывательному) типу. Он не направлен на проверку гипотез и применялся как инструмент, позволяющий объединить в группы используемые переменные и выдвинуть гипотезы о возможной структуре скрытых факторов. Проводя факторный анализ данных, мы пытались дойти до неких фундаментальных переменных, которые не «схватываются» непосредственными измерениями, стремились строить поисковые модели, позволяющие наметить направления и пути дальнейших исследований.

Фактор 1 (20,758 % дисперсии) выявил обратную связь показателей когнитивной флексибельности, а именно, интегративного показателя когнитивной флексибельности (-,920), «альтернатив» (-,861) и «контроля» (-,813), с компонентами негативного отношения к своему телу (в том числе, с негативной оценкой умения управлять своим телом (,713), негативной оценкой своего физического состояния (,697), а также с интегративным показателем негативного отношения к своему телу (,507).

Фактор 2 (20,065 % дисперсии) показал связь негативных показателей шкал методики «Отношение к своему телу». Наибольшую факторную нагрузку имеет шкала негативная «Оценка способности отождествлять себя со своим телом» (,914), связанная с такими шкалами как негативная «Оценка привлекательности своего тела для себя» (,841), «Интегративный показатель негативного отношения к своему телу» (,791), негативная «Оценка способности устанавливать и поддерживать контакт со своим телом» (,771), а также шкалой негативная «Оценка привлекательности своего тела для других» (,612).

В отдельный **фактор 3** (17,865 % дисперсии) выделилась отрицательная связь шкалы лжи (-,695) и положительно взаимосвязанных шкал: «сенситивная ригидность» (,908), «риgidность как состояние» (,896), «актуальная ригидность» (,870). Наибольшую нагрузку имеет «сенситивная ригидность» (личностный уровень проявления психической ригидности).

Фактор 4 (14,869 % дисперсии) показал отрицательную связь между общим показателем когнитивной ригидности (-,843) (по тесту Дж. Р. Струпа), и положительно взаимосвязанными характеристиками: незначимостью телесного здоровья (,686) и уровнем лжи (,513), что свидетельствует о том, что чем менее когнитивно ригидны пациентки, тем в большей степени они склонны лгать, и тем менее для них значимо телесное здоровье.

Фактор 5 (7,345 % дисперсии) определил прямую связь степени незначимости телесного здоровья (,772) с преобладанием словесного способа переработки информации (,530) (цвет «запутывает» когнитивные процессы пациенток и у них начинает преобладать словесный способ переработки информации); в начале лечения ригидные пациентки, плохо использующие перцептивный канал переработки информации

и, как правило, негативно относятся к своему здоровью.

С помощью факторного анализа всех результатов диагностики **в конце стационарного лечения** у пациенток, страдающих нервной анорексией, было вычленено 5 факторов (вращение сошло за 7 итераций).

Результаты факторного анализа по данным, полученным в конце стационарного лечения.

Фактор 1 (32,830 % дисперсии): наибольшую факторную нагрузку несет шкала «Негативная оценка привлекательности своего тела для себя» (,899), группирующая такие параметры отношения к телу как «Интегративный показатель негативного отношения к своему телу» (,890), «Негативная оценка способности отождествлять себя со своим телом» (,855), «Негативная оценка способности устанавливать и поддерживать контакт со своим телом» (,847), «Негативная оценка привлекательности своего тела для других» (,827), «Негативная оценка физического состояния» (,716), «Негативная оценка умения управлять своим телом» (,696). Эти прямо связанные между собой показатели негативного отношения к своему телу обратно связаны с параметрами когнитивной ригидности/флексибильности: мерой «вербальности» (-,685), интегративным показателем когнитивной флексибильности (-,516) и способностью к альтернативному мышлению (-,565).

Фактор 2 (17,604 % дисперсии) охарактеризовал как высоко взаимосвязанные все исследуемые переменные томского опросника ригидности: «Актуальной ригидности» (,894), – ригидности в собственном или узком смысле слова; «Сенситивной ригидности» (,892), – личностного уровня проявления психической ригидности; «Ригидность как состояние» (,887), – как реакции на неблагоприятные события.

Фактор 3 (13,740 % дисперсии) связал низкую когнитивную ригидность (-,953) с низким показателем «вербальности» (-,557).

Фактор 4 (13,056 % дисперсии) показал, что снижение возможности для пациенток воспринимать трудные ситуации как контролируемые (-,840) связано со снижением когнитивной флексибильности в целом (-,801), а также возможностью давать несколько вариантов объяснения жизненным событиям и проявлениям поведения человека, а также предлагать множество разных способов разрешения трудных ситуаций (-,634).

Фактор 5 (11,407 % дисперсии) выявил связь между высокими показателями степени незначимости красоты собственного тела (,800), незначимости телесного здоровья (,728) и низким уровнем лжи (-,720).

Обсуждение результатов

Проведенное исследование обнаружило в начале лечения количественное преобладание пациенток с высоким уровнем когнитивной и личностной ригидности (вообще не обнаружено пациенток с низким уровнем актуальной и сенситивной ригидности) и низким уровнем когнитивной флексибильности, что свидетельствует о том, что низкая когнитивная флексибильность и высокая ригидность – важный симптом нервной анорексии.

Исследование подтвердило предположение о том, что в ходе пребывания в стационаре в течение месяца у пациенток, уровень как когнитивной, так и личностной ригидности по группе в целом снижается и значимо повышается уровень когнитивной флексибильности. К концу стационарного лечения значимо снизилась жесткость познавательного контроля:

контроль стал охватывать более широкие сферы жизнедеятельности; снизилась ригидность в собственном или узком смысле, появилась относительная способность изменять свое мнение, отношение, установку, мотивы и модус переживания; появилась относительная возможность воспринимать трудные ситуации как контролируемые. Повышение интегрального показателя когнитивной флексибильности в конце лечения свидетельствует о повышении когнитивной адаптивности девушек-подростков, страдающих нервной анорексией при возникновении стрессовых ситуаций, способности корректировать свое поведение в соответствии с требованиями неблагоприятных обстоятельств. Поскольку не изменился процент пациенток с низкими показателями сенситивной ригидности, ригидности как состояния и общего показателя ригидности, данные показатели ригидности можно считать наиболее резистентными по отношению к проводимому лечению. Практически не меняется к концу лечения (за месяц пребывания в клинике) личностный уровень проявления психической ригидности, характеризующий эмоциональную реакцию пациенток на новое, на ситуации, требующие изменений, страх перед новым, неофобию. Неизменной остается реакция пациенток на неблагоприятные события, склонность к фиксированному поведению в состоянии страха, стресса (дистресса), плохого настроения, утомления или какого-либо болезненного состояния. Изменение данных параметров ригидности, скорее всего, не зависит напрямую от повышения массы тела и требует серьезной психологической работы после окончания пребывания пациенток в стационаре.

В начале стационарного лечения большинство девушек, страдающих нервной анорексией, обнаруживает негативное отношение к своему телу по большинству исследуемых параметров. Тем не менее «Значимость телесного здоровья» и «Значимость красоты собственного тела» даже в начале стационарного лечения оценивается ими преимущественно высоко положительно и сохраняется в таком качестве до конца стационарного лечения.

В начале стационарного лечения наибольшую факторную нагрузку имел интегративный показатель когнитивной флексибильности, отрицательно связанный с параметрами негативного отношения к собственному телу (с негативной оценками умения управлять своим телом, своего физического состояния, а с также с интегративным показателем отношения к своему телу) и показателями когнитивной и личностной ригидности. Чем ниже показатели когнитивной флексибильности, тем более выражено у девушек-подростков с нервной анорексией негативное отношение к своему телу. Можно предположить, что именно эти показатели отношения к телу пациенток «поддерживаются» характерной для них когнитивной ригидностью (низкой флексибильностью). Установлено также, что негативное отношение к своему телу при нервной анорексии положительно коррелирует с высоким уровнем ригидности и, соответственно, с низким уровнем флексибильности как в начале, так и в конце стационарного лечения.

Наибольшую устойчивость (резистентность) отношение к телу в ходе лечения выявляет в оценке привлекательности своего тела для себя: более чем у половины пациенток она остается в конце стационарного лечения негативной. Более того, как показал факторный анализ переменных в конце лечения, именно «Негативная оценка привлекательности своего тела для себя» (фактор 1) имеет наибольшую факторную нагрузку, группируя как другие параметры отношения к телу (прямая связь), так и показатели когнитивной ригидности/флексибильности (обратная связь). Доминирование сниженной когнитивной флексибильности (в начале лечения) меняется на доминирование параметров негативного отношения к телу (в конце лечения). С повышением когнитивной

флексибельности к концу лечения на первый план начинает выходить проблема удовлетворенности своим телом.

В начале лечения наибольшую факторную нагрузку имеет «Негативная оценка способности отождествлять себя со своим телом» (фактор 2), объединяющая в единый фактор другие параметры негативного отношения к телу. Таким образом в начале лечения у пациенток существует своеобразная «пропасть» между собственным Я и своим телом, невозможность отождествить себя с собственным телом: «Я – это не мое тело». В конце лечения центральное место начинает занимать «Негативная оценка привлекательности своего тела для себя» и основной проблемой становится удовлетворенность своим телом: «Мне не нравится мое тело». Таким образом от начала к концу стационарного лечения происходит сдвиг психологической проблемы: низкая когнитивная флексибельность, как и неспособность отождествлять себя со своим телом, перестают быть основной проблемой, определяющей симптоматику, и на передний план выступает негативная оценка привлекательности своего тела для себя, которая в конце стационарного лечения должна стать специфической мишенью для психотерапевтической работы. Данная мишень появляется только к концу стационарного лечения после улучшения физического состояния пациенток. Этот факт дает возможность планировать психотерапевтическую работу с пациентками и наметить основные ее мишени уже после стационарного лечения.

Интересным фактом, полученным в исследовании (фактор 5 начала лечения), стало то, что незначимость телесного здоровья оказалась связана с высоким показателем «вербальности», то есть чем менее пациентки ценят телесное здоровье, тем более они склонны к использованию вербального канала переработки информации, игнорируя перцептивный канал. В конце лечения те пациентки, у кого повысилась ценность здоровья, начинают в большей степени использовать перцептивный канал.

Статистически значимые сдвиги негативного отношения к телу в ходе лечения в сторону положительного полюса в целом по группе произошли по всем шкалам, кроме «Значимости телесного здоровья» и «Значимости красоты собственного тела». Последние к концу стационарного лечения не изменились остались прежними, что, в свою очередь, оказалось крайне информативным. Факторный анализ показателей в начале лечения обнаружил обратную связь степени незначимости телесного здоровья с уровнем когнитивной ригидности и прямую – с данными шкалы лжи.

Оказалось, что в начале лечения склонны давать о себе и своих переживаниях, мнениях и установках неверные сведения те девушки-подростки, страдающей нервной анорексией, для которых не значимо телесное здоровье, но которые, в то же время, наименее ригидны. Можно предположить, что девушки-подростки, страдающие нервной анорексией, когда они соглашаются лечь в клинику для лечения, тем не менее внутренне не согласны лечиться и изменяться, считая себя здоровыми. Наименее ригидные из них, лучше понимающие, что от них требуется в клинике, защищаются повышением уровня лжи. Стремление быть неискренними с медицинским персоналом и психологами-исследователями поддерживается именно низкой значимостью собственного здоровья. У пациенток иные приоритеты, часто принимающие форму вторичных выгод: наладить отношения со сверстниками, стать «счастливыми» в их понимании, принять себя, заняться любимым делом, реализовать свое стремление к тому, чтобы «люди ценили их за богатый внутренний мир» и т.д. Для подтверждения этого факта необходимы дополнительные исследования, поскольку научных работ на данную тему нет, не проводилось ни в нашей стране, ни за рубежом.

В конце стационарного лечения низкий уровень лжи имеют именно те пациентки, которые сохраняют высокий уровень негативного отношения (пренебрежения) к красоте собственного тела и телесного здоровья. Негативное отношение к красоте и здоровью тела не порождает стремления защищаться и лгать. Соответственно, девушки-подростки, сохраняющие в конце стационарного лечения негативное отношение к собственному здоровью и красоте собственного тела наиболее искренни, а результаты их исследования оказываются вызывающими наибольшее доверие. Позитивный сдвиг в этих аспектах отношения к телу, коррелирующий с повышением по шкале лжи, является вероятно реакцией на установки медицинского персонала на формирование у пациенток именно положительного отношения и порождает у них стремление лгать, чтобы их считали «выздоровевшими». Выявленные факты, по-видимому, требуют от медицинского персонала перехода от простой «трансляции» установки в виде значимости собственного телесного здоровья и красоты собственного тела к серьезной психотерапевтической работе в этом направлении.

Факторный анализ показывает изменение связей показателей по шкале лжи от начала к концу лечения. В начале лечения они обратно связаны как с психической, так и личностной ригидностью, с показателями когнитивной ригидности, а также прямо с незначимостью телесного здоровья. В конце лечения уровень лжи не связан ни с когнитивной ригидностью, ни с когнитивной флексибильностью; теперь он обратно связан только с параметрами негативного отношения к своему телу, а именно с незначимостью красоты собственного тела и телесного здоровья. Еще раз отметим, что в конце лечения именно негативное отношение к телу становится «краеугольным камнем», на котором должна строиться психологическая работа.

Результаты проведенного исследования свидетельствуют о том, что уровень когнитивной ригидности при нервной анорексии в ходе лечения при восстановлении массы тела (приближения индекса массы тела к нормальному) уменьшается, соответственно, уровень когнитивной флексибильности повышается. Полученные данные хорошо согласуются с результатами, изложенными в работах М.В. Коркиной с соавторами [5, 6], а также в ряде зарубежных исследований: J. Cholet at al. [11]; T. Brockmeyer at al. [9]; K. Tchanturia at al. [9; 10]. В обозначенных выше зарубежных исследованиях показано, что сниженная когнитивная гибкость является характерной стабильной чертой пациентов с нервной анорексией, не зависящая ни от индекса массы тела, ни от продолжительности болезни, и что когнитивная ригидность может быть маркером нарушений пищевого поведения [11]. Аналогичные результаты получены K.M. Dann at al. [12]; G. Abbate-Daga at al. [13]; A. Rößner at al. [14]; Di Lodovico L. [23]; S.B. Wang at al. [24].

Соотносясь с современными исследованиями отношения к телу у пациенток, страдающих нервной анорексией, отметим, что в отличие от представленного исследования, они в основном делают акцент на удовлетворенности/неудовлетворенности своим телом и на искажении параметров тела [25, 26, 27].

Заключение

Показателями улучшения состояния пациентов с нервной анорексией являются повышение уровня когнитивной флексибильности, уменьшение уровня актуальной ригидности и более близкое к положительному полюсу отношение к своему телу.

Практическая значимость исследования состоит в том, что полученные в нем результаты позволяют выделить специфические мишени для психологической работы с пациентками

в начале и конце лечения, поскольку оно устанавливает, какие именно аспекты отношения к своему телу «поддерживаются» когнитивной ригидностью, а также фиксирует сдвиг в ходе стационарного лечения от доминирования сниженной когнитивной флексибильности (в начале лечения) в сторону доминирования параметров негативного отношения к телу (в конце лечения), показывая, что с повышением когнитивной флексибильности к концу лечения на первый план начинает выходить удовлетворенность своим телом.

Данное исследование впервые обращает внимание на значение фактора лжи в оценке состояния и интенций пациенток в начале и конце их пребывания в клинике.

Существенным ограничением исследования является небольшой объем выборки. Необходимо дальнейшие исследования, чтобы понять, насколько данная выборка отражает генеральную совокупность. Поскольку исследование носило пилотный характер, его результаты и выводы, сделанные из их анализа, не претендуют на общезначимость и, прежде всего, дают основания для выдвижения продуктивных гипотез, которые требуют дальнейшей проверки.

Библиография

1. Kalisvaart, J. L., & Hergenroeder, A. C. (2007). Hospitalization of patients with eating disorders on adolescent medical units is threatened by current reimbursement systems. *International Journal of Adolescent Medicine and Health*, 19(2), 155-165. doi:10.1515/ijamh.2007.19.2.155
2. Boutelle, K., Neumark-Sztainer, D., Story, M., & Resnick, M. (2002). Weight control behaviors among obese, overweight, and nonoverweight adolescents. *Journal of Pediatric Psychology*, 27(6), 531-540. doi:10.1093/jpepsy/27.6.531
3. Smink, F. R., van Hoeken, D., & Hoek, H. W. (2012). Epidemiology of eating disorders: incidence, prevalence and mortality rates. *Current Psychiatry Reports*, 14(4), 406-414. doi:10.1007/s11920-012-0282-y
4. Smink, F. R., van Hoeken, D., & Hoek, H. W. (2013). Epidemiology, course, and outcome of eating disorders. *Current Opinion in Psychiatry*, 26(6), 543-548. doi:10.1097/YCO.0b013e328365a24f
5. Коркина, М. В., Цивилько, М. А., & Марилов, В. В. (1986). Нервная анорексия. Москва: Медицина. 176 с.
6. Коркина, М. В., Цивилько, М. А., Карева, М. А., Жигалова, Н. Д., & Кислова Е. К. (1990). Клинико-психопатологические корреляции психической ригидности при нервной анорексии. *Журнал невропатологии и психиатрии им. С.С. Корсакова*, 10, 86-88.
7. Залевский, Г. В. (1993). Психическая ригидность в норме и патологии. Томск: Издательство Томского университета. 272 с.
8. Brockmeyer, T., Febry, H., Leiteritz-Rausch, A., Wünsch-Leiteritz, W., Leiteritz, A., & Friederich, H. C. (2022). Cognitive flexibility, central coherence, and quality of life in anorexia nervosa. *Journal of Eating Disorders*, 10(1), 22. doi:10.1186/s40337-022-00547-4
9. Tchanturia, K., Davies, H., Roberts, M., Harrison, A., Nakazato, M., Schmidt, U., Treasure, J., & Morris, R. (2012). Poor cognitive flexibility in eating disorders: examining the evidence using the Wisconsin Card Sorting Task. *Public Library of Science One*, 7(1), e28331. doi:10.1371/journal.pone.0028331
10. Tchanturia, K., Harrison, A., Davies, H., Roberts, M., Oldershaw, A., Nakazato, M.,

- Stahl, D., Morris, R., Schmidt, U., & Treasure, J. (2011). Cognitive flexibility and clinical severity in eating disorders. *Public Library of Science One*, 6(6), e20462. doi:10.1371/journal.pone.0020462
11. Cholet, J., Rousselet, M., Donnio, Y., Burlot, M., Pere, M., Lambert, S., Rocher, B., Chirio-Espitalier, M., Eyzop, E., & Grall-Bronnec, M. (2021). Evaluation of cognitive impairment in a French sample of patients with restrictive anorexia nervosa: two distinct profiles emerged with differences in impaired functions and psychopathological symptoms. *Eating and Weight Disorders*, 26(5), 1559-1570. doi:10.1007/s40519-020-00981-w
12. Dann, K. M., Hay, P., & Touyz, S. (2022). Everyday flexibility and functional milestones in anorexia nervosa: survey results from a mixed community sample. *Eating and Weight Disorders*, 27(5), 1641-1650. doi:10.1007/s40519-021-01300-7
13. Abbate-Daga, G., Buzzichelli, S., Amianto, F., Rocca, G., Marzola, E., McClintock, S. M., & Fassino, S. (2011). Cognitive flexibility in verbal and nonverbal domains and decision making in anorexia nervosa patients: a pilot study. *BioMed Central Psychiatry*, 11, 162. doi:10.1186/1471-244X-11-162
14. Rößner, A., Juniak, I., van Noort, B. M., Pfeiffer, E., Lehmkuhl, U., & Kappel, V. (2017). Cognitive Flexibility in Juvenile Anorexia Nervosa in Relation to Comorbid Symptoms of Depression, Obsessive Compulsive Symptoms and Duration of Illness. *Zeitschrift für Kinder- und Jugendpsychiatrie und Psychotherapie*, 45(5), 371-380. doi:10.1024/1422-4917/a000493
15. Sato, Y., Saito, N., Utsumi, A., Aizawa, E., Shoji, T., Izumiya, M., Mushiake, H., Hongo, M., & Fukudo, S. (2013). Neural basis of impaired cognitive flexibility in patients with anorexia nervosa. *Public Library of Science One*, 8(5), e61108. doi:10.1371/journal.pone.0061108
16. Кирюхина, Н. А., & Польская, Н. А. (2021). Эмоциональная дисрегуляция и неудовлетворенность телом в женской популяции. *Клиническая и специальная психология*, 10(3), 126-147. doi:10.17759/cpse.2021100308
17. Jáuregui-Lobera, I., Bolaños-Ríos, P., Ruiz-Prieto, I. (2012). Thought-shape fusion and body image in eating disorders. *International Journal of General Medicine*, 5, 823-830. doi:10.2147/IJGM.S36324
18. Пырьева, Е. А., Сорвачева, Т. А., Волкова, Л. Ю., Колтунов, И. Е., Петряйкина, Е. Е., Усачева, Е. Л., Хышкитуева, & Т. П., Гордеева, Е. А. (2015). Современные подходы к ведению пациентов с нервной анорексией в условиях стационара. *Педиатрия. Журнал им. Г.Н. Сперанского.*, 94(5), 41-47.
19. Зверева, Н. В., Хромов, А. И., Сергиенко, А. А., & Коваль-Зайцев, А. А. (2017). Клинико-психологические методики оценки когнитивного развития детей и подростков при эндогенной психической патологии (память и внимание). Москва: Сам полиграфист. 48 с.
20. Залевский, Г. В. (2000). Томский опросник ригидности Г. В. Залевского (TOP3). *Сибирский психологический журнал*, 12, 129-137.
21. Кургинян, С. С., & Осаволюк, Е. Ю. (2018). Опросник когнитивной флексибильности (CFI): адаптация на русскоязычной выборке. *Психологический журнал*, 39(2), 105-119. doi:10.7868/S0205959218020101
22. Шевеленкова, Т. Д., & Волжина, Ж. А. (2014). Отношение к своему телу и психологическое благополучие в подростковом возрасте. Кудрявцев В.Т. (ред.), *Мышление и речь: подходы, проблемы, решения. Материалы XV международных чтений памяти Л.С. Выготского* (с. 8-13). Москва: РГГУ.

23. Di Lodovico, L., & Gorwood, P. (2020). The relationship between moderate to vigorous physical activity and cognitive rigidity in anorexia nervosa. *Psychiatry Research*, 284, 112703. doi:10.1016/j.psychres.2019.112703
24. Wang, S. B., Gray, E. K., Coniglio, K. A., Murray, H. B., Stone, M., Becker, K. R., Thomas, J. J., & Eddy, K. T. (2021). Cognitive rigidity and heightened attention to detail occur transdiagnostically in adolescents with eating disorders. *Eating Disorders*, 29(4), 408-420. doi:10.1080/10640266.2019.1656470
25. Moccia, L., Conte, E., Ambrosecchia, M., Janiri, D., Di Pietro, S., De Martin, V., Di Nicola, M., Rinaldi, L., Sani, G., Gallese, V., & Janiri, L. (2022) Anomalous self-experience, body image disturbance, and eating disorder symptomatology in first-onset anorexia nervosa. *Eating and Weight Disorders*, 27(1), 101-108. doi:10.1007/s40519-021-01145-0
26. Legenbauer, T., Radix, A. K., Naumann, E., & Blechert, J. (2020). The Body Image Approach Test (BIAT): A Potential Measure of the Behavioral Components of Body Image Disturbance in Anorexia and Bulimia Nervosa? *Frontiers in Psychology*, 31, 11-30. doi:10.3389/fpsyg.2020.00030
27. Dalhoff, A. W., Romero Frausto H., Romer, G., & Wessing, I. (2019) Perceptive Body Image Distortion in Adolescent Anorexia Nervosa: Changes After Treatment. *Frontiers in Psychiatry*, 10, 748. doi:10.3389/fpsyg.2019.00748

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования в представленной статье являются изменения психической ригидности и отношения к своему телу в процессе лечения у девушек-подростков, страдающих нервной анорексией.

В качестве методологии предметной области исследования в данной статье были использованы, дескриптивный метод, метод анализа, а также был применен вариант лонгитюдного метода, то есть проведение исследования в два этапа (в начале стационарного лечения и по его окончании). В исследовании использовались следующие методики: 1) классический тест Дж. Р. Струпа (1935); 2) упрощенная версия Томского опросника ригидности Г.В. Залевского (1987), использованы четыре шкалы: «Актуальная ригидность», «Сенситивная ригидность»; «Ригидность как состояние»; шкала лжи (вопросы выделены из личностного опросника Г. Айзенка); 3) опросник когнитивной флексибильности (адаптация С.С. Кургиняна и Е.Ю., Осаволюк, 2018), измеряющий три аспекта когнитивной флексибильности; 4) методика «Отношение к своему телу» (Т.Д. Шевеленкова, Ж.А. Волжина, 2014) с применением многомерного шкалирования отношения к своему телу (использованы восемь шкал: значимость телесного здоровья, значимость красоты собственного тела, оценка умения управлять своим телом, оценка физического состояния, оценка привлекательности своего тела для других, оценка привлекательности своего тела для себя, оценка способности устанавливать и поддерживать контакт со своим телом, оценка способности отождествлять себя со своим телом). В исследовании использовались методы математико-статистического анализа, был использован факторный анализ. Статистическая обработка данных проводилась с помощью программ Microsoft Office Excel 2019 и IBM SPSS Statistics 20.0 © SPSS Inc. (2011). Нормальность распределения первичных данных проверялась по критерию согласия Колмогорова-Смирнова по всем

шкалам каждой методики. Для выявления различий использовался t -критерий Стьюдента для зависимых выборок, а для выявления взаимосвязей был проведен факторный анализ по данным начала и конца стационарного лечения.

Актуальность статьи не вызывает сомнения, поскольку, нервная анорексия является третьим по распространенности хроническим заболеванием у девушек-подростков: от 35 до 57% из них придерживаются жестких диет, целенаправленно голодают, самостоятельно вызывают рвоту, принимают таблетки для похудения или слабительные. По приблизительным оценкам (только задокументированным случаям нервной анорексии), хотя бы раз в жизни пострадали от проблем, сопутствующих анорексии, от 0,9 % до 4,3 % женщин. В среднем в развитых странах болеет анорексией около 4% женщин и девушек. Примерно 5–10 % больных анорексией, ожидает летальный исход. Одной из основных черт нервной анорексии является когнитивная ригидность, проявляющаяся в первичных симптомах этого заболевания, таких как диетические ограничения и искажение образа тела. Ригидность понимается, как неспособность личности в случае требований объективной ситуации изменить свою психическую установку, реагируя на новое; изменить действие или отношение; поставить себя на место другого человека; изменить поведение; реорганизовать проблемный материал; переструктурировать способы поведения; усвоить новые средства приспособления и пр. Научная новизна исследования заключается в выявлении изменения психической ригидности и отношения к своему телу в ходе стационарного лечения у пациенток, страдающих нервной анорексией, а также в установлении связи между когнитивной ригидностью и отношением к телу, определением, какие именно аспекты отношения к своему телу связаны с когнитивной ригидностью. Исследование по авторской методике проводилось на базе Центра изучения расстройств пищевого поведения (ЦИРПП) в городе Москва с 27 ноября 2021 года по 10 сентября 2022 года. В нем приняли участие девочки-подростки в возрасте от 13 до 17 лет (средний возраст участников исследования составил $15,15 \pm 1,14$ лет). Всего была обследована 41 пациентка (33 девушки, страдающие нервной анорексией, 7 девушек, страдающих нервной булимией и 1 пациентка, страдающая компульсивным перееданием), однако завершили исследование 20 человек с диагнозом «нервная анорексия».

Статья написана языком научного стиля с грамотным использованием в тексте исследования изложения различных позиций ученых к изучаемой проблеме и применением научной терминологии, а также подробным описанием процедуры исследования.

Структура выдержана с учетом основных требований, предъявляемых к написанию научных статей. Структура данного исследования включает вводную часть, методы и процедуру исследования, результаты, обсуждение результатов, заключение и библиографию.

Содержание статьи отражает ее структуру. Особенno ценным в содержании исследования следует отметить полученные результаты, отраженные в таблице 1, которые демонстрируют, что в начале стационарного лечения процент девушек-подростков, страдающих нервной анорексией, с низкой флексибильностью (согласно «Опроснику когнитивной флексибильности») резко превышает тех, у кого обнаружена высокая флексибильность. Соответственно процент респонденток с высокой ригидностью во много раз превышает процент таковых с низкой ригидностью (по всем шкалам Томского опросника ригидности). Более того, вообще не обнаружено пациенток с низким уровнем актуальной и сенситивной ригидности. Большая часть пациенток имела очень высокий уровень ригидности как состояния (80%), сенситивной ригидности (65%), а также общей ригидности (75%). В конце стационарного лечения картина принципиально меняется, но не по всем диагностируемым параметрам. Количество

пациенток с низкой когнитивной флексибильностью и высокими показателями ригидности, как психической, так и когнитивной, - снизилось, увеличился процент пациенток с высокими показателями по всем шкалам когнитивной флексибильности, а также с низкой когнитивной и актуальной ригидностью. В то же время не изменился процент пациенток с низкими показателями сенситивной ригидности (0%), ригидности как состояния (0%) и общим показателем ригидности (5%). Также в конце лечения число пациенток с высоким уровнем показателей по шкале лжи увеличилось на 10 процентов.

Библиография содержит 27 источников, включающих в себя отечественные и зарубежные периодические и непериодические издания.

В статье приводится описание различных позиций и точек зрения известных ученых, характеризующих подходы и различные аспекты к пониманию психической ригидности и нервной анорексии, а также содержится апелляция к различным научным трудам и источникам, посвященных этой тематике, которая входит в круг научных интересов исследователей, занимающихся указанной проблематикой в нашем государстве и других странах.

В представленном исследовании содержатся выводы, касающиеся предметной области исследования. В частности, отмечается, что показателями улучшения состояния пациентов с нервной анорексией являются повышение уровня когнитивной флексибильности, уменьшение уровня актуальной ригидности и более близкое к положительному полюсу отношение к своему телу. Практическая значимость исследования состоит в том, что полученные в нем результаты позволяют выделить специфические миши для психологической работы с пациентками в начале и конце лечения, поскольку оно устанавливает, какие именно аспекты отношения к своему телу «поддерживаются» когнитивной ригидностью, а также фиксирует сдвиг в ходе стационарного лечения от доминирования сниженной когнитивной флексибильности (в начале лечения) в сторону доминирования параметров негативного отношения к телу (в конце лечения), показывая, что с повышением когнитивной флексибильности к концу лечения на первый план начинает выходить удовлетворенность своим телом. Данное исследование впервые обращает внимание на значение фактора лжи в оценке состояния и интенций пациенток в начале и конце их пребывания в клинике.

Материалы данного исследования рассчитаны на широкий круг читательской аудитории, они могут быть интересны и использованы учеными в научных целях, педагогическими работниками в образовательном процессе, руководством и администрацией образовательных организаций, где обучаются девушки-подростки, медицинскими работниками, психотерапевтами, психологами, экспертами.

В качестве недостатков данного исследования следует отметить, что при описании результатов исследования для наглядности и улучшения восприятия информации целесообразно было бы использовать не только таблицы, но и рисунки. При оформлении таблиц и библиографических источников необходимо обратить внимание на требования действующих ГОСТов. Указанные недостатки не снижают высокую научную и практическую значимость самого исследования, а скорее относятся к оформлению текста статьи. Статью рекомендуется опубликовать.

Психолог

Правильная ссылка на статью:

Цвекс М.В. Анализ зарубежных и российских подходов к изучению патриотизма личности // Психолог. 2024. № 2. DOI: 10.25136/2409-8701.2024.2.70239 EDN: WWHIDF URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=70239

Анализ зарубежных и российских подходов к изучению патриотизма личности

Цвекс Михаилс Васильевич

ORCID: 0000-0003-2498-0392

аспирант, кафедра Психологии и Педагогики, Российский Университет Дружбы Народов

117198, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 17

✉ mihai001@inbox.lv

[Статья из рубрики "Психология масс"](#)

DOI:

10.25136/2409-8701.2024.2.70239

EDN:

WWHIDF

Дата направления статьи в редакцию:

25-03-2024

Аннотация: Предметом исследования является патриотизм. Автором проведен теоретический анализ отечественной и зарубежной научной литературы по проблеме патриотизма. Подробно рассматриваются особенности подходов к исследованию данного феномена в рамках философской, социологической, исторической, психолого-педагогической и психологической дисциплин. Проводится сравнительный анализ теоретических взглядов зарубежных и отечественных авторов на содержание и природу патриотизма. Анализ литературы позволяет сделать вывод, что западные и российские исследования патриотизма обладают множеством коннотаций, особенно в социологической и политической науках. Западными и отечественными учеными выделены схожие существенные признаки патриотизма: патриотизм, как одно из высших чувств, как созидающее чувство; патриотизм, как самоотверженный труд во благо своей страны, как проявление высших чувств в действии, как долг перед страной; патриотизма, как глубоко социальное явление, как гражданская добродетель. Автор проводит сравнительный теоретический анализ зарубежных и отечественных подходов к исследованию проблемы патриотизма, понимания психологической природы данного

феномена. Основными выводами проведённого исследования являются: в исследованиях зарубежных ученых патриотизм анализируется в контексте национальных и социальных вопросов и практически не исследован как личностное образование, свойство или качество; в основе патриотизма большинство зарубежных авторов отмечают идентификацию себя со своей страной, основанной на чувствах любви, гордости и стыда. На западе патриотизм рассматривается, как феномен политической осознанности, довольно тесно связанный с национализмом. В отечественной литературе отмечаются такие существенные признаки патриотизма как державность и личность, являющаяся основным субъектом патриотизма. Расхождения в трактовке понятия «патриотизм» и в подходах к его исследованию можно объяснить фундаментальным различием в культуре и государственных, политических традициях. В свою очередь пересечения в определении патриотизма говорят о том, что данный феномен обладает определёнными межэтническими и межгосударственными особенностями. Вопрос к изучению остается открытым и достаточно актуальным.

Ключевые слова:

патриотизм, психология, социология, история, педагогика, философия, отечественные подходы, зарубежные подходы, патриотичность, свойство личности

Введение

На сегодняшний день российское общество стоит на пороге больших изменений в связи со сменой геополитической и международной экономической ситуацией. В такие времена особенно важно принимать решения о стратегии развития страны взвешенно и обдуманно, важно наличие гражданской сплоченности, ориентированной на действия во благо своей страны. Еще с античных времён философы отмечали, что высочайшей ценностью направляющей действия личности на благо своей страны является патриотизм. Патриотизм – одно из высочайших персональных ценностей, которые помогают развитию чувства ответственности и чувства долга по отношению к своей стране и проявлению данных чувств в служении на благо своей Родины (Изард, 2014). Однако патриотизм, как личностная характеристика, обладает сложной природой и многообразием форм своего проявления. Сегодня понятие «патриотизм» характеризуется разнообразием и неоднозначностью, так как проблема патриотизма изучается в различных условиях (исторических, социальных, политических и психологических). На наш взгляд, вопрос изучения патриотизма, как личностной характеристики достаточно актуален и важен, так как человек, любящий свою родину вправе быть патриотом во всех смыслах этого слова. В связи с этим в рамках данной работы мы представим теоретический анализ, как зарубежных, так и российских исследований патриотизма для более полного понимания данного феномена.

Зарубежные исследования патриотизма.

Отметим, что сейчас как российскими, так и зарубежными авторами феномен патриотизма более всего изучен с позиции философской, социальной и исторической наук и менее всего с позиции психологической науки. Стоит отметить, что теоретическая литература предлагает широкий спектр дефиниции понятия «патриотизм». Анализируя зарубежную философскую и психологическую литературу, можно выделить пять основных компонентов, отмечаемых авторами, как главные составляющие понятия «патриотизм». Данные компоненты формируют определённые подходы к видению

феномена патриотизма:

1. Патриотизм – как персональная идентификация со «своей страной»;
 2. Патриотизм – как созидающее чувство;
 3. Патриотизм – как самоотверженный труд во благо своей страны;
 4. Патриотизм – долг перед страной.
5. Патриотизм – как гражданская добродетель (Kosterman, Feshbach, 1989; Audi, 1997; Costa, 2017; Archard, 1999; Teperik, 2018; Ben-Porath, 2017).

Одним из ключевых компонентов понятия «патриотизм» является **персональная идентификация**. Практически у всех зарубежных авторов при описании патриотизма представлена идея о «моей стране», «моей Родине», «моём отечестве». Патриотизм формируется по отношению к «своей стране» на основе персональной идентификации индивида с конкретной страной, а не с каким-то абстрактным видением страны (Primoratz, 2002). Такая идентификация отмечается авторами как один из базовых элементов, который входит в основу патриотизма. Однако с данной точки зрения ведется множество споров по поводу моральной стороны понятия «патриотизм» (Schatz, Staub, Lavine, 1999). Для решения данной проблемы зарубежные авторы предложили несколько вариантов делений патриотизма по критерию морально неприемлемых и приемлемых способов его выражения:

1. Истинный патриотизм и псевдопатриотизм;
2. Слепой и конструктивный патриотизм (Berzina, 2018).

T.V. Adorno, R.N. Sanford, D. Levinson считают, что истинный патриотизм выступает как критическое восприятие, которое основано на любви к своей стране, соотнесение с её национальными ценностями и принятие ценностей другой нации, её способов действия даже тогда, когда эти способы действия лично не принимаемы. В свою очередь псевдопатриотизм может выступать как слепая приверженность определённым национально-культурным ценностям, как некритическое послушание способам действия доминирующей в своей стране группы (Berzina, 2018).

Говоря о слепом и конструктивном патриотизме, зарубежные авторы подчеркивают важность критического мышления. Если слепой патриотизм содержит в себе безусловное, всегда позитивное оценивание действий своей страны и доверие ей без сомнений, то конструктивный патриотизм основывается на конструктивной критике. В исследованиях показано, что слепой патриотизм связан с поддержкой консервативной идеологии и национализмом, а конструктивный патриотизм взаимосвязан с более высокими показателями политического соучастия (Schatz, et all., 1999).

Говоря о патриотизме, как **созидающем чувстве** R. Kosterman и S. Feshbach (1989) подразумевают наличие у личности эмоциональной связи со страной. Эта эмоциональная связь состоит из чувства любви и гордости по отношению к своей стране. В данном случае патриотизм является скорее сентиментом, нежели идеологией, который сосредотачивает в себе переживания гордости и стыда (Appiah, 1997). Патриотизм может вызвать как чувство разочарования по отношению к своей стране, так и чувство национальной гордости (Audi, 2009). В данном подходе мы наблюдаем выделение довольно широкого спектра чувств, сопровождающих феномен патриотизма. Например, в данном контексте патриотизм характеризуется переживанием чувства принадлежности к

своей стране, верой в будущее своей страны, прощение ошибок своей стране, благодарности за предоставленные страной возможности для развития личности. Однако в патриотизме, как созидающем чувстве центральной осью отмечается именно любовь, которая способствует формированию активной жизненной позиции, направленной на рост и развитие своей страны и переживание чувства радости за её достижения и за её неудачи (Audi, 2009).

Так же следует отметить, что частью «патриотизм» являются **переживания чувства любви и лояльности по отношению к своей стране**. В первом случае акцентируется внимание на чувствах, во втором – на действии. Данное различие условное, так как чувства влияют на работу, а работа на чувства (Costa, 2017). Исторически патриотизм противопоставлялся апатии и эгоизму, а важным показателем патриотизма являлась работа во благо Родины. Таким образом патриотизм является моральным настроем действовать самоотверженно во благо своей страны (Archard, 1999). В данном контексте в противовес патриотизму ставится коррупция и акцентируется внимание на важности формирования чувства патриотизма не только у простых граждан, но и у элитных слоев населения. Таким образом патриотизм как действие является не только работа во благо Родины со стороны простых граждан, но и требовательное отношение власти к своей деятельности, обходительность по отношению к труду своих граждан.

Работа во благо своей страны так же тесно связана еще с одной составляющей понятия «патриотизм» – **долгом перед страной**, как общим проектом. Поясняя данный компонент нужно отметить, что патриот это тот, кто переживает чувство принадлежности к своей нации как геополитическому феномену, кто смог связать прошлое своей страны, которая дала ему определённую политическую и моральную идентичность, с проектом будущего своей страны, реализация которого принимается как ответственность. В данном контексте под «проектом» понимается будущее нации, ответственность перед нацией, как общим «проектом» (Macintyre, 1984; Ben-Porath, 2007). Такой взгляд на патриотизм раскрывает данное понятие не только как автономные отношения индивида со своей страной, но и как процесс взаимодействия со своим народом ради общего блага. Раскрытие понятия «патриотизм» в данном контексте показывает важность интеллектуальной заинтересованности в политических процессах своей страны и активное в них участие. Иначе патриотизм является неполноценным и ограниченным.

Следующим компонентом понятия «патриотизм» является **гражданская добродетель**. Идея, что гражданская добродетель является важным элементом патриотизма присутствует в философии уже несколько веков и является широко распространённой. Еще во французской энциклопедии 1751 – 1752 годов патриотизм пояснялся как политическая добродетель (Engelhardt, 2007). Далее представление о патриотизме развивалось, как противоположность аристократии, которую патриоты считали «загнившей». В данном контексте патриотизм, как гражданская добродетель формируется посредством благодарности за прошлое своей страны и готовностью включиться в общее дело во благо будущего своей страны (Ben-Porath, 2007). Ben-Porath описывает патриотизм, как: «ориентированная на будущее гражданская добродетель, которая исходит из готовности реализовать общий проект своей страны и которая включает в себя справедливость, заботу о благополучии общества, взаимоуважение и другие широко принятые добродетели» (Ben-Porath, 2017, с. 45). Здесь мы понимаем, что для наличия гражданской добродетели важно иметь сформулированное в обществе видение будущего своей страны и ценностные основы, на которых это видение основывается. В этом случае ценности являются опорой и точкой отчета позволяющей оценить верность направления движения: движется страна и её

общество к цели, либо она сбилась с пути (Primoratz, 2002).

Стоит особенно отметить классификацию видов патриотизма Р. Kleingeld, который разделил это понятие на 3 вида: гражданский патриотизм, националистический патриотизм, и патриотизм, основанный на характерных чертах (trait-based) (Kleingeld, 2000). Гражданский патриотизм содержит в себе республиканскую идею, которая означает выбор политической свободы и её поддерживающих институтов как объекта своей любви. Такой патриотизм содержит в себе установку на обязанность страны служить своим гражданам во имя их общего блага. Националистический патриотизм характеризуется соотнесением и принадлежностью к определённой нации и тесно связан с национальными идеями страны (Winter, 2008). Стоит иметь в виду, что в процессе развития национализма он начинает тесно переплетаться с гражданским патриотизмом, в итоге восприятие патриотизма, основанное на республиканской идее, уходит на второй план, а на первый план ставятся сугубо национальные идеи страны. Третий вид патриотизма основывается на любви к своей стране, как содержащей неповторимые, только ей характерные особенности, например природа, социальные гарантии и т.п (Winter, 2008).

Отметим, что описанные выше компоненты патриотизма, которые формируют основные подходы к исследованию данного феномена позволяют говорить нам о том, что репрезентация патриотизма на западе определяется процессом развития представлений о статусе гражданина, гражданского общества и их взаимосвязи. В данном контексте патриотизм выступает как гражданская черта личности, основанная на нравственных и правовых обязательствах перед обществом и подразумевающая активное участие человека в решении общественно значимых проблем.

Отечественные исследования патриотизма.

В отечественной науке исследование патриотизма берёт начало из социально-философского подхода в рамках которых писали такие авторы, как: Н. Чернышевский, И. Ильин, П. Чаадаев, Ф. Тютчев, А. Хомяков, Ф. Достоевский, М. Ломоносов, Н. Данилевский, Г. Плеханов, В. Ленин, Н. Бердяев, и другие. Позже, в советский период, отечественные исследователи начали более пристально рассматривать проблему патриотизма, тем самым привнося много нового. Например, высшей формой патриотизма рассматривался именно социалистический патриотизм, как феномен, родившийся в СССР. В данном контексте авторы анализировали, как национальные отношения влияют на советский патриотизм и прагматическим компонентом патриотизма являлось постоянное подчеркивание достижений Родины (Кашинцев, 1998; Петросян, 1990). В данный период больше всего внимания уделялось изучению взаимосвязи интернационализма и патриотизма (Агаев, 1975).

После распада Советского союза многие исследования патриотизма в контексте социализма оказались невостребованными. Но с другой стороны вопрос патриотизма личности стал актуален в связи со сложившейся новой социально-политической ситуацией. И здесь следует отметить имена ученых, которые стали по новому смотреть на проблему патриотизма: А.И. Дырин, В.И. Гидиринский, А.А. Щерба, П.В. Петрий, В.И. Лутовинов, А.А. Крупник, А.С. Миловидов, Б.И. Каверин, В.В. Гопеева и т.д.

На сегодняшний день можно выделить несколько основных направлений исследования патриотизма: исследования патриотизма как историософской проблемы (Гидиринский, 1997; Дырин, 2000; Щерба, 2002); исследования ценностных аспектов патриотизма (Крупник, 1995; Мельниченко, 1996; Петрий, 2002); исследования патриотизма в

контексте особенностей патриотического воспитания (Лутовинов, 1998); исследования проблемы структуры, сущности и особенностей функционирования патриотизма (Гопеева, 2002; Микуленко, 2001).

Если посмотреть на патриотизм с позиции политологии, то здесь он исследуется больше, как инструмент способный изменять социально-политическую реальность. Патриотизм служит основой для национальной идеи и выступает элементом формирования коллективной идентичности. Политологи подчеркивают манипулятивный потенциал патриотизма (Lubsky, Serikov & Shevchenko, 2014). Стоит отметить весьма прагматический взгляд на патриотизм в данном подходе.

Интересно, что прагматический взгляд на патриотизм разделяют и ученые в психолого-педагогическом подходе. С точки зрения данного подхода патриотизм – это неотъемлемая часть духовного развития человека, которая связана с потребностью быть преданным своей Родине (Petrova, 2012). Исследование патриотизма способно решить актуальные проблемы, связанные с развитием конструктивных гражданских качеств индивида в процессе нравственно-патриотического воспитания молодёжи. Такая воспитательная работа способна благоприятно повлиять на процесс социализации молодых людей.

Существование множества подходов к исследованию патриотизма потребовало их систематизацию.

А.В. Кузнецова предложила дифференцировать данные подходы по критерию существенного признака (Малинкин, 1999).

1. Патриотизм, как одно из высших чувств. Данное чувство появляется в детском возрасте и развивается в социальной, духовно-нравственной сфере жизни индивида.
2. Патриотизм, как одно из высших чувств проявляемое в действии. В данном подходе акцент стоит на неразрывной связи патриотизма с активной деятельностью и поступками, направленными на благо своей Родины.
3. Патриотизм, как глубоко социальное явление. Данный подход обращает внимание на патриотизм, как на источник жизнеспособности и развития общества, необходимый элемент для выживаемости социума.
4. В данном подходе утверждается, что российский патриотизм обладает характерным принципом державности, который сформировался благодаря специфики исторического развития нашего отечества. Отмечается, что в современном, российском обществе развитие патриотизма является одним из ключевых условий возрождения России, как великой державы.
5. Подход акцентирует внимание на личности, как основном субъекте патриотизма. Идентификация себя, как патриота своего государства является первостепенной социальной задачей гражданина. Данная задача осуществляется посредством осознания своей национальной, культурной, духовной и иной принадлежности к отечеству. Осознав эту принадлежность, патриот способен определить смысл, стратегию и цели жизни своей Родины и начать деятельность, направленную на благо своей страны (Кудинова, 2015).

В дополнение стоит выделить социально-психологические исследования проблемы факторов формирования патриотизма. Так отечественные авторы выделили несколько факторов формирования патриотизма: фактор социальных общностей (Буторина, 2004); фактор культурной общности; фактор привязанности к месту рождения; фактор

религиозности общества. Особенностями данных факторов является их частая неосознанность и активность на протяжении всей жизни человека (Малинкин, 1999).

Отметим так же, что в рамках социально-психологического подхода превалирует поведенческая модальность. Ученые делают вывод, что патриотизм выступает как компонент нерефлексивной структуры, предопределяющей отношение людей к своей стране. Данное отношение базируется на ощущениях, эмоциях и переживаниях человека, связанных с чувством привязанности к своей стране. Данная привязанность детерминирует форму поведения гражданина по отношению к государству. Привязанность есть идентификация гражданина с образом своей страны, её культурой и народом (Butyrina, 2015). Потеря доверия граждан к своей стране и отсутствие государственной идеологии негативно влияет на процесс идентификации со своей страной. Гражданская и этническая идентичность наиболее важны в общественном самоопределении личности, однако как пишет Н.Л. Иванова (2008), они слабо изучены.

Нам уже было отмечено выше феномен патриотизма активно изучался в философии, социологии, истории, политологии и педагогики, но психологические аспекты патриотизма исследуются всего несколько десятилетий. В отечественной психологической науке феномен патриотизма активно изучается на основе системно-функционального подхода А.И. Крупного. В контексте данного подхода патриотичность рассматривается, как базовое свойство личности. На основе данного подхода А.В. Потемкиным был конкретизирован феномен патриотизма, как «системно-функциональное свойство личности, представленное совокупностью инструментально-стилевых и мотивационно-смысовых характеристик, обеспечивающих постоянство стремлений и готовность субъекта к реализации актуальных и потенциальных социально-значимых ценностей, идеалов и убеждений» (Потемкин, 2009, с. 5).

А.В. Потёмкиным были выявлены особенности проявления патриотизма у различных национально-этнических групп. Так русские больше полагаются на собственные силы и возможности в проявлении патриотизма. Особенностью татарской национально-этнической группы является наличие множества разнообразных приёмов и способов патриотического отношения к реальности, успешная реализация которых приводит к радостным и оптимистическим эмоциям. Патриотическое поведение шорцев конструктивно влияет на труд, учебу, общение и решение производственных задач. Ногайская национально-этническая группа проявила глубокое понимание сути патриотизма и проявила устойчивое и сильное патриотическое отношение к реальности (Потёмкин, 2009).

Сегодня на основе системно-функционального подхода А.И. Крупного отечественными авторами активно изучаются особенности патриотизма в различных группах: социальных, академических, национально-этнических и т.д. Так исследование патриотизма в русле данного подхода активно развивает С.И. Кудинов. Автор разделил понятия «патриотизм» и «патриотичность», описав патриотизм, как социально-психологическое образование, а патриотичность, как свойство личности, выделив три кластера по интенсивности проявления данного свойства:

1. субъектно-значимый – активное стремление личности к выражению патриотичности;
2. недифференцированный – слабо выраженная установка на проявление патриотичности;
3. социально-ценостный – проявление патриотичности характеризуется социально-ценостной направленностью (Кудинов, 2013).

Исследуя студентов были выделены доминирующие переменные с субъектно-значимым стремлением к выражению патриотичности. Такими переменными являются: осмысленная эгоцентрическая направленность мотивации; интенсивность стремлений и субъектно-личностная ориентация реализации (Кудинов, 2013).

Продолжая исследование особенностей патриотичности в разных образовательных группах Г.А. Шурухина и Л.А. Жданова выявили различия в проявлении патриотичности у старших школьников специализированных классов обучения. Самые высокие показатели патриотичности были выявлены у кадетов. Они чаще отстаивают интересы страны и общества, чаще проявляют внутренний локус контроля в поведении, больше направлены на повышение патриотизма в обществе и на решение важных общественных задач (Шурухина, 2015). Отметим так же, что был выявлен интересный факт, что особенности условия проживания, организации обучения и воспитания могут непосредственно влиять на формирование патриотизма.

На сегодняшний день исследование психологических особенностей патриотизма в отечественной науке набирает всё большую популярность и изучается, как комплексное качество личности, включающее в себя поведенческий, аффективный и когнитивный компоненты (Бузыкина, 2019).

М.А. Рушина в своих более ранних работах так же рассматривает патриотизм, как одно из качеств личности, которое вырабатывается в процессе жизнедеятельности. И именно целостно-функциональный подход позволяет выявить роль отдельных характеристик в структуре патриотизма и, вместе с этим, определить, как слабые, так и сильные характеристики данного свойства (Рушина, 2017, 2018).

Однако несмотря на множество исследований патриотизма содержание данной проблемы еще не до конца установлено в научном мире.

Заключение

В исследованиях зарубежных ученых патриотизм анализируется в контексте национальных и социальных вопросов и практически не исследован как личностное образование, свойство или качество. В контексте данных вопросов авторы ставят акцент на такие компоненты патриотизма как: моральный, чувственный, ценностный, поведенческий, когнитивный и на взаимосвязь данных компонентов. Так в основе патриотизма большинство авторов отмечают идентификацию себя со своей страной, основанной на чувствах любви, гордости и стыда. Выражение патриотизма может проявляться в морально приемлемых либо не приемлемых формах поведения, таких как гражданская добродетель, ответственное включение в развитие «общего проекта своей страны», либо национализм. Однако зарубежные авторы не говорят о личностных особенностях, способствующих тому или иному выражению патриотизма. Но стоит отметить подход Т.В. Adorno, R.N. Sanford и D. Levinson, подчеркивающий важность когнитивного компонента, а именно критического мышления по отношению к своей стране, а также по отношению к ценностям своей или «чужой» страны. Наличие, либо отсутствие данного мышления влияет на формы выражения патриотизма.

В российской науке авторы отмечают, что патриотизм выступает как сложное и отчасти противоречивое явление. Большинство исследований патриотизма относятся к политологическому, социологическому, психолого-педагогическому и философскому подходам. В каждом из подходов выделяется свой существенный признак патриотизма. Исследуются такие проблемы как: роль патриотизма в общегосударственной идеологии, воспитания патриотизма, ценностных аспектов патриотизма, места патриотических

мотивов в русской духовной культуре, факторов формирования патриотизма. Особое внимание отечественных ученых продолжает привлекать проблема сущности патриотизма, его содержания и особенностей функционирования. Данная проблема активно изучается в рамках системно-функционального подхода А.И. Крупного, который на сегодня является наиболее перспективным подходом в психологической науке для исследования патриотизма.

Анализ западной и отечественной литературы по проблеме патриотизма позволяет сделать вывод, что западные и российские исследования патриотизма обладают множеством коннотаций, особенно в социологической и политической науках. Западными и отечественными учеными выделены схожие существенные признаки патриотизма: патриотизм, как одно из высших чувств, как созидающее чувство; патриотизм, как самоотверженный труд во благо своей страны, как проявление высших чувств в действии, как долг перед страной; патриотизма, как глубоко социальное явление, как гражданская добродетель. Отметим, что такие существенные признаки патриотизма как державность и личность, являющаяся основным субъектом патриотизма, характерны именно для отечественных авторов. По этой причине в западной науке исследования патриотизма, как личностного свойства, отсутствуют. Данные исследования в основном проведены в СНГ. Существуют общие взгляды на патриотизм и в политологии. На западе патриотизм рассматривается, как феномен политической осознанности, довольно тесно связанный с национализмом. Соглашаясь с данным выводом, отечественные политологи уточняют, что данная связь появляется благодаря наличию общего эмоционального компонента. Важность наличия эмоциональной связи со своей страной подчеркивается и в социально-психологическом подходе, западными и отечественными авторами. Ученые сходятся во мнении, что в основе патриотизма стоит чувство привязанности и идентификация со «своей» страной. Однако есть различие в расстановке акцентов. Западные ученые пишут о взаимосвязи чувства любви с чувством долга, лояльностью к своему государству, в основе которой стоит интеллектуальная заинтересованность в политических процессах своей страны и активное в них участие. В свою очередь российские ученые отмечают, что любовь к Родине, это проявление базовой духовной ценности личности. В психолого-педагогическом подходе отечественные авторы подчеркивают, что частью духовного развития личности является именно патриотизм. На западе в данном подходе патриотизм чаще трактуется как ценность, являющаяся интегральным компонентом либеральной идеологии. В западной культуре этот компонент поставил на передний план проблемы свободы, ответственности и верховенства права. Расхождения в трактовке понятия «патриотизм» и в подходах к его исследованию можно объяснить фундаментальным различием в культуре и государственных, политических традициях. В свою очередь пересечения в определении патриотизма говорят о том, что данный феномен обладает определенными межэтническими и межгосударственными особенностями. Вопрос к изучению остается открытым и достаточно актуальным.

Библиография

1. Агаев А.Г. Патриотизм и интернационализм советского человека. М., 1975.
2. Буторина Т.С., Овчинникова Н.П. Воспитание патриотизма средствами образования. СПб.: КАРО, 2004. – 314 с.
3. Бузыкина Ю.С. Психологические характеристики и представление о патриотизме у молодежи // Мир Науки. Педагогика и психология. 2019. № 4, Том 7.
4. Гопеева В.В. Патриотизм и нравственность // Социально-гуманитарные знания. 2002. № 3.
5. Дырин И.А. Идея патриотизма в литературе русского зарубежья первой половины XX

- века. М., 2000.
6. Дуранов И.М. К вопросу взаимосвязи воспитания гражданственности и патриотизма // Вестник ОГУ. 2002. № 1.
7. Иванова Н.Л., Мазилова Г.Б. Изменения этнической и гражданской идентичности в новых общественных условиях // Вопросы психологии. 2008. С. 84.
8. Крупник А.А. Патриотизм в системе гражданских ценностей общества и его формирование в воинской среде: Автореф. дис. ... канд. филос. наук. М., 1995.
9. Кащинцев А.А. Военно-патриотическое воспитание молодежи в условиях совершенствования социализма: Автореф. дис. ... канд. филос. наук. М., 1998.
10. Кудинова И.Б., Нурекеева А. Проблема патриотичности в современных исследованиях // Акмеология. 2015. № 3. С. 95-98.
11. Кудинов С.И., Кудинова И.Б., Кудинов С.С. Психологический анализ проявления патриотичности личности у студентов // Вестник РУДН. Серия «Психология и педагогика». 2013. № 2. С. 5-14.
12. Кудинов С.И., Кудинов В.С. Патриотичность как основа проявления ответственности личности // Актуальные проблемы социальной и дифференциальной психологии и психологии личности: материалы международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых. М.: РУДН, 2013. С. 169-175.
13. Лутовинов В.И. Патриотизм и проблемы его формирования у российской молодежи в современных условиях. Автореф. дис. ... д-ра филос. наук. М., 1998.
14. Малинкин А.Н. Понятие патриотизма: эссе по социологии знания // Социологический журнал. 1999. № 1/2.
15. Мельниченко И.И. Патриотизм в системе социальных ценностей офицерского корпуса россии. Автореф. дис... канд. филос. наук. Моцино, 1996.
16. Потёмкин А.В. Национально-психологические особенности проявления патриотизма личности: автореф. дисс. ... канд. психол. наук. Новосибирск, 2009. – 23 с.
17. Пантелеева Т.В., Фомина Н.А. Индивидуально-типологические особенности патриотизма будущих сотрудников правоохранительных органов с эргично-продуктивным типом его организации // Актуальные проблемы социальной и дифференциальной психологии и психологии личности: материалы международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых. М.: РУДН, 2013. С. 109-113.
18. Рушина М.А. Изучение вопроса патриотизма личности // Личность в эпоху перемен: *mobilis in mobile*: Материалы международной научно-практической конференции 17-18 декабря 2018 / Под ред. Е.Ю. Патяевой, Е.И. Шлягиной. М.: Смысл, 2018. С. 36-38.
19. Шурухина Г.А., Жданова Л.А. Психологический анализ проявления патриотичности у старших школьников // Вестник РУДН, серия Педагогика и психология. 2015. № 3.
20. Щерба А.А. Государственно-патриотическая идея евразийства (историко-философский анализ): Автореф. дис... канд. филос. наук. М., 2002.
21. Appiah K.W. Cosmopolitan Patriots // *Critical inquiry*. – 1997. – 23(3), 617-639, p. 619.
22. Archard D. Should We Teach Patriotism? // *Studies in Philosophy and Education*. – 1999. – 18(3), 157-173, p. 159.
23. Audi R. Nationalism, Patriotism, and Cosmopolitanism in Age of Globalization // *The Journal of Ethics*. – 2009. 13(4), 365-381, p. 368.
24. Butyrina, A.N. Citizenship as a socio-psychological phenomenon. Prospects for the development of the Russian state and society in modern conditions // Materials of the international scientific-practical conference. – 2015. Saratov.
25. Ben-Porath S. Civic Virtue out of Necessity: Patriotism and Democratic Education // *Theory and Research in Education*. – 2007. – 5(1), 41-59, p. 46.
26. Costa M.V Patriotism and Civic Virtue / In Sardoc, M. (Eds). *Handbook of Patriotism*, Springer, Cham. – 2017. pp. 2-3.

27. Engelhardt J. Patriotism, Nationalism, and Modernity: The Patriotic Societies in Danish Conglomerate State, 1769-1814 // *Nations and Nationalism*. – 2007. 13(2), pp. 205-223, p. 216.
28. Schatz R.T., Staub E., Lavine H. On The Varieties of National Attachment: Blind Versus Constructive Patriotism // *Political Psychology*. – 1999. 20(1), pp. 151-174.
29. Primoratz I. Patriotism: A Deflationary View // *The Philosophical Forum* XXXIII(4). – 2022. pp. 443-458 Petrova, L.A. The formation of patriotism // *Psychology, Sociology and Pedagogy*. – 2012. 3, pp. 1-10.
30. Kosterman, R., Feshbach, S. (1989). Toward a Measure of Patriotic and Nationalistic attitudes *Political Psychology*, 10(2), 257-274, p. 271.
31. Kleingeld, P. Kantian Patriotism // *Philosophy & Public Affairs*. – 2000. – 29(4), pp. 313-341.
32. Lubsky, A.V., Serikov, A.V., Shevchenko, O.M. Xenophobia and extremism: challenges to Russia's national security // Rostov-On-Don: Fenix. 2014.
33. Rushina M.A., Kameneva G.N. Ethnic and Psychological Particularities of Patriotism in Students of the Cis Countries // *Man In India*, 2017. 97 (16): 213-223.
34. Teperik D., Jermalavicus T., Senkiv G., Dubov D., Onyschuk Y., Pokalchuk O., Samus M. // A Route to National Resilience: Building Whole-of-Society Security in Ukraine. *International Centre for Defence and Security*. – 2018. p. 11.
35. Tikhomirov, G.A. Patriotism: basic concepts and research approaches // *Problems and prospects for the development of education in Russia*. – 2010. – 5(1), pp. 37-49.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Актуальность тематики патриотизма в настоящее время не вызывает сомнений. Хотя следует признать, что научных работ по психологии патриотизма явно недостаточно. Тем более, если рассматривать значение этого понятия не только в социальном, сколько в личностном смысле. Поэтому во введении очень уместно смотрится ссылка на К. Изарда, который считал, что патриотизм – это одно из высочайших персональных ценностей, которые помогают развитию чувства ответственности и чувства долга по отношению к своей стране и проявлению данных чувств в служении на благо своей Родины. Речь идет о благе своей Родины, а не вообще, как о свойстве или качестве личности.

При этом, обосновывая актуальность исследования, автор верно пишет, что патриотизм, как личностная характеристика, обладает сложной природой и многообразием форм своего проявления. Сегодня понятие «патриотизм» характеризуется разнообразием и неоднозначностью, так как проблема патриотизма изучается в различных условиях (исторических, социальных, политических и психологических). Поэтому вопрос изучения патриотизма, как личностной характеристики достаточно актуален и важен, так как человек, любящий свою Родину вправе быть патриотом во всех смыслах этого слова. Все это верно.

Хотя в тексте нет формулировки цели, она очевидна и заключается в стремлении автора показать сравнительный анализ зарубежных и российских подходов к изучению патриотизма личности. По прошествии многих лет, считая от советского периода развития нашего государства, понятие патриотизма личности звучит непривычно, хотя это одно из самых главных понятий личности. В связи с этим новизна подхода сомнений не вызывает: данная тема требует интенсивного научного развития по многим направлениям – от педагогического и воспитательного до психологического до

правового.

Стиль изложения данной статьи сравнительный и обзорно-аналитический. Автор приводит результаты исследования не только отечественных, но и зарубежных авторов по заявленной тематике. Соответственно, структура статьи соответствует работам обзорно-аналитического характера.

Содержание текста свидетельствует о большом объеме проделанной работы по сравнительному анализу зарубежных и российских подходов к изучению патриотизма личности. Рецензент имеет в виду теоретический анализ этой проблемы и считает такой подход в качестве достоинства этой статьи.

Дело в том, что прежде, лет 30 тому назад, складывалось впечатление, что патриотическая тематика касается только советского общества. Но автор показал, что зарубежные авторы придавали и придают важное значение исследованию психологии патриотизма. Обобщенный анализ из работ позволил автору выявить наиболее типичные подходы в этом отношении. Им предложены компоненты, которые в соответствии с направлениями исследований западных коллег, формируют следующие направления к видению феномена патриотизма:

1. Патриотизм – как персональная идентификация со «своей страной»;
2. Патриотизм – как созидающее чувство;
3. Патриотизм – как самоотверженный труд во благо своей страны;
4. Патриотизм – долг перед страной.
5. Патриотизм – как гражданская добродетель (Kosterman, Feshbach, 1989; Audi, 1997; Costa, 2017; Archard, 1999; Tererik, 2018; Ben-Porath, 2017).

То есть, работа за рубежом ведется. Соответственно, проблематике патриотизма значение придается, несмотря на различные противоречивые сведения о том, что патриотизм – это удел советского строя.

Более того, для решения данной проблемы зарубежные авторы предложили несколько вариантов делений патриотизма по критерию морально неприемлемых и приемлемых способов его выражения:

1. Истинный патриотизм и псевдопатриотизм.
2. Слепой и конструктивный патриотизм (Berzina, 2018).

Со ссылкой на зарубежного автора, в тексте отмечается, что патриотизм может вызвать как чувство разочарования по отношению к своей стране, так и чувство национальной гордости (Audi, 2009). В данном подходе «мы наблюдаем выделение довольно широкого спектра чувств, сопровождающих феномен патриотизма».

Автору удалось установить, что репрезентация патриотизма на западе определяется процессом развития представлений о статусе гражданина, гражданского общества и их взаимосвязи. В данном контексте патриотизм выступает как гражданская черта личности, основанная на нравственных и правовых обязательствах перед обществом и подразумевающая активное участие человека в решении общественно значимых проблем.

В тексте содержатся сведения об отечественных научных разработках психологии патриотизма. Так, отмечается, что стоит выделить социально-психологические исследования проблемы факторов формирования патриотизма. Например, отечественные авторы выделили несколько факторов формирования патриотизма: фактор социальных общностей (Буторина, 2004); фактор культурной общности; фактор привязанности к месту рождения; фактор религиозности общества. Особенностью данных факторов является их частая неосознанность и активность на протяжении всей жизни человека (Малинкин, 1999).

В целом данная работа оставляет хорошее впечатление. Но в ней много стилистических и орфографических ошибок, которые необходимо устраниТЬ.

В тексте имеется заключение, в котором автор кратко обобщил результаты сравнительного анализа зарубежных и российских подходов к изучению патриотизма личности.

Библиографический список содержит литературные источники по теме исследования. С учетом актуальности данного исследования и его особой значимости в современных условиях статью «Анализ зарубежных и российских подходов к изучению патриотизма личности» можно рекомендовать к опубликованию в качестве обзорно-аналитического материала, как представляющую интерес для читающей аудитории.

Психолог

Правильная ссылка на статью:

Лолаева А.С., Худалова М.З. Влияние детской психологической травмы на взрослую жизнь // Психолог. 2024. № 2. DOI: 10.25136/2409-8701.2024.2.70417 EDN: WBKFUJ URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=70417

Влияние детской психологической травмы на взрослую жизнь

Лолаева Альбина Славовна

ORCID: 0000-0002-9021-7531

кандидат юридических наук

доцент, кафедра конституционного и административного права, Горский государственный аграрный университет; доцент, кафедра гражданского права и процесса, Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л.Хетагурова

362027, Россия, республика Северная Осетия-Алания, г. Владикавказ, ул. Кирова, 74, кв. 127

✉ mirag.8184@yandex.ru

Худалова Мадина Захаровна

ORCID: 0000-0002-9111-2803

кандидат психологических наук

заведующая кафедрой психологии, Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л.Хетагурова

362025, Россия, республика Северная Осетия-Алания, г. Владикавказ, ул. Ватутина, 44-46

✉ mado2006@mail.ru

[Статья из рубрики "Внутренний мир человека"](#)

DOI:

10.25136/2409-8701.2024.2.70417

EDN:

WBKFUJ

Дата направления статьи в редакцию:

09-04-2024

Аннотация: В рамках данного исследования была проанализирована возможность смягчения последствий детской травмы и укрепления физического и психического здоровья взрослых, поскольку детская травма негативно сказывается на взрослом

человеке. При этом не исключено, что некоторые люди могут выработать в себе стойкость и установить барьеры, которые помогают преодолеть трудности, с которыми им приходилось сталкиваться. Термин «детская психологическая травма» относится к эмоционально и/или психически неприятным или тревожным событиям, которые происходили в детстве и могут оказывать долгосрочное влияние на физическое и психическое здоровье человека. Взрослые, пережившие травму в детстве, могут испытывать трудности в построении и поддержании здоровых связей с окружающими, не ладится общение с противоположным полом. Целью исследования было изучение влияния детских травм на взрослую жизнь, а также выявления взаимосвязи детской психотравмы и посттравматических симптомов у взрослых. Для исследования использовались стандартные тесты на детскую травму и посттравматический эффект. Для этого была взята выборка из 100 человек в возрасте 18-50 лет. Новизна исследования заключается в необходимости постоянного обновления знаний и методов работы с людьми, которые испытывали психологическую травму в детском возрасте, учитывая изменяющиеся условия и факторы, влияющие на их психологическое состояние. Результаты исследования могут быть использованы для разработки программ профилактики детских психологических травм. Полученные результаты показали, что детские травмы могут оказывать долгосрочное влияние на людей даже во взрослом возрасте. Полученные результаты указывают на тесную связь между травмами детства и развитием симптомов посттравматического стрессового расстройства у взрослых. Согласно положительной корреляции, вероятность развития симптомов посттравматического стрессового расстройства возрастает по мере увеличения детской травмы. Важно отметить, что корреляция не указывает на причинно-следственную связь. Полученные данные не доказывают причинно-следственную связь, даже если существует значительная корреляция между детской травмой и симптомами посттравматического стрессового расстройства. На посттравматическое стрессовое расстройство могут влиять и другие факторы, такие как генетическая предрасположенность, социальная поддержка и методы преодоления.

Ключевые слова:

травма психологическая, игнорирование, болезненное событие, травма детская, эмоциональная дисрегуляция, психологическое насилие, стрессовая ситуация, стресс, здоровье психическое, здоровье физическое

Введение

Актуальность. Детская психологическая травма – это термин, которым можно обозначить эмоционально или психологически болезненные события, происходящие в детстве и способные оказать долгосрочное влияние на физическое и психическое здоровье взрослого человека. Среди этих событий можно назвать домашнее физическое, сексуальное или эмоциональное насилие, злоупотребление родителями психоактивными веществами или их психические заболевания, игнорирование, развод родителей и многое другое.

Детские психологические травмы могут существенно повлиять на взрослую жизнь и они могут иметь долгосрочные последствия для физического, эмоционального и психологического здоровья человека:

1. Проблемы с психическим здоровьем. Детская психологическая травма может повысить

вероятность того, что человек получит травму:

2. Проблемы с физическим здоровьем. Травма, полученная в детстве, может привести к таким проблемам с физическим здоровьем, как аутоиммунные заболевания, хронические боли и сердечно-сосудистые заболевания.
3. Проблемы во взаимоотношениях. Взрослым, которые пережили травму в детстве, может быть трудно устанавливать и поддерживать полноценные связи в социуме.
4. Злоупотребление психоактивными веществами. Детские травмы могут стать причиной возникновения проблем со злоупотреблением психоактивными веществами как средством преодоления эмоциональных страданий.
5. Эмоциональная дисрегуляция. Детская травма может повлиять на умение человека контролировать свои эмоции, что может осложнить процессы преодоления стресса.

Учитывая, что различные виды травм могут оказывать неодинаковое влияние на человека, последствия детской травмы для взрослой жизни могут быть сложными и разнообразными. Насилие на физическом, эмоциональном или сексуальном уровне, пренебрежение, подверженность жестокому обращению или другим травмирующим событиям – это наиболее типичные виды детских психологических травм.

Объектом исследования является понятие детской психологической травмы. Предметом выступают механизмы возникновения, особенности проявления и последствия детской психологической травмы.

Цель исследования - изучение влияния детских травм на взрослую жизнь, а также выявления взаимосвязи детской психотравмы и посттравматических симптомов у взрослых.

Для достижения цели поставлены следующие задачи:

- определить понятие и виды детской психологической травмы;
- исследовать механизмы возникновения и формирования детской психологической травмы;
- описать некоторые способы изучения детской психологической травмы;
- выявить последствия детской психологической травмы;
- разработать рекомендации по профилактике и преодолению детской психологической травмы во взрослой жизни.

Теоретическая часть

Согласно исследованиям, детские травмы могут иметь различные пагубные последствия для психического и физического здоровья, межличностных связей и общего самочувствия взрослого человека [\[1,2,6,10,11 и др.\]](#). Например, люди, пережившие травму в детстве, могут быть более склонны к таким психическим заболеваниям, как тревога, депрессия и посттравматическое стрессовое расстройство (ПТСР). У них также может быть повышен риск злоупотребления психоактивными веществами, причинения вреда себе и самоубийств.

Взрослые, пережившие детскую травму, могут столкнуться с трудностями в установлении и поддержании хороших отношений с окружающими. Детская психотравма может

оказывать влияние на социальное и межличностное взаимодействие. Она также может повлиять на развитие мозга, что может привести к проблемам с памятью, концентрацией и обучением.

Важно понимать, что не все, кто пережил травму в детстве, будут страдать от пагубных последствий во взрослом возрасте; напротив, определенные люди могут выработать устойчивость и научиться навыкам преодоления, которые позволяют им справиться с трудностями. Для преодоления последствий детской психотравмы и улучшения психического и физического здоровья во взрослом жизни тем, кто пережил неблагоприятные события, очень полезно раннее вмешательство и поддержка.

В психологию понятие «психологическая травма» пришло из смежной научной области – психиатрии. Начало современной истории психиатрии обычно связывается с именем выдающегося психиатра Эмиля Крепелина и изданием его работы «Введение в психиатрическую клинику» (1900). Следует подчеркнуть значимость научных исследований данного ученого, которые изменили наше понимание о психических нарушениях и способствовали включению психиатрии в медицину.

Отказ от гуманитарных концепций о психике в пользу этиопатогенетического подхода при классификации психических расстройств свидетельствует о его ориентации на естественно-научную методологию.

С помощью этой новой методологии психиатры смогли более точно понимать причины и механизмы развития психических расстройств, что в свою очередь позволяет разрабатывать эффективные стратегии лечения и межпрофессиональное сотрудничество.

Э. Крепелину удалось создать восхитительную нозологическую концепцию, которая имеет огромное научное значение и в настоящее время, однако его стройная и точная классификация предельно схематизировала подход к душевной жизни пациентов. В итоге центральным понятием в психиатрии конца XIX – начала XX в. становится не пациент с его индивидуальной историей, страданием, а симптом, а затем – сопоставление симптомов и клинических случаев для характеристики синдрома [\[7, с. 124\]](#). Э. Крепелин утверждал, что психические расстройства детерминированы такими же этиопатогенетическими факторами, как и все другие болезни, т. е. вызываются вирусами, бактериями, травмами или токсинами.

В отличие от полемизирующих по этому поводу коллег-психиатров З. Фрейд уже в 1892 г. пишет о том, что «травматическое воздействие на психику может оказать любое событие, которое вызывает мучительное чувство ужаса, страха, стыда, душевной боли, утраты. От восприимчивости пострадавшего зависит вероятность того, что это происшествие приобретает характер травмы» [\[14, с. 147\]](#).

К. Г. Юнг в работе «Психоз и его содержание» (1907) представил свою идею: подавляющее большинство проявлений тяжелого психического расстройства обусловлены исключительно предшествующими переживаниями пациента. На основе клинических данных (1 395 душевнобольных, проходивших лечение в Бургхольцли) К. Г. Юнг продемонстрировал несостоятельность господствующей версии о том, что в основе душевных болезней лежит органическое изменение мозга: примерно у 80 % наблюдаемых им пациентов мозг был либо совершенно неизмененным, либо его изменения были настолько незначительными, что не могли вызвать нарушения психической деятельности. В этой работе автор приводит множество примеров, где начало появления симптомов связано с каким-либо значимым, аффективно заряженным

жизненным событием [\[16, с. 201\]](#).

Весьма рациональный подход к рассмотрению психических нарушений предлагал К. Ясперс в работе «Общая психопатология» (1913). Он призывал вначале исключить возможные органические повреждения мозга, связанные с воздействием инфекций, интоксикаций и травм, а затем дифференцировать все психические расстройства на две большие группы. Первую группу К. Ясперс относил к «болезням», которые имеют определенное течение и которым сопутствуют те или иные изменения личности. Вторую группу он обозначил как «фазы», в которые временами может вступать любая личность в соответствии с генетической предрасположенностью [\[17, с. 99\]](#).

В то время психиатрия претерпела крупное изменение в своем взгляде на психические расстройства. Многие специалисты пришли к выводу, что необходимо взглянуть на них как на комплексные проблемы, связанные с социальным окружением, биологическими и генетическими факторами, а также с внутренним миром каждого пациента. Такой подход позволил более эффективно понимать и лечить психические расстройства, учитывая их многообразие и индивидуальность каждого человека. Таким образом, психиатрия продолжила эволюционировать, чтобы лучше справляться со сложностями, связанными с психическим здоровьем. В целом, исследования психоактивных препаратов уводят внимание исследователей от реальных психических проблем пациентов в психологию и медицине. И, как справедливо отмечает М. М. Решетников, «лишь трагический опыт Первой мировой войны, принесший огромное количество клинического материала, поставил вопрос о травматическом неврозе, который носит функциональный характер и имеет психологическое происхождение, т. е. не связан с предшествующей интоксикацией, инфекционным возбудителем или травматическим повреждением мозговой ткани» [\[13, с. 129\]](#).

В научных исследованиях термин «психотравма» до 80-х годов прошлого века практически не встречался, но ситуация заметно изменилась на рубеже XX и XXI веков.

По мнению Е.Н. Черепановой «психологическая травма – это переживания особого рода, результат особого взаимодействия человека и окружающего мира, нормальная реакция на сложные, травмирующие обстоятельства, состояние, возникающее у человека, который пережил нечто, выходящее за рамки обычного человеческого опыта» [\[15, с. 88\]](#).

Исследуя психологический механизм травмы П. Левин отмечает, что «для того чтобы избежать травмы, организму необходимо полностью израсходовать энергию, которая была мобилизована для встречи с опасностью» [\[8, с. 158\]](#). В случае если активные реакции блокированы и ни бегство, ни борьба невозможны, в организме возникает реакция замирания, сходная с готовностью к смерти, биологический смысл которой заключается в снижении чувствительности к боли. Согласно представлениям Ф. Е. Василюка и Л.И. Божович, переживание является основной единицей внутренней жизни личности, отражающей события и обстоятельства жизни в форме психических состояний, в которых слиты эмоциональные, волевые и интеллектуальные компоненты в их отношении к самому субъекту [\[3, с. 231\]](#).

Е.А. Петрова утверждает, что «понятие «психологическая травма» означает нарушение нормального функционирования психики в результате воздействия на нее неблагоприятных факторов среды или стресса, которое вполне поддается коррекции, как и любое другое нарушение в организме» [\[12, с. 97\]](#).

В представлении А. Володько «психологическая травма – реактивное психическое образование (реакция на значимые для данного человека события), вызывающее длительные эмоциональные переживания и имеющее длительное психологическое воздействие» [\[4\]](#).

Понятие «психологическая травма» самым тесным образом связано с исследованием проблем посттравматического расстройства (ПТСР), кризисной психологии, где рассматривается переживание дисбаланса между угрожающими обстоятельствами и индивидуальными возможностями побороть их. Такие переживания сопровождаются чувством страха, беспомощности и незащищенности, вызывают потрясение в понимании себя и мира. Какой будет для человека ситуация травмирующей либо стрессовой – зависит от защитных механизмов и от внешней среды. Травмированной личность становится, если не получилось трансформировать боль в опыт.

ПТСР является последствием травматической ситуации, под которыми понимают «экстремальные ситуации, обладающие мощным негативным воздействием на индивида, требующие серьезных усилий по совладанию с последствиями воздействия и коренным образом нарушающие чувство безопасности» [\[9, с. 147\]](#).

Таким образом, мы видим, «с какими трудностями сопряжено внедрение понятия «психологическая травма» в официально признанную науку» [\[5, с. 9\]](#).

Итак, одной из форм проявления детской психологической травмы может быть эмоциональное жестокое обращение, включающее в себя как эмоциональное насилие, так и эмоциональное пренебрежение. Б. Эгeland объясняет следующим образом эмоциональное злоупотребление и эмоциональное пренебрежение: «они более тонкие и зачастую их труднее обнаружить, чем физическое насилие и пренебрежение. Вербальная враждебность, насмешки, принижение и отвержение являются характерными чертами эмоционального насилия. Эмоциональное пренебрежение обычно характеризуется тем, что родители эмоционально и психологически недоступны, отстранены, избегают и не реагируют на потребности и желания ребенка [\[19, с. 22\]](#).

Райт, Кроуфорд и Дель Кастильо обнаружили, что эмоциональное жестокое обращение «на самом деле может быть самой распространенной формой жестокого обращения с детьми, но это также самая скрытая, недостаточно освещаемая и наименее изученная форма жестокого обращения» [\[23, с. 60\]](#). Далее они дают следующее определение: «Отношения, существующие между родителем и ребенком, а не конкретное событие или серия событий [и] охватывают повторяющуюся модель разрушительных взаимодействий между родителем и ребенком. Эмоционально плохое обращение может быть представлено активно (например, словесные оскорбления, изгнание, терроризирование, изоляция) или бездействия (например, игнорирование, психологическая невосприимчивость или недоступность) [\[23, с. 61\]](#).

Последствия детской травмы могут иметь целый ряд долгосрочных негативных эффектов на протяжении всего развития человека, включая психологические, социальные, когнитивные и физические последствия. В своей научной статье Инфурна, Риверс, Райх и Заутра утверждают, что детская травма – «это один из тех ранних жизненных опытов, который не только оказывает пагубное влияние в детстве и подростковом возрасте, но и может оставить "шрам" в середине жизни и в старости» [\[22, с. 21\]](#).

Эриксон, неофрэйдистский психолог, не соглашался с психоаналитической теорией

Фрейда, которая представляет серию развивающихся желаний или потребностей от рождения до подросткового возраста [18]. Эриксон считал, что «"борьба" (конфликты, которые необходимо разрешить) происходит на протяжении всей жизни и что развитие не заканчивается с наступлением биологической зрелости в пубертатном возрасте» [21, с. 5]. Эриксон пересмотрел психоаналитическую теорию Фрейда, основываясь на исследованиях и фактах, и создал психосоциальную теорию развития, иллюстрирующую восемь отдельных стадий развития от рождения до смерти. Несмотря на создание новой, более точной теории, Эриксон «оставался решительно привержен идее, что наиболее тяжелые формы психопатологии всегда объясняются нарушениями и неразрешенными конфликтами на самых ранних стадиях развития» [21, с. 5].

Детская травма разрушает стабильность и самоощущение ребенка, подрывая его самооценку и зачастую оставаясь с ним до самой взрослой жизни. Эта травма может повлиять на человека и во взрослой жизни, поскольку он испытывает чувство стыда и вины, ощущает разобщенность и неспособность общаться с другими людьми, с трудом контролирует эмоции, испытывает повышенную тревогу и депрессию, гнев.

Эмпирическая часть

Существует тесная связь между детскими травмами и деструктивным поведением, таким как курение, незащищенный секс и хронические заболевания, такие как болезни сердца и рак. Люди, пережившие жестокое обращение, скорее всего, будут испытывать стресс и тревогу в дальнейшем. Этот долгосрочный стресс и тревога могут вызвать физические симптомы, а также эмоциональные проблемы на протяжении всей жизни.

Одним из самых разрушительных последствий детских травм для взрослых является их влияние на самовосприятие. Травмы, полученные в детстве, во взрослом возрасте приводят к тому, что у людей чаще формируется образ мышления жертвы [2, с. 260]. Эта идеология может быть опасной, поскольку то, как человек воспринимает себя, влияет на его слова, выбор, карьеру, возможности и отношения. Люди, искренне считающие, что мир хочет их заполучить, могут поддаться влиянию страха и лишиться возможности следовать своим мечтам.

Итак, в данном исследовании предполагается изучить, как детская психотравма влияет на взрослых.

В исследовании выдвинута гипотеза о том, что существует значительное влияние детской травмы на взрослых.

Выборкой для исследования послужило взрослое население в возрасте 18-50 лет (n=100), которые были набраны с помощью онлайн-рассылок (т.е. ВКонтакте, WhatsApp и электронной почты). Онлайн опрос позволил собрать сведения рандомно по всей России.

Для исследования использовались следующие стандартизованные тесты.

1. Опросник травмы детства (CTQ), состоящий из 28 пунктов и представляющий собой самоотчет. Для оценки CTQ используются пять шкал: физическое насилие, сексуальное насилие, эмоциональное насилие, физическое пренебрежение и эмоциональное пренебрежение. Среди 28 рассматриваемых проблем - посттравматическое стрессовое расстройство, депрессия, расстройства питания, зависимость, суицидальные мысли, расстройства личности и сексуальные проблемы.

2. Контрольный список PCL-5 ПТСР. 20 симптомов ПТСР оцениваются с помощью PCL-5, представляющего собой опросник для самоотчета, состоящий из 20 пунктов. PCL-5 используется для различных целей, в том числе для отслеживания изменения симптомов до и после терапии и предварительной диагностики ПТСР.

Все тесты стандартны и имеют установленную надежность и валидность. Шкалы, по которым проводилось исследование, были доступны на русском языке. Перед заполнением опросника с респондентами было проведено полуструктурированное интервью по графику и взято их информированное согласие на использование их ответов только для целей исследования.

Процедура проведения исследования. Участники заполняли анкеты для проведения исследования, в котором рассматривались детские травмы и их последствия. Данные собирались в электронном виде через Google Forms. Прежде чем пригласить участников к участию в исследовании, они должны были дать свое согласие. Кроме того, участники должны были указать демографические данные: имя, возраст и пол. Участников также предупредили, что их комментарии будут сохранены в тайне и использованы только для целей исследования. Правильных или неправильных ответов, по мнению участников, не было.

Статистический анализ. Для подсчета ответов после сбора данных использовалась программа Microsoft EXCEL. Статистический анализ исследования проводился с использованием среднего значения, стандартного отклонения и графиков для описания распределения более высоких и низких баллов мужчин и женщин по каждому пункту в обеих шкалах соответственно. Каждый пункт оценивался на основе того, что более молодые и более взрослые вносили в тест по 50 % соответственно.

Таблица 1.

Результаты тестов

	СТQ	PCL-5
Количество испытуемых	100	100
Среднее значение	58.5	23.5
Стандартное отклонение	20.5	19.3

Опросник СТQ оценивает различные детские травмы, такие как эмоциональное, физическое и сексуальное насилие, а также пренебрежение как на эмоциональном, так и на физическом уровне. Судя по среднему баллу, который составил 58,5, испытуемые, возможно, пережили травму средней тяжести.

Стандартное отклонение СТQ составляет 20,5. Стандартное отклонение рассчитывает, насколько сильно баллы отклоняются от среднего значения. Более высокое стандартное отклонение означает большее отклонение от среднего значения в баллах. Стандартное отклонение в 20,5 в данном случае указывает на то, что уровень детской травмы, о которой сообщили участники, сильно варьируется. Некоторые люди могли быть травмированы в гораздо большей степени, чем другие, в зависимости от их личных обстоятельств.

Конкретное травматическое событие или события определяются как фокус опросника PCL-5, измеряющего симптомы посттравматического стресса. Участники исследования сообщили об умеренном уровне симптомов посттравматического стресса в среднем,

согласно среднему баллу 23,5. Возможно, травматический опыт участников оказал на них сильное влияние, что привело к появлению таких симптомов, как навязчивые мысли, избегающее поведение и гипервозбудимость.

Стандартное отклонение PCL-5 составляет 19,3. Более высокое стандартное отклонение по опроснику PCL-5, как и по CTQ, означает большую вариативность симптомов посттравматического стресса. Это означает, что у одних людей симптомы могут быть более выраженными, в то время как у других они могут быть менее выраженными или вообще отсутствовать.

Из этих результатов можно сделать ряд выводов.

1 . Индивидуальные различия. Различия в результатах обоих тестов подчеркивают, насколько важно учитывать, что каждый человек по-разному переживает и преодолевает детскую травму. Симптомы посттравматического стресса не всегда проявляются у перенесших травму, а когда они проявляются, их интенсивность может существенно различаться.

2 . Потенциальные долгосрочные последствия. Хотя полученные данные указывают на существование детской травмы и симптомов посттравматического стрессового расстройства, они не устанавливают причинно-следственную связь и не дают конкретного представления о долгосрочных последствиях для взрослых. Понимание точного влияния детских травм и симптомов посттравматического стресса на благополучие и функционирование людей во взрослом возрасте требует дополнительных исследований и изучения.

В целом, согласно представленным средним баллам и стандартным отклонениям, участники исследования указали на умеренную степень выраженности детской травмы и симптомов посттравматического стресса. Однако значительные стандартные отклонения указывают на широкий диапазон переживаний и реакций людей на травму. Различные последствия детской травмы для взрослой жизни требуют дополнительных исследований, а также специальных вмешательств.

Таблица 2

Матрица корреляции

	CTQ	PCL-5
CTQ	Коэффициент корреляции — р-значение —	—
PCL-5	Коэффициент корреляции 0,720 р-значение <.001	— —

Интенсивность и направление связи между двумя переменными указываются коэффициентом корреляции, в данном случае 0,720. Корреляция со значением 0,720 считается умеренно сильной. Это означает, что баллы по PCL-5, которые указывают на повышенный риск возникновения симптомов посттравматического стрессового расстройства, скорее всего, повысятся, если повысятся баллы по CTQ, которые указывают на более высокий уровень детской травмы.

Метрикой статистической значимости является р-значение, равное 0,001. Вероятность того, что наблюдаемый коэффициент корреляции (0,720) является результатом

случайности, показана данной статистикой. Связь между CTQ и PCL-5 оказывается чрезвычайно значимой с р-значением 0,001. Или, говоря иначе, крайне маловероятно, что наблюдаемая связь является результатом случайных колебаний данных.

Полученные результаты указывают на тесную связь между травмами детства и развитием симптомов посттравматического стрессового расстройства у взрослых. Коэффициент корреляции 0,720 показывает, что баллы CTQ могут объяснить значительную часть вариации баллов PCL-5. Согласно положительной корреляции, вероятность развития симптомов посттравматического стрессового расстройства возрастает по мере увеличения детской травмы.

Важно отметить, что корреляция не указывает на причинно-следственную связь. Полученные данные не доказывают причинно-следственную связь, даже если существует значительная корреляция между детской травмой и симптомами посттравматического стрессового расстройства. На посттравматическое стрессовое расстройство могут влиять и другие факторы, такие как генетическая предрасположенность, социальная поддержка и методы преодоления. Таким образом, для полного понимания сложных взаимосвязей между детской травмой и ее долгосрочным влиянием на психическое здоровье необходимо провести дополнительные исследования.

Выводы

Итак, существует умеренно положительная связь между травмой детства (CTQ) и симптомами посттравматического стрессового расстройства (PCL-5) у взрослых, о чем свидетельствуют коэффициент корреляции 0,720 и высокое значение р-значения. Эти данные подчеркивают, насколько важно проводить терапию детских травм и предлагать правильную поддержку и вмешательство, чтобы снизить вероятность того, что у человека впоследствии может возникнуть посттравматическое стрессовое расстройство.

Посттравматические симптомы у взрослых (по опроснику PCL-5) и детская травма (по опроснику CTQ) значительно коррелируют между собой. Согласно линейному регрессионному анализу, небольшая, но значительная часть дисперсии приходится на детскую травму, которая также оказывает статистически значимое влияние на результаты во взрослой жизни. Эти результаты свидетельствуют о том, что детская травма может оказывать долгосрочное воздействие на человека даже во взрослом возрасте.

Таким образом, выдвинутая гипотеза была подтверждена: умеренное значимое влияние детской травмы на взрослую жизнь и корреляция детской травмы с посттравматическими характеристиками во взрослой жизни.

Заключение

Итак, можно заключить, что человек, переживший какую-либо травму в детстве, получает опасный опыт, что приводит к психологическому расстройству по достижении определенного возраста. Детские межличностные травмы могут оказывать пагубное влияние на развитие ребенка, особенно в отношении психологического и межличностного функционирования. Их потенциально негативные последствия для психологической сферы многообразны: повышенный риск депрессии, тревоги, посттравматических стрессовых симптомов, агрессии, диссоциации, употребления психоактивных веществ, рискованного сексуального поведения, а также пограничного, антисоциального, шизотипического, избегающего и шизоидного расстройств личности. В долгосрочной перспективе эти психологические последствия могут принять хронический характер и привести к высоким показателям суицидальности и низкому уровню

социального функционирования.

По этой причине важна профилактика психологических травм во взрослой жизни.

Существует множество психотерапевтических методов лечения травм, которые рекомендуется применять при работе с детской психологической травмой. Однако лишь немногие из них подкреплены обширными исследованиями и могут быть названы «доказательными». Хотя не существует единственного «лучшего» метода лечения травм, люди могут обнаружить, что они лучше реагируют на один тип лечения, чем на другой. Приведем лучшие методы лечения проблем, связанных с травмами.

1. Когнитивно-поведенческая терапия (КПТ). Данный метод фокусируется на распознавании проблемных моделей мышления и работе над их изменением, что затем помогает изменить модели поведения. Это лечение требует от человека еженедельных посещений, чтобы освоить навыки, которые можно использовать для управления симптомами. На протяжении всего курса лечения человек будет практиковать навыки вне сеансов. Тем временем поставщик услуг позаботится о том, чтобы устраниить любые препятствия и подчеркнуть прогресс. Стандартная КПТ традиционно занимает от 12 до 16 недель.

2. Терапия длительного воздействия (ТДВ). Это особый тип КПТ, в котором в первую очередь применяются методы поведенческой терапии. При ТДВ люди постепенно подвергаются воздействию своих воспоминаний, эмоций, мыслей и физических ощущений, связанных с травмой. Поскольку избегание является распространенным симптомом травмы, ТДВ помогает людям перестать избегать напоминаний о травме. Виды воздействия могут включать в себя:

- воображаемые воздействия: пересказ подробностей травмирующего события;
- воздействие *in vivo*: неоднократное столкновение с травмирующими ситуациями или людьми в повседневной жизни, которых они избегают;
- интероцептивное воздействие: создание и последующее переживание пугающих физических ощущений, связанных с травмой, но на самом деле безвредных.

3. Когнитивная обработка информации (КОИ). КОИ фокусируется на переоценке того, как человек думает после травмирующего события. Это лечение направлено на то, как люди видят себя, других и мир вокруг них. Часто проблемное или иррациональное мышление удерживает человека в тупике и затрудняет восстановление после травмы. Протокол КОИ помогает человеку оценить свою травму и ее влияние на его мышление. Человек учится навыкам оценивать, соответствуют ли его мысли действительности, и разрабатывает более полезные способы думать о своей травме. КОИ особенно полезен для тех, кто испытывает сильный стыд из-за травмирующего события.

4. Когнитивно-поведенческая терапия, ориентированная на травму (КПТ-ОТ). Разработанный для детей и подростков, КПТ-ОТ помогает улучшить ряд последствий травм у несовершеннолетних. Это лечение занимает от 8 до 25 сеансов, и в лечении участвуют как ребенок, так и лицо, осуществляющее уход, или взрослый, которому он доверяет. КПТ-ОТ – один из наиболее эффективных методов травматологической терапии, помогающий молодежи восстановиться после посттравматического стрессового расстройства. КПТ-ОТ решает другие проблемы, связанные с травмами, такие как тревога, депрессия и проблемы с поведением. Кроме того, опекун или взрослый, которому он доверяет, может облегчить свое беспокойство по поводу травмирующего

события ребенка и научиться эффективным родительским навыкам.

Библиография

1. Ахмерова Э. З., Сорокоумова С. Н. Влияние детской психологической травмы на формирование высокозначимых отношений в зрелом возрасте // Семья и личность: проблемы взаимодействия. 2022. № 22. С. 29-40.
2. Булитко А. С. Влияние детских психологических травм на развитие человека // XIII Машеровские чтения: Материалы международной научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых, Витебск, 18 октября 2019 года / Редколлегия: И.М. Прищепа [и др.]. – Витебск: Витебский государственный университет им. П.М. Машерова, 2019. – С. 260-262.
3. Василюк Ф. Е. Пережить горе // О человеческом в человеке / под ред. И. Т. Фролова. – М.: Политиздат, 1991. С. 230-247.
4. Володько А. Детская психологическая травма // <https://psychologyjournal.ru/public/detskaya-psikhologicheskaya-travma/?ysclid=lv0xi7mjaz855727039> (дата обращения 11.03.2024)
5. Гурина М. И. Работа психолога с детской травмой: учебное пособие / Гурина, Е. С., Кошенова Е. С. – Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2020. – 311 с.
6. Козлов М. Ю. Что говорит теория привязанности о суициdalном поведении? Краткий обзор современных исследований // Суицидология. 2023. Т. 14. № 3(52). С. 96-106.
7. Крепелин Э. Введение в психиатрическую клинику / проф. Э. Крепелин; пер. с 3-го перераб. и значит. доп. нем. изд. под ред. П. Ганнушкина; Народный комиссариат здравоохранения. – М.: Государственное издательство, 1923. – 487 с.
8. Левин П., Фредерик Э. Пробуждение тигра – исцеление травмы. – М.: АСТ, 2007. – 368 с.
9. Малкина-Пых И.Г. Экстремальные ситуации. – М.: Изд-во Эксмо, 2005. – 960 с.
10. Митенькова Е. Д., Амиров А. Ф. Детские психологические травмы. Их влияние на жизнь взрослого человека // Вестник Башкирского государственного медицинского университета. 2022. № 55. С. 76-80.
11. Нагайцева В. С. Детская психологическая травма, передиктор последствий психического здоровья // Современные проблемы лингвистики и методики преподавания русского языка в ВУЗе и школе. 2022. № 39. С. 919-924.
12. Петрова Е.А. Детские психотравмы: проблема отсроченного влияния на личность взрослого человека // Вестник Новгородского государственного университета. 2014. № 79. С. 96-99.
13. Решетников М. М. Психическая травма. – СПб.: Восточно-Европейский институт психоанализа, 2006. – 322 с.
14. Фрейд З. Исследования истерии / пер. с нем. С. Панкова; науч. ред. М. Решетникова и В. Мазина // Фрейд З. Собрание сочинений: в 26 т. Т. 1.-СПб.: Восточно-Европейский институт психоанализа, 2005. – 464 с.
15. Черепанова Е.С. Психологический стресс. Помоги себе и ребенку. Книга для школьных психологов, родителей и учителей. – М.: Издательский центр «Академия», 1997. – 96 с.
16. Юнг К. Г. Работы по психиатрии. – М.: Академический проект, 2000. – 304 с.
17. Ясперс К. Общая психопатология. – М.: Практика, 1997. – 1056 с.
18. Davis D., Clifton, A. (Psychosocial theory: Erikson. Haverford College. Retrieved from http://www.haverford.edu/psychology/ddavis/p109g/erikson_stages.html
19. Egeland B. Taking stock: Childhood emotional maltreatment and developmental psychopathology. Child abuse & neglect. 2009. № 33(1). Р. 22-26.
20. Erozkan A. The Link between Types of Attachment and Childhood Trauma. *Universal*

- Journal of Educational Research.* 2016. № 4(5). P. 1071–1079.
21. Jenvey V. The utility of psychological theories in understanding the social development of contemporary children. 2013. – 380 p.
22. Infurna F. J., Rivers C. T., Reich J., Zautra, A. J. Childhood trauma and personal mastery: Their influence on emotional reactivity to everyday events in a community sample of middle-aged adults // PLOS ONE 10. 2015. № 4. P. 1-21.
23. Wright M. O. D., Crawford E., Del Castillo, D. Childhood emotional maltreatment and later psychological distress among college students: The mediating role of maladaptive schemas // Child abuse & neglect. 2009. № 33(1). P. 59-68.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

На рецензирование представлена работа «Влияние детской психологической травмы на взрослую жизнь». Исследование представляет собой краткий обзор исследований и результаты эмпирического исследования.

Предмет исследования. Работа нацелена на изучение того, как детская психотравма влияет на взрослых. В то же время, представлен теоретический анализ и эмпирическое исследования для подтверждения выдвинутой автором гипотезы. Гипотеза заключается в том, что существует значительное влияние детской травмы на взрослых.

Методологией исследования. Автором проанализировано ряд работ, которые рассматривают затронутую автором проблему.

Актуальность исследования. Затронутая в статье проблема является актуальной. Эмпирические данные необходимы для обеспечения психологического сопровождения взрослых, на которых влияют детские травмы.

Научная новизна исследования заключается в том, что автором выделены симптомы влияния детской травмы на взрослых, а также определены посттравматические симптомы у взрослых.

Однако в работе не представлены рекомендации по результатам проведенного исследования.

Стиль, структура, содержание. Стиль изложения соответствует публикациям такого уровня. Язык работы научный. Структура работы прослеживается, несмотря на то, что автором не выделены основные смысловые части. Логика в работе прослеживается. Объем статьи отвечает требованиям, предъявляемым к работам такого уровня.

В начале работы кратко описана актуальность проблемы. Автором отмечается, что детские психологические травмы могут существенно повлиять на взрослую жизнь и могут иметь долгосрочные последствия для физического, эмоционального и психологического здоровья человека. В то же время, требуется проведение дополнительных теоретических и эмпирических исследований.

В следующем разделе представлен краткий обзор исследований и собственные выводы. Автором конкретизируется такое понятие как «детская психологическая травма», а также определяются долгосрочные последствия для физического, эмоционального и психологического здоровья человека: проблемы с психическим здоровьем, проблемы с физическим здоровьем, проблемы во взаимоотношениях, злоупотребление психоактивными веществами, эмоциональная дисрегуляция. В работе представлен анализ результатов исследований таких специалистов, как ЗЭ. Крепелин, М. Решетников, . Фрейд, Э. Эриксон, К.Юнг и т.д.

Третий раздел посвящен описанию результатов эмпирического исследования влияния

детской психотравмы на будущую жизнь. Выборка исследования - взрослое население России в возрасте 18-50 лет в количестве 100 респондентов, которые были набраны с помощью онлайн-рассылок. Для проведения исследования был использован комплекс стандартизованных тестов: опросник травмы детства (CTQ), контрольный список PCL-5 ПТСР. Для обработки полученных результатов был использован статистический анализ. Полученные результаты позволили оценить различные детские травмы (эмоциональное, физическое и сексуальное насилие, а также пренебрежение, как на эмоциональном, так и на физическом уровне). Значительное внимание было уделено формулировке ряда выводов: характеристика индивидуальных различий, потенциальных долгосрочных последствий. В то же время, полученные данные не доказывают причинно-следственную связь, даже если существует значительная корреляция между детской травмой и симптомами посттравматического стрессового расстройства. На посттравматическое стрессовое расстройство могут влиять и другие факторы, такие как генетическая предрасположенность, социальная поддержка и методы преодоления. В то же время, было показано на умеренное значимое влияние детской травмы на взрослую жизнь и корреляция детской травмы с посттравматическими характеристиками во взрослой жизни. Автором формулируется вывод, что для полного понимания сложных взаимосвязей между детской травмой и ее долгосрочным влиянием на психическое здоровье необходимо провести дополнительные исследования.

В заключении автор делает вывод о подтверждении выдвинутой гипотезы.

Библиография. Библиография статьи включает в себя 16 отечественных и зарубежных источников, издания за последние три года присутствуют. В списке представлены статьи, тезисы. Помимо этого, имеются также учебные пособия, монографии и интернет-источники. Источники оформлены, в основном, некорректно и неоднородно.

Апелляция к оппонентам.

Рекомендации:

- 1) расширить библиографический список за счет включения в него современных научных источников и провести анализ теоретико-методологических основ исследования;
- 2) оформить библиографический список в соответствии с предъявляемыми требованиями;
- 3) структурировать статью, выделить введение, теоретическую и эмпирические части, а также выводы и заключения;
- 4) оформить введение с выделением актуальности, объекта и предмета, цели и задачи, а также заключительный раздел с выводами по результатам проведенной работы;
- 5) важно разработать рекомендации по результатам проведенного исследования;
- 6) в работе имеются синтактические, стилистические и смысловые неточности.

Выводы. Проблематика статьи отличается несомненной актуальностью, теоретической и практической ценностью; будет интересна специалистам, которые занимаются проблемами рассмотрения детских психологических травм на взрослую жизнь. Статья может быть рекомендована к опубликованию. Учет выделенных рекомендаций и внесение соответствующих изменений позволит представить в редакцию научно-исследовательскую статью, отличающуюся научной новизной и значимостью.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования в представленной статье является влияние детской

психологической травмы на взрослую жизнь.

В качестве методологии предметной области исследования в данной статье были использованы дескриптивный метод, метод категоризации, метод анализа, а также метод опроса с применением опросника травмы детства (CTQ) и контрольного списка PCL-5 ПТСР, где симптомы ПТСР оценивались с помощью PCL-5, представляющего собой опросник для самоотчета. Для обработки полученных данных использовались методы статистического анализа.

Актуальность статьи не вызывает сомнения, поскольку детская психологическая травма – это термин, которым можно обозначить эмоционально или психологически болезненные события, происходящие в детстве и способные оказать долгосрочное влияние на физическое и психическое здоровье взрослого человека. Среди этих событий можно назвать домашнее физическое, сексуальное или эмоциональное насилие, злоупотребление родителями психоактивными веществами или их психические заболевания, игнорирование, развод родителей и многое другое. Детские психологические травмы могут существенно повлиять на взрослую жизнь, и они могут иметь долгосрочные последствия для физического, эмоционального и психологического здоровья человека. Учитывая, что различные виды травм могут оказывать неодинаковое влияние на человека, последствия детской травмы для взрослой жизни могут быть сложными и разнообразными.

Научная новизна исследования заключается в проведении по авторской методике исследования, направленного на изучение влияния детских травм на взрослую жизнь, а также выявление взаимосвязи детской психотравмы и посттравматических симптомов у взрослых. Выборкой для исследования послужило взрослое население в возрасте 18-50 лет ($n=100$), опрос производился с помощью онлайн-рассылок (ВКонтакте, WhatsApp и электронной почты). Онлайн-опрос позволил собрать сведения рандомно по всей России.

Статья написана языком научного стиля с грамотным использованием в тексте исследования терминов и категорий, характеризующих предмет исследования и описанием процедуры проведения исследования.

Структура выдержана с учетом основных требований, предъявляемых к написанию научных статей, в структуре данного исследования выделены такие элементы как введение, теоретическая часть, эмпирическая часть, выводы, заключение и библиография.

Содержание статьи отражает ее структуру. Особенno ценным в содержании исследования следует отметить авторский акцент на то, что существует тесная связь между детскими травмами и деструктивным поведением, таким как курение, незащищенный секс и хронические заболевания, такие как болезни сердца и рак. Люди, пережившие жестокое обращение, скорее всего, будут испытывать стресс и тревогу в дальнейшем. Этот долгосрочный стресс и тревога могут вызвать физические симптомы, а также эмоциональные проблемы на протяжении всей жизни. Одним из самых разрушительных последствий детских травм для взрослых является их влияние на самовосприятие. Травмы, полученные в детстве, во взрослом возрасте приводят к тому, что у людей чаще формируется образ мышления жертвы. Эта идеология может быть опасной, поскольку то, как человек воспринимает себя, влияет на его слова, выбор, карьеру, возможности и отношения.

Библиография содержит 23 источника, включающих в себя отечественные и зарубежные периодические и непериодические издания.

В статье приводится описание позиций и точек зрения ученых, характеризующих подходы и различные аспекты влияния детской психологической травмы на взрослую жизнь, а также содержится апелляция к научным трудам, характеризующих предметную

область исследования.

В представленном исследовании содержатся выводы, касающиеся предметной области исследования. В частности, отмечается, что существует умеренно положительная связь между травмой детства (CTQ) и симптомами посттравматического стрессового расстройства (PCL-5) у взрослых, о чем свидетельствуют коэффициент корреляции 0,720 и высокое значение р-значения. Эти данные подчеркивают, насколько важно проводить терапию детских травм и предлагать правильную поддержку и вмешательство, чтобы снизить вероятность того, что у человека впоследствии может возникнуть посттравматическое стрессовое расстройство. Посттравматические симптомы у взрослых (по опроснику PCL-5) и детская травма (по опроснику CTQ) значительно коррелируют между собой. Согласно линейному регрессионному анализу, небольшая, но значительная часть дисперсии приходится на детскую травму, которая также оказывает статистически значимое влияние на результаты во взрослой жизни. Эти результаты свидетельствуют о том, что детская травма может оказывать долгосрочное воздействие на человека даже во взрослом возрасте.

Материалы данного исследования рассчитаны на широкий круг читательской аудитории, они могут быть интересны и использованы учеными в научных целях, педагогическими работниками в образовательном процессе, социальными работниками, психологами, психотерапевтами, консультантами, экспертами и аналитиками.

В качестве недостатков данного исследования следует отметить, то, что в статье не были четко определены и выделены ее структурные элементы, такие как методология исследования, результаты исследования и обсуждение, хотя они, несомненно, прослеживаются в его содержании, однако, отдельно они не обозначены соответствующими заголовками. В эмпирической части, возможно было бы для наглядности использовать рисунки, демонстрирующие полученные результаты. При использовании таблиц необходимо сослаться на них в тексте статьи, а при их оформлении обратить внимание на требование действующего ГОСТа. Также нужно обратить на требования действующего ГОСТа и при оформлении библиографических источников, особенно тех, которые являются электронными ресурсами. В заключении представлены психотерапевтические методы лечения травм, целесообразно было бы это встроить в текст основной части статьи. Указанные недостатки не снижают высокую научную и практическую значимость самого исследования, а скорее относятся к оформлению текста статьи. Статью рекомендуется опубликовать.

Психолог*Правильная ссылка на статью:*

Головинов Е.И., Гостев А.А. Вторичный образ как психокоррекционный ресурс: поиск новых исследовательских возможностей // Психолог. 2024. № 2. DOI: 10.25136/2409-8701.2024.2.69731 EDN: YKQKSE URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=69731

Вторичный образ как психокоррекционный ресурс: поиск новых исследовательских возможностей**Головинов Евгений Иванович**

аспирант, кафедра Общая психология, Московский институт психоанализа

111123, Россия, Москва область, г. Москва, ул. 3-Я владимирская, 8

[✉ Golovinov@yandex.ru](mailto:Golovinov@yandex.ru)**Гостев Андрей Андреевич**

доктор психологических наук

профессор, кафедры Истории психологии и исторической психологии, Институт психологии Российской Академии наук

129366, Россия, г. Москва, ул. Ярославская, 13, оф. 1

[✉ aagos06@rambler.ru](mailto:aagos06@rambler.ru)[Статья из рубрики "Сознательное и бессознательное"](#)**DOI:**

10.25136/2409-8701.2024.2.69731

EDN:

YKQKSE

Дата направления статьи в редакцию:

01-02-2024

Аннотация: Авторами подробно рассматривается проблематика "вторичного образа" в историческом контексте, а также в современных исследованиях в связи с состоянием изучения сознания в философских и психологических концепциях. Проблему составляет невнимание многих, особенно зарубежных авторов, к данной теме. Данное исследование является логическим продолжением работ А.А. Гостева, В.А. Ганзена, В.М. Аллахвердова, Ф.Е. Василюк и др. по изучению "вторичного образа". В статье рассматривается концепт «образ-схема» с выделением «ядра», опирающегося на

первичный образ, и периферию образного опыта. Её составляют более мобильные его (первичного образа) структуры, изменяемые, корректируемые, совершенствующиеся под влиянием внешних (представленных предметным или знаковым содержанием) и внутренних (личностно обусловленных) факторов. В статье авторами используется теоретический анализ, который базируется на традициях ленинградской психологической школы (Б.Г. Ананьев, Б.Ф. Ломов), на понятии «вторичный образ» в его соотнесении с первичными сенсорно-перцептивными образами. На основе такого базового содержания образов, авторами представлена модель формирования и трансформации образов в сознании с условным выделением вторичного образа на основе традиций ленинградской психологической школы. Подчеркивается соотнесение понятий «вторичный образ» с образами «первичными» – сенсорно-перцептивными. Предложена разработка тематики "вторичного образа" в контексте его использования в современной психотерапевтической практике. В этой связи подчеркивается актуальность и теоретическая значимость проблематики измененных состояний сознания в общепсихологическом и историко-психологическом планах. Отмечается высокая степень многомерности и многоплановости образной сферы как важнейшего компонента сознания. На используемом теоретико-методологическом основании даётся авторское видение тематики в её приложении к заявленной в статье проблеме. Предлагается адаптированная модель формирования и трансформации «первичных» и «вторичных» образов в потоке сознания с выделением условий изменения целостной образной сферы человека в психокоррекционном процессе.

Ключевые слова:

сознание, измененные состояния сознания, образная сфера человека, вторичный образ, психокоррекционный ресурс, история психологии, проблема сознания, теория сознания, сознательное и бессознательное, образ

Введение

Проблема сознания всегда являлась и остается по сегодняшний день предельно актуальной в психологической науке. Это связано с парадоксальностью предмета изучения и невозможностью полноценного определения самого понятия. Любые подходы исследователей к проблематике, как подчеркивает В.М Аллахвердов, наталкиваются на противоречия, неразрешимые на сегодняшний день, а вероятно и в принципе, в рамках научного подхода [\[1\]](#). Тем не менее, изучение места и роли образного опыта в структуре и функционировании сознания вносит свой вклад исследование проблематики сознания и неосознаваемых сфер психики.

Новизна предлагаемого в статье подхода заключается в более детализированном выделении класса так называемых «вторичных» образов в рамках общего понимания образной сферы человека, и в более расширенном рассмотрении возможности их использования в практике психологического консультирования, психологической коррекции и психотерапии.

Обоснование подхода

Теории сознания обычно анализируют его исходя из составляющих. В частности, рассматривая проблематику сознания, невозможно обойти процесс формирования человеком психических образов. Образная сфера его внутреннего мира является

важнейшим «поставщиком» содержания потока сознания [\[2-4\]](#). Именно способность к формированию образов опосредует присущие только человеку непосредственно связанные с осознанием психические процессы самосознания, речь, память, воображение, мышление [\[5\]](#) и др.

Мы присоединяемся к позиции ученых, которые не проводят жесткого разграничения между «сознательным» и «неосознаваемым», определяя первое как то, что может быть адекватно представлено второй сигнальной системой человека в процессе рефлексии. С первой же сигнальной системой мы будем связывать так называемые первичные образы – возникающие в виде ощущений и перцептивных образов при непосредственном воздействии раздражителя на рецепторы.

Вспомним, что И.М. Сеченов рассматривает образ в качестве регулятора исполнительных рефлекторных эффектов, связывая их с деятельностью [\[6\]](#). В.В. Колесовым понятие образа раскрывается исходя из его физиологической основы в форме совокупности «нейрофизиологических следов воспринятого», своеобразных «ментальных отпечатках» (образ – это «мысль воображаемая») [\[7\]](#). У П.Я. Гальперина психическое отражение формирует представления о предметах и отношениях объективного мира [\[8\]](#). Отметим также, что первичные образы трансформируются под воздействием субъективного опыта человека. Концепция К. Юнга основывается на понимании образов как активных, обладающих регулятивным потенциалом составляющих внутреннего мира человека, т.е. по сути, на рассмотрении сознания как системы образов. Уместно вспомнить рассмотрение Б.Ф. Ломовым сознания как основы личности, раскрытие механизмов формирования и воспроизведения образа в деятельности мышления [\[9\]](#). Примечательно, что в ключе деятельности мышления рассматривают образ представители когнитивной психологии – А. Бандура, Дж. С. Брунер, Дж. Келли, Л. Колберг, Ж. Пиаже и др. В контексте взаимоотношений мысленного образа и слова (речи) рассматривает образную сферу Л.С. Выготский [\[10\]](#). Многоплановость изучения образов в контексте проблематики сознания подчеркивается В.М. Аллахвердовым [\[11\]](#). В трудах А.Н. Леонтьева образ описывается как сложное, многомерное психологическое образование [\[11\]](#). В работах Ф.Е. Василюка развивается теория А.Н. Леонтьева, и анализируется структура психического образа, включающая предметное содержание, личностный смысл, значение и эмоциональная важность, слово (символ, знак), и соответствующая им «чувственная ткань» [\[12\]](#).

Итак, есть все основания рассматривать психический образ как продукт взаимодействия когнитивных процессов, в результате которых в сознании конструируются так называемые «вторичные образы». В этой связи вспомним, что С.Л. Рубинштейн определяет образ как «мысленную картину» чего-то недоступного в настоящее время для непосредственного восприятия [\[13\]](#).

Таким образом, вторичные образы являются результатом трансформации «первичных образов» восприятия, и переживаются человеком в отсутствии непосредственно воздействующего стимула [\[3\]](#).

Тематика вторичных образов подробно рассмотрена в работах А.А. Гостева, где идеи Б.Г. Ананьева, Л.М. Веккера, Б.Ф. Ломова и др., в преломлении современных тенденций развития человека и общества, подвергнуты дальнейшей разработке и уточнению. В работах А.А. Гостева вторичным образам уделено особое внимание, о чем свидетельствует, в т.ч. и название его докторской диссертации «Психология вторичного

образа: Субъект, феноменология, функции» [\[13\]](#). Рассматривая вторичные образы, А.А. Гостев обращает особое внимание на значимые функциональные нюансы актуализации содержания собственного (и чужого) опыта с точки зрения устремленной в будущее целенаправленной деятельности человека, возможности самопознания и психической саморегуляции на различных уровнях, включая неосознаваемые сферы внутреннего мира личности [\[2\]](#). В этой связи укажем на потенциальную способность психики человека открывать их содержание в символической форме, что рассматривается в рамках феноменологически-герменевтического подхода. Эта способность реализуется в так называемой «трансляционной функции» образной сферы человека. Эта функция связывает каждого человека с любым аспектом мироздания, и обеспечивает ему «многоплановый и многоуровневый контакте души с Реальностью» [\[4\]](#), детерминируемые способностью познающего субъекта к такому контакту. Трансляционная функция образной сферы выступает связующим звеном между внешними и внутренними, реальными и идеальными, явными и скрытыми измерениями внутреннего мира человека, представляет собой особый психологический инструмент познания внутреннего мира личности и контакта с реалиями бытия, идеально представленного в субъективном мире человека, включая переживание им образов [\[12\]](#). То есть, образ представляет собой специфическую, многоплановую форму отражения мира, которая на основе действия во внутреннем мире человека ориентирует, детерминирует, направляет его поведение и деятельность в конкретной ситуации. Он составляет фундамент для формирования картины мира. Образ может быть, как чувственным (восприятия, представления, последовательный, когнитивный и др.), так и рациональным (партнера по коммуникации, мира, благополучия и др.). Любой образ субъективен, опирается на личный опыт, возможности когнитивной переработки и эмоциональной сферы при создании, изменении и удержании образа. В этой связи отметим теоретико-методологическую значимость междисциплинарного рассмотрения тематики образной сферы в объединении её изучения с подходами к образу в философии, искусстве, религии [\[14\]](#). Значение мира культуры для субъективного пересмотра образа действительности под воздействием элементов структуры психического образа, трансформации существующих и вновь появляющихся образов за счет их осмысления/переосмысления раскрывает, например, Ф.Е. Василюк [\[12\]](#). Отметим, что «первичный образ» не переносится в образ вторичный автоматически и без изменений, а встраивается в существующую у человека систему образов и смыслов, конструируя, структурируя индивидуальную «картину» объективной реальности и субъективной целостной картины мира, демонстрируя специфику перехода от непосредственного восприятия к высшим психическим процессам и функциям человека.

Модель исследования

Для раскрытия тематики, заявленной в статье, необходимо особо подчеркнуть: образная сфера человека не статична. В процессе жизнедеятельности составляющие её образы подвергается постоянной трансформации/модификации на разных уровнях. Структуру образа, в связи с этим, возможно рассматривать в концепте «образ-схемы». Его ядро, составляют достаточно устойчивые представления, опирающиеся на первичный образ. Перифирию образа составляют более мобильные образования, изменяемые, корректируемые, совершенствующиеся под влиянием внешних (представленных предметным или знаковым содержанием) и внутренних (личностно обусловленных) факторов [\[15\]](#). В зависимости от направленности, эмоциональной и личной значимости воздействий, трансформирование образа может затрагивать его периферию или ядро. В

первом случае природа образа, его сущность остается в неприкосновенности, а образ в целом уточняется, совершенствуется. Если при изменении трансформируется ядро, видоизменяется собственно содержание образа, что влечет за собой изменение вторичного образа.

Мы составили Модель формирования и трансформации образов в сознании с условным выделением вторичного образа (рис. 1).

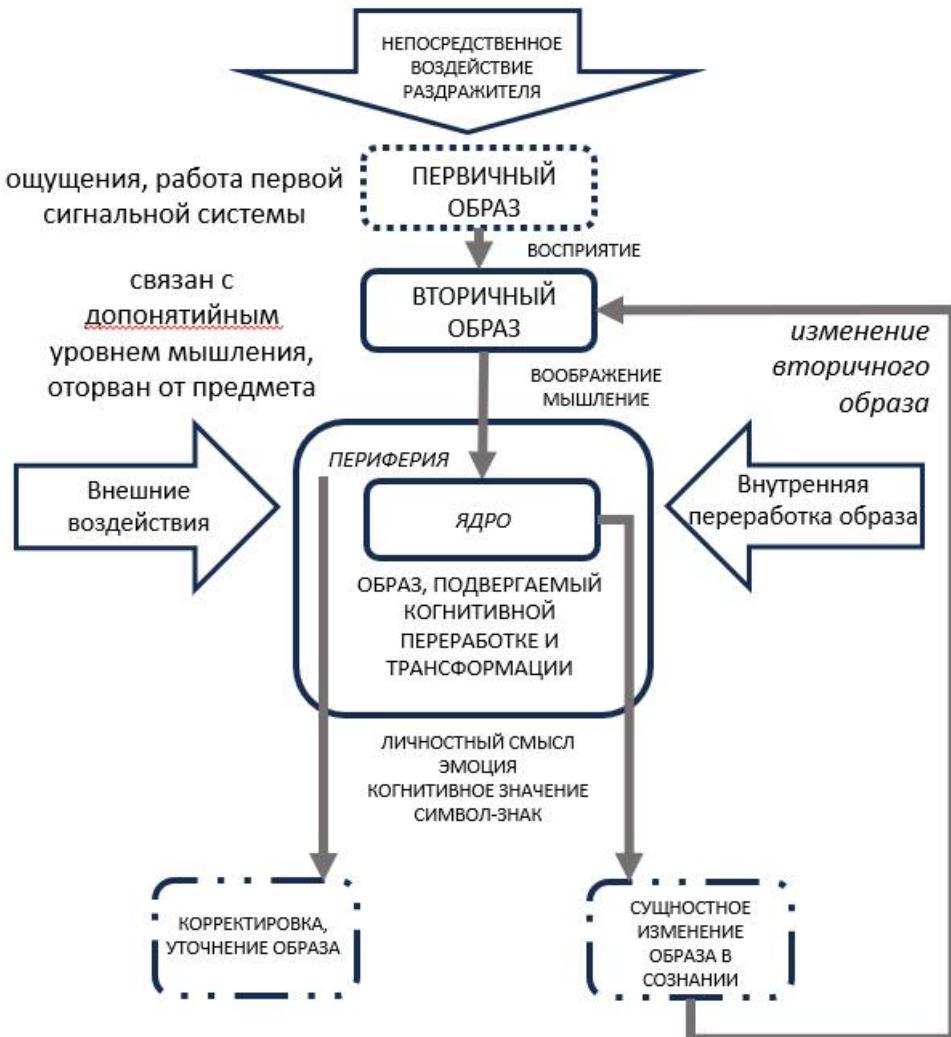

Рис. 1. Модель формирования и трансформации образов в сознании

Предложенная модель позволяет обозначить особую роль вторичных образов и возможности по привлечению их в психокоррекционный процесс, т.к. они являются естественным и самым древним языком психики [2]. Их естественная активность максимальна в период, когда вторая сигнальная система еще не стала доминирующей в жизни человека, а именно, до овладения речью.

Размещение в общей конфигурации психического вторичных образов, кодирующих на уровне представлений субъективный опыт, обуславливает их основную специфику – единство и взаимопроникновение чувственного и когнитивного в системе различных образов. Такое местоположение предполагает их способность проникать в глубинные хранилища опыта субъекта (на основе рассмотренной выше трансляционной функции образной сферы), которые недоступны методам индукции, дедукции и когнитивного анализа. Перемещение вторичных образов способно, в конечном итоге, объективировать

в индивидуальном сознании недостающий и недоступный для непосредственного восприятия в конкретный момент времени опыт (реальный или виртуальный) для взаимодействия человека с миром или с собой. Это актуально при проектировании жизненных траекторий, освоении чужого опыта, оптимизации социального взаимодействия, самопознания и психической саморегуляции [3].

Исходя из феноменологически-герменевтического подхода и особенностей трансляционной функции образной сферы человека [3], можно утверждать, что использование в психокоррекционной работе образов воображения, снов, образов измененных состояний сознания и пр. образов, «позволяют чувствовать, понимать и интерпретировать сложный язык метафор, глубинной архетипической символики и мифологии».

Вторичные образы образуют собственную систему, аккумулирующую психическую энергию человека на основе конкретного и воображаемого материала, формируя индивидуальные программы ради достижения личностно значимых целей, и являющуюся связующим звеном между сознательным и бессознательным, транслируя человеку как неосознаваемый психический материал, так и глубокие духовные смыслы. Эта особенность используется психотерапевтами разных школ и концепций при работе с образной сферой для «миграции» вторичных образов в пространственно-временном интервале между осознаваемым и неосознаваемым (проходить через виртуальные «окна»). Это позволяет выявлять и оценивать образы глубинного подсознания, предъявлять на уровне осознанного когнитивного сознания, видоизменять и корректировать их [3]. В психоаналитическом подходе, например, это используется в методе свободных ассоциаций, анализе сновидений, гипнотических состояний.

Заключение и перспективы исследования

Итак, можно утверждать, что на основе содержания образной сферы, в частности, вторичных образов человек создает свою собственную субъективную реальность, имеющую высокую для него значимость в качестве регулятора жизнедеятельности. Использование вторичных образов как психокоррекционного метода позволяет прояснить жизненные цели и пути их достижения с учетом возможности выбора оптимальных, расширять целостное видение мира и позитивизировать мироощущение, обеспечить личностный рост, улучшать межличностные и иные отношения, выявлять основы проблем, изменять поведение и т.п.

Особую роль играют образы измененных состояний сознания. На основе практического опыта работы психолога с людьми в рамках использования измененного состояния сознания, можно говорить о том, что большинство психокоррекционных воздействий так или иначе приводило к положительным изменениям мировосприятия, к личностному росту человека. И эти изменения становились возможны благодаря созданию вторичного образа, который несёт в себе потенциал конструктивных изменений.

В теоретическом и практическом плане, систематизация и расширение знаний относительно вторичных образов имеет непреходящее значение для более целостного понимания человеческой психики в её гносеологическом и регулятивном потенциале. Особо возрастает значение изучения проблематики образов измененных состояний сознаний, которая в значительной степени игнорируется и, соответственно, недостаточно освоена психологической наукой, в частности, такими её направлениями как психология личности, психология духовно-нравственной сферы человеческого бытия, психологией религиозного опыта.

В связи с этим, мы приходим к выводу о необходимости анализировать проблему измененных состояний сознания через историю, психологию и историческую психологию. Что известно человечеству об особых состояниях сознания и их роли в жизни людей? Например, в контексте отечественных исследований тематику образной сферы человека полезно соотносить с православной метафизикой осмысления его внутреннего мира [4].

Дальнейшие исследования в заявленном в статье направлении могут иметь не только прикладной характер в психокоррекционной и психотерапевтической работе с индивидуальными проблемами человека, но и обосновать применение знаний об образной сфере к тем угрозам, рискам, вызовам, с которыми сталкиваются люди в процессах набирающей темп глобальной трансформации. Понятно, что значение истории психологии и исторической психологии в этом плане очевидно.

Библиография

1. Аллахвердов В.М. Сознание как парадокс. (Экспериментальная психология, т. 1). – СПб: «Издательство ДНК», 2000. – 528 с.
2. Гостев А.А. Психология вторичного образа. – М.: Изд. Ин-та психологии РАН, 2007. – 512 с.
3. Гостев А.А. Психология вторичного образа: Субъект, феноменология, функции: автореферат дис. ... доктора психологических наук: 19.00.01 / С.-Петербург. гос. ун-т. – Санкт-Петербург, 2001. – 36 с.
4. Гостев А.А. Психология и метафизика образной сферы человека. – М.: Генезис, 2008. – 458 с.
5. Кюглер П. Психические образы как мост между субъектом и объектом // Кембриджское руководство по аналитической психологии. – М.: Изд-во: Добросвет, 2000. – 478 с.
6. Сеченов И.М. Элементы мысли. – СПб: Лениздат, 2014. – 224 с.
7. Колесов В.В. Суждения о концепте образ // МЕТОД: Московский ежегодник трудов из обществоведческих дисциплин. – 2018. – №8. – С. 25-46.
8. Самохвалова В.С. Психологическая система П.Я. Гальперина и современные взгляды на подготовку дефектологов // Молодой ученый. – 2019. – № 41 (279). – С. 250-255.
9. Кононова А.И., Костромина С.Н. Теоретические основания процессуальной модели образа мира личности // Национальный психологический журнал. – 2023. – № 2 (50). – С. 14-28.
10. Выготский Л.С. Мысление и речь. – М.: Эксмо, 2022. – 544 с.
11. Корниенко А.Ф. Природа психики и психической формы отражения // Национальный психологический журнал. – 2018. – № 3 (31). – С. 104-116.
12. Архангельская В.В., Карягина Т.Д., Шермазанян Л.Г., Шерягина Е.В. Теория сознания и переживания Ф.Е. Василюка: векторы развития // II Международная конференция по консультативной психологии и психотерапии, посвященная памяти Федора Ефимовича Василюка: сборник материалов. – 2020. – №1. – С. 179-194.
13. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. – М.: ACT, 2019. – 960 с.
14. Линде Н.Д. Эмоционально-образная (аналитически-действенная) терапия: чувство, образ, анализ, действие 3-е изд. – М.: Генезис, 2021. – 376 с.
15. Гrimсолтанова Р.Э. Методология восприятия вторичного образа // Северо-Кавказский психологический вестник. – 2012. – №2. – С. 43-46.
16. Юнг К.Г. Проблемы души нашего времени. – М.: ACT, 2022. – 352 с.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не

раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования в представленной статье является вторичный образ как психокоррекционный ресурс через поиск новых исследовательских возможностей.

В качестве методологии предметной области исследования в данной статье были использованы, дескриптивный метод, метод категориализации, метод анализа, а также в ходе исследования применялись системный и междисциплинарный теоретико-методологические подходы.

Актуальность статьи не вызывает сомнения, поскольку проблема сознания в психологической науке изучается как некий парадокс в рамках множества различных научных подходов. Такая ситуация не дает возможности полноценно определить само понятие. Любые подходы исследователей к проблематике, как подчеркивает В.М. Аллахвердов, наталкиваются на противоречия, неразрешимые на сегодняшний день, а вероятно и в принципе, в рамках научного подхода. Теории сознания обычно анализируют его исходя из составляющих. В частности, рассматривая проблематику сознания, невозможно обойти процесс формирования человеком психических образов. Образная сфера его внутреннего мира является важнейшим «поставщиком» содержания потока сознания.

Научная новизна исследования заключается в подробном и всестороннем изучении вторичного образа как психокоррекционного ресурса, а также в построении авторской модели формирования и трансформации образов в сознании, представленной на рисунке 1.

Статья написана языком научного стиля с грамотным использованием в тексте исследования изложения различных позиций ученых к изучаемой проблеме и применением научной терминологии и дефиниций.

Структура частично выдержана с учетом основных требований, предъявляемых к написанию научных статей. В структуре данного исследования можно выделить вводную часть, основную часть, заключительную часть и библиографию.

Содержание статьи отражает ее структуру. Особенno ценным в содержании исследования является авторский акцент на то, что вторичные образы образуют собственную систему, аккумулирующую психическую энергию человека на основе конкретного и воображаемого материала, формируя индивидуальные программы ради достижения личностно значимых целей, и являющуюся связующим звеном между сознательным и бессознательным, транслируя человеку как неосознаваемый психический материал, так и глубокие духовные смыслы. Эта особенность используется психотерапевтами разных школ и концепций при работе с образной сферой для «миграции» вторичных образов в пространственно-временном интервале между осознаваемым и неосознаваемым (проходить через виртуальные «окна»). Это позволяет выявлять и оценивать образы глубинного подсознания, предъявлять на уровне осознанного когнитивного сознания, видоизменять и корректировать их. В психоаналитическом подходе, например, это используется в методе свободных ассоциаций, анализе сновидений, гипнотических состояний.

Библиография содержит 16 источников, включающих в себя отечественные периодические и непериодические издания.

В статье приводится описание различных позиций и точек зрения известных ученых, характеризующих подходы и различные аспекты к пониманию вторичного образа как особого ресурса психологической коррекции, а также содержится апелляция к различным научным трудам и источникам, посвященных этой тематике, которая входит в

круг научных интересов исследователей, занимающихся указанной проблематикой.

В представленном исследовании содержатся краткие выводы, касающиеся предметной области исследования. В частности, отмечается, что в ходе работы с клиентами в рамках использования измененного состояния сознания, можно говорить о том, что большинство психокоррекционных воздействий так или иначе сводилось к изменению мировосприятия и мироощущению, личностного роста человека. И эти изменения становились возможны, только благодаря созданию вторичного образа, который несёт в себе в себе потенциал дальнейших изменений. В теоретическом и практическом плане, систематизация и расширение знаний относительно вторичных образов имеет непреходящее значение для более целостного понимания человеческой психики в её гносеологическом и регулятивном потенциале. В этом плане возрастает значение изучение проблематики образов измененных состояний сознаний, которая освоена еще меньше. Дальнейшие исследования в этом направлении могут иметь не только прикладной характер в психотерапевтической работе, но и обосновать некоторые идеи решения все умножающихся глобальных проблем человечества.

Материалы данного исследования рассчитаны на специальный круг читательской аудитории, они могут быть интересны и использованы учеными в научных целях, педагогическими работниками в образовательном процессе, психологами, психоаналитиками, психотерапевтами и экспертами.

В качестве недостатков данного исследования следует отметить, то, что в тексте встречаются опечатки, рассогласования в словосочетаниях, пропуски знаков препинания, ошибки в пунктуации. При написании текста статьи необходимо обратить внимание на более подробное описание научной новизны и методологии исследования, а также структурные элементы, такие как результаты исследования, обсуждение результатов и выводы необходимо более четко описать и выделить соответствующими заголовками. При оформлении рисунка и библиографических источников необходимо обратить внимание на требование действующего ГОСТа. Кроме отечественных источников возможно было бы обратиться и к зарубежной литературе, сослаться на нее и включить в библиографический список. В названии статьи заявлен поиск новых исследовательских возможностей применительно к предмету исследования, но большинство источников, в том числе периодических изданий, указанных в библиографии, не отличаются новизной. Указанные недостатки не снижают научную и практическую значимость самого исследования, однако, эти недостатки необходимо оперативно устранить, а статью отправить на доработку.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Данная статья выполнена на актуальную в теоретическом и методологическом значении тему. Все, что связано с образами традиционно привлекает внимание не только психологов, но и философов, которые исследуют сознание. В тексте отмечена теоретико-методологическая значимость междисциплинарного рассмотрения тематики образной сферы в объединении её изучения с подходами к образу в философии, искусстве, религии. Все это верно.

Несмотря на имеющиеся сведения по этому вопросу, следует признать, что многочисленные аспекты сознания человека далеки от конкретного понимания. Об этом пишет и автор, отмечая, что проблема сознания всегда являлась и остается по

сегодняшний день предельно актуальной в психологической науке. Это связано с парадоксальностью предмета изучения и невозможностью полноценного определения самого понятия.

Тем не менее, заслуги исследователей сознания очевидны. В тексте указано, что И.М. Сеченов рассматривал образ в качестве регулятора исполнительных рефлекторных эффектов, связывая их с деятельностью. В.В. Колесовым понятие образа раскрывает исходя из его физиологической основы в форме совокупности «нейрофизиологических следов воспринятого», своеобразных «ментальных отпечатках». У П.Я. Гальперина психическое отражение формирует представления о предметах и отношениях объективного мира. Эти и другие исследовали внесли много ясности в понимание сложных механизмов формирования образов. В качестве достоинства статьи следует признать, что автор оперирует понятиями о первосигнальной и второсигнальной системах, а также о метасистеме восприятия и их ролью в формировании образов.

Можно согласиться, что новизна предлагаемого в статье подхода заключается в более детализированном выделении класса так называемых «вторичных» образов в рамках общего понимания образной сферы человека, и в более расширенном рассмотрении возможности их использования в практике психологического консультирования, психологической коррекции и психотерапии. Рецензент может добавить, что такой подход перспективен еще и в разработке методов, и, особенно, трактовке результатов психолого-психиатрических экспертиз.

Автор представил модель формирования и трансформации образов в сознании с условным выделением вторичного образа и схематически показал структуру вторичного образа. Отмечается, что ее саму возможно рассматривать в концепте «образ-схемы». Ядро такого концепта составляют достаточно устойчивые представления, опирающиеся на первичный образ. Периферию образа составляют более мобильные образования, изменяемые, корректируемые, совершенствующиеся под влиянием внешних (представленных предметным или знаковым содержанием) и внутренних (личностно обусловленных) факторов. В зависимости от направленности, эмоциональной и личной значимости воздействий, трансформирование образа может затрагивать его периферию или ядро. В первом случае природа образа, его сущность остается в неприкосновенности, а образ в целом уточняется, совершенствуется. Если при изменении трансформируется ядро, видоизменяется собственно содержание образа, что влечет за собой изменение вторичного образа. Анализ этой схемы показал, что она логична и рациональна, в теоретическом отношении обоснована.

Аргументируя перспективы использования предлагаемой модели в коррекционной и психотерапевтической практике, автор исходит из феноменологически-герменевтического подхода и особенностей трансляционной функции образной сферы человека. При этом ссылается на источник и утверждает, что использование в психокоррекционной работе образов воображения, снов, образов измененных состояний сознания и пр. образов, «позволяют чувствовать, понимать и интерпретировать сложный язык метафор, глубинной архетипической символики и мифологии». По этому поводу у рецензента есть некоторые критические замечания. Например, о самом герменевтическом подходе в данном случае. Но это субъективное мнение.

В качестве недостатка можно отметить отсутствие в статье формулировки цели исследования. Несмотря на то, что сама цель этого исследования понятна по тексту, все-таки желательно показать в тексте ее формулировку (по возможности).

Стиль изложения текста научно-исследовательский.

Структура работы несколько отличается от общепринятых правил и больше походит на обзор-обоснование заявленного подхода, в рамках которого автор приводит критические рассуждения о перспективах использования предлагаемой модели для

психокоррекционной и психотерапевтической практики.

По содержанию данной работы у рецензента сложилось впечатление, что заявленная тематика вполне может стать предметов научной конференции, поскольку открывает много перспектив для конкретизации и уточнения психологических механизмов формирования именно вторичных образов. Сам же автор считает, что вторичные образы образуют собственную систему, аккумулирующую психическую энергию человека на основе конкретного и воображаемого материала, формируя индивидуальные программы ради достижения личностно значимых целей, и являющуюся связующим звеном между сознательным и бессознательным, транслируя человеку как неосознаваемый психический материал, так и глубокие духовные смыслы. Эта особенность используется психотерапевтами разных школ и концепций при работе с образной сферой для «миграции» вторичных образов в пространственно-временном интервале между осознаваемым и неосознаваемым.

В работе имеется заключение, в котором кратко изложены перспективы исследования вторичных образов по отношению к измененным состояниям сознания.

Библиографический список включает источники по заявленной тематике исследования. В целом данная статья оставляет хорошее впечатление. Она представляет интерес для читающей аудитории и поэтому ее можно рекомендовать к опубликованию в научном журнале.

Психолог

Правильная ссылка на статью:

Пензина Н.И. Проведение комплексной психодиагностики претендентов на должность менеджера по продажам // Психолог. 2024. № 2. DOI: 10.25136/2409-8701.2024.2.70158 EDN: YLUSOI URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=70158

Проведение комплексной психодиагностики претендентов на должность менеджера по продажам

Пензина Нелла Ильинична

ORCID: 0000-0003-4069-6172

кандидат экономических наук

доцент, кафедра психологии, Московский финансово-промышленный университет «Синергия»

129090, Россия, г. Москва, ул. Мещанская, 9/14 стр. 1

nella@list.ru

[Статья из рубрики "Профессиональная психология"](#)

DOI:

10.25136/2409-8701.2024.2.70158

EDN:

YLUSOI

Дата направления статьи в редакцию:

18-03-2024

Аннотация: Предметом исследования являются особенности процесса психодиагностики кандидатов на должность менеджера по продажам. Объектом исследования является процесс психодиагностики кандидатов на должность менеджера по продажам. Автор подробно рассматривает такие аспекты темы, как правильный подбор психодиагностического инструментария для целей оценки потенциального кандидата, сложности при проведении психодиагностики потенциального менеджера по продажам,дается инструкция для выявления потребностей диагностики и подбора правильного психодиагностического инструментария. Исследование проводилось в частной компании, численностью 350 человек. Данные были систематизированы и в статье были приведены те методики и качества, которые руководство компании посчитало наиболее важными для менеджеров по продажам. Сводные данные представлены в Таблице 1 и Таблице 2 данной статьи. В данной статье использовались методы анализа, синтеза и классификации. Автор данной статьи проводил комплексную диагностику испытуемых при приеме на работу с помощью различных психодиагностических методик.

Исследование было проведено в частной компании с численностью персонала 350 человек в течение 4 лет. В ходе работы был составлен перечень сложностей при проведении психодиагностики соискателя на должность менеджера по продажам; была приведена пошаговая инструкция, как правильно классифицировать основные качества и свойства менеджера по продажам с учетом специфики работы компании, запроса со стороны собственника или управляющего компании и с учетом знаний и умений психолога, который занимается психодиагностикой в данной компании. Особым вкладом автора в исследование темы является систематизация наиболее востребованных качеств и свойств менеджера по продажам и предложение психодиагностического и другого практического инструментария для проведения диагностики. Данная статья расширяет базу знаний по применению различного диагностического инструментария для комплексной диагностики менеджеров по продажам и проективных методик для целей диагностики работников, помогает выявить личностные особенности сотрудников частного и государственного сектора.

Ключевые слова:

психодиагностика, проективные методики, продажи, рисуночные методики, отдел продаж, корпоративный психолог, организационный психолог, ДДЧ, РНЖ, подбор сотрудника

Введение. В большинстве компаний, которые работают на российском рынке один из ключевых факторов успешности является человеческий капитал. Поэтому успешный и тщательный отбор персонала на начальном этапе делает процесс работы с человеческим капиталом организации более эффективным и уменьшает количество задач для сотрудников отдела по работе с персоналом. За последние 5 лет возрастает потребность в первичной психодиагностике потенциальных работников. Многие компании проводят консолидацию бизнеса и расширяют направления деятельности, идет набор нового персонала. Компании часто нанимают в штат психолога на постоянную работу, если численность персонала превышает сто человек. Особенно актуальным сейчас становится запрос на подбор грамотного и эффективного менеджера по продажам. В данной статье представлен обзор психодиагностических методик, которые можно применить для диагностики менеджера по продажам, в том числе проективные методики [\[1\]](#).

Результаты и обсуждения. Менеджеры по продажам более всего приносят прибыль компании, поэтому грамотному подбору данных сотрудников уделяется довольно много времени и подготовки. Перед началом любого психодиагностического тестирования всегда необходимо объяснить соискателю зачем он выполняет тестирование, и какие выводы данная проверка поможет сделать работодателю. Потенциальный кандидат должен быть положительно мотивирован и выражать готовность к прохождению психодиагностических методик. Если кандидат выражает недовольство или не хочет проходить психодиагностическую методику, то вынужденная проверка не принесет необходимых результатов. Особенно на результатах проективных рисуночных методик, таких как «Рисунок несуществующего животного» [\[2\]](#), «Дом-дерево-человек» [\[3\]](#) и т.д.

Какие могут возникнуть сложности при проведении психодиагностики потенциального менеджера по продажам?

1. В соответствии с исследованием автора данной статьи было выявлено, что нет одной универсальной методики, которая позволила бы определить, насколько для организации

подходит потенциальный кандидат. Это зависит от специфики и отрасли работы компании, запросов собственника и управляющего организации, компетенций специалиста hr-отдела (или психолога) и ряда других факторов. Поэтому инструментарий определяется исходя из потребностей конкретной компании, руководителя и исходя из того психодиагностического инструментария, которым владеет специалист hr-отдела (психолог).

2. Если специалист hr-отдела (психолог) подбирает случайные методики и не владеет техникой выполнения проективных методик, эффективность экспертизы снижается и практически сводится к нулю.

3. Потенциальные соискатели на должность менеджера по продажам на многие тесты и шкальные методики могут давать социально желаемые ответы, поэтому рекомендуется использовать дополнительный психодиагностический инструментарий.

4. Профессиональные навыки и умения должен проверять только компетентный специалист. Как правило, специалист hr-отдела (психолог) не имеет опыта продаж и не владеет глубокими знаниями по предлагаемому продукту/услуге. К этой проверке должен быть подключен специалист отдела продаж/руководитель отдела.

Как правильно подобрать методики для проведения комплексной психодиагностики менеджера по продажам?

1. Начинать следует с анкеты, которую должен заполнить инициатор процесса (руководитель отдела продаж или собственник компании). В этой анкете необходимо указать 6-10 основных качеств и свойств, которые необходимы (по их мнению) менеджеру по продажам.

2. Далее после того, как собственник/руководитель отдела и другие заинтересованные лица определяются, что для них наиболее важно в менеджере по продажам, предлагается выбрать основные 6-10 свойств и качеств.

3. Специалист отдела кадров (психолог) после этого подбирает психодиагностические методики под данный запрос. При этом психолог должен осознавать границы собственной компетентности и не брать для психодиагностики те методики, которые он не сможет грамотно интерпретировать.

4. Если для диагностики определенных качеств или свойств менеджера по продажам не удается подобрать подходящий психодиагностический инструментарий, предлагается подобрать дополнительный инструментарий в виде деловой игры, арт-терапевтической методики и т.д. чтобы провести диагностику данного свойства или качества [\[4\]](#).

Исследование проводилось в частной компании, численностью 350 человек. Данные были систематизированы и далее приведены те методики и качества, которые руководство компании посчитало наиболее важными для менеджеров по продажам. Психологом был подобран психодиагностический инструментарий. Сводные данные представлены в таблице 1.

Таблица 1

Сводные данные наиболее важных для компании свойств и качеств соискателя и предлагаемый способ диагностики

	Свойство / качество	Предлагаемый
--	----------------------------	---------------------

№	потенциального менеджера по продажам	инструментарий для диагностики	Комментарии
1	Хорошее знание продукта и услуги компании	Деловая игра/решение кейса	Более подробная информация приведена после таблицы
2	Хорошо сформированные навыки межличностного общения	Тест-опросник коммуникативных умений Михельсона в адаптации Гильбуха	В опроснике есть правильные и неправильные реакции с пассивным и агрессивным содержанием
3	Эмпатия/умение сочувствовать	Диагностика эмпатических способностей В.В.Бойко.	
4	Мотивация	Провести ранжирование ценностей	10 ценностей на выбор, соискатель их раскладывает в порядке убывания
	Мотивация достижений	Resultant Achievement Motivation Test – RAM) А.Мехрабиана.	Пункты опросника построены в форме сравнительных утверждений, поэтому выявляют результирующую тенденцию мотивации достижения, образуемую как разницу в проявлениях мотивов стремления к успеху и избегания неудач
5	Лидерские качества	Тест Немова «способны ли вы быть лидером?»	Испытуемый может давать социально желаемые ответы на эту методику
6	Честность	Проверка на полиграфе	При наличии полиграфолога в компании
	Честность	Калифорнийский психологический опросник (CPI)	Шкала Re (ответственность) определяет лиц с надёжным, честным (совестливым), ответственным характером и темпераментом.
		Звонки и письма по	из анализа активности

7	<i>Настойчивость</i>	электронной почте, другие виды взаимодействия	соискателя становится понятно, насколько он заинтересован в получении данной должности.
8	<i>Представительность и опрятный внешний вид</i>	Очное собеседование	На очном собеседовании проводится оценка внешнего вида соискателя
9	<i>Грамотная устная и письменная речь</i>	Очное собеседование + сделать кейс на проверку	
10	<i>Использование инноваций в своей работе</i>	Очное собеседование + сделать кейс на проверку	С привлечением технического специалиста
11	<i>Многозадачность</i>	Решение двух кейсов одновременно, смотрим способность переключаться	
	<i>Многозадачность</i>	Методика ОФДСИ Руслова	Показатель «пластичность» позволяет оценить возможность к переключению и многозадачности

Рассмотрим более подробно пункт 1 Таблицы 1: деловая игра или решение кейса при подборе менеджера по продажам. Деловая игра проводится, как правило, в очном формате. В процессе игры оцениваются профессиональные навыки ведения переговоров и умение продавать, анализируются итоги и соискателю дается обратная связь. Например, дается задание продать продукт компании двумя способами: по телефону и на личной встрече.

Еще можно посмотреть ряд других особенностей и качеств сотрудника, которые будут оказывать воздействие на рабочий процесс прямым или косвенным путем. Например, проблемные взаимоотношения в семье испытуемого помогут спрогнозировать возможность командной работы, уровня конфликтности испытуемого [\[5\]](#) и смогут дать вероятностную оценку тому, насколько проблемы в семье будут отвлекать испытуемого от важных рабочих задач [\[6\]](#). Сводные данные представлены в Таблице 2.

Таблица 2

Сводные данные дополнительных свойств и качеств соискателя и предлагаемый способ диагностики

№	Свойство/качество потенциального менеджера по	Методика для оценки
----------	--	----------------------------

продажам		
1	Отношения к подчиненным	Методика незаконченных предложений Сакса-Леви
2	Отношение к сотрудникам	Методика незаконченных предложений Сакса-Леви
3	Отношение к вышестоящим лицам	Методика незаконченных предложений Сакса-Леви
4	Страхи и опасения	Методика незаконченных предложений Сакса-Леви
5	Нереализованные возможности	Методика незаконченных предложений Сакса-Леви
6	Отношение к себе	Методика незаконченных предложений Сакса-Леви
7	Чувство вины	Методика незаконченных предложений Сакса-Леви
8	Способы разрешения конфликтных ситуаций (тип реакции на фрустрацию)	Методика рисуночной фрустрации Розенцвейга
9	Способы разрешения конфликтных ситуаций (направление реакции на фрустрацию)	Методика рисуночной фрустрации Розенцвейга
10	Показатель временной перспективы будущего умения планировать свою жизнь	Метод мотивационной индукции Нюттена (MIM)
11	Агрессивность	Проективная графическая методика «Рисунок несуществующего животного»
12	Самооценка	Проективная графическая методика «Рисунок несуществующего животного»
13	Трудности в общении	Проективная графическая методика «Дом-дерево-человек»
14	Способ реагирования и решения проблем в ситуации внезапно возникающих сложностей	Методика «Не дай человеку упасть»
15	Стратегия, которой обычно придерживается субъект в ситуации выбора и принятия решения	Методика «Человек, срывающий яблоко с дерева», Методика «Не дай человеку упасть»

Выводы. В данной статье была рассмотрена практика применения различного психодиагностического инструментария для комплексной диагностики менеджера по продажам. Исследование проводилось в частной компании, численностью 350 человек.

Данные были систематизированы автором статьи в Таблицу 1 и 2. Основными выводами проведенного исследования являются: был составлен перечень сложностей при проведении психодиагностики соискателя на должность менеджера по продажам; приведена пошаговая инструкция, как правильно классифицировать основные качества и свойства менеджера по продажам с учетом специфики работы компании, запроса со стороны собственника или управляющего компании и с учетом знаний и умений психолога, который занимается психодиагностикой в данной компании. Особым вкладом автора в исследование темы является систематизация наиболее востребованных качеств и свойств менеджера по продажам и предложение психодиагностического и другого практического инструментария для проведения диагностики.

Данная статья расширяет базу знаний по применению различного диагностического инструментария для комплексной диагностики менеджеров по продажам и проективных методик для целей диагностики работников, помогает выявить личностные особенности сотрудников частного и государственного сектора.

Библиография

1. Акимова М.К. Психодиагностика. Теория и практика: учебник для вузов – 4-е изд., перераб. и доп. – Москва: Издательство Юрайт, 2024. – 609 с.
2. Пирожкова Н.И. Применение проективной методики Рисунок несуществующего животного: практика и теория // International Journal of Medicine and Psychology «Международный журнал медицины и психологии» – 2023. – Том 6. – № 4 – С. 224-230.
3. Кузьмина С.И. Проективные методики и особенности применения рисуночного метода диагностики // Международный научный журнал «Символ науки» – 2016. – №3 – С. 159-161.
4. Толочек, В. А. Технологии профессионального отбора: учебное пособие для вузов. – 2-е изд., испр. и доп. – Москва: Издательство Юрайт, 2023. – 253 с.
5. Пирожкова Н.И. Взаимосвязь способов разрешения конфликтных ситуаций преподавателей и социально-психологического климата в коллективе // Проблемы современного педагогического образования РИО ГПА – 2022. – Вып. 75. Ч. 4. – С. 382-386.
6. Пирожкова Н.И. Исследование реакций на фruстрацию и способов выхода из конфликтных ситуаций у сотрудников отдела работы с персоналом и службы психологического сопровождения // Психолог – 2023. – №2 – С. 92-102.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

На рецензирование представлена работа «Проведение комплексной психодиагностики претендентов на должность менеджера по продажам».

Предмет исследования. Автором особое внимание уделено определению психодиагностических методик, которые можно применить для диагностики менеджера по продажам, в том числе проективные методики.

Методологией исследования являются работы, которые рассматривают методику психодиагностического исследования, а также работы, которые затрагивают проблемы отбора персонала организации, в том числе, менеджера по продажам.

Актуальность исследования. Автором отмечается, что в последние годы возрастает потребность в первичной психодиагностике потенциальных работников, поскольку

успешный и тщательный отбор персонала на начальном этапе делает процесс работы с человеческим капиталом организации более эффективным и уменьшает количество задач для сотрудников отдела по работе с персоналом. Особенно актуальным в настоящее время становится запрос на подбор грамотного и эффективного менеджера по продажам.

Научная новизна исследования заключается в том, была расширена база знаний по применению различного диагностического инструментария для комплексной диагностики менеджеров по продажам и проективных методик для целей диагностики работников, помогая выявлять личностные особенности сотрудников частного и государственного сектора.

Стиль, структура, содержание. Стиль изложения соответствует публикациям такого уровня. Язык работы научный. Структура работы прослеживается четко. Автором выделены основные смысловые части.

Во введении обозначена проблема исследования и ее актуальность. Автором отмечено, что ключевым фактором успешности компаний, которые работают на российском рынке, является человеческий капитал. Особенno важным становится деятельность психолога в крупных организациях, которые обеспечивают тщательный отбор персонала на начальном этапе, а также его дальнейшее сопровождение. Одним из наиболее важных вопросов становится обеспечение грамотного подбора менеджера по продажам. Важным является определение эффективного комплекса психодиагностических методик для решения значительного ряда задач.

Второй раздел посвящен описанию и обсуждению результатов. Автором определены особенности проведения диагностического исследования с потенциальным кандидатом-соискателем, выделен комплекс сложностей при проведении психодиагностической работы, подобраны методики для проведения комплексной психодиагностики менеджера по продажам, представлены в сводном формате наиболее важные и дополнительные для компании свойства и качества соискателя с предлагаемым способом диагностики.

В заключении подведены основные итоги проведенного исследования, а также выделена научная новизна. Автором отмечается, что в работе была рассмотрена практика применения различного психодиагностического инструментария для комплексной диагностики менеджера по продажам. Проведенный эксперимент:

- позволил систематизировать результаты;
- составить перечень сложностей при проведении психодиагностики соискателя на должность менеджера по продажам;
- привести пошаговую инструкцию, как правильно классифицировать основные качества и свойства менеджера по продажам с учетом специфики работы компании, запроса со стороны собственника или управляющего компании и с учетом знаний и умений психолога, который занимается психодиагностикой в данной компании;
- систематизировать наиболее востребованные качества и свойства менеджера по продажам;
- предложить психодиагностический и другой практический инструментарий для проведения диагностики.

Библиография. Библиография статьи включает в себя 6 отечественных источников, большая часть которых издана за последние три года. В списке представлены, в основном, статьи и тезисы. Помимо этого, имеются также методические и учебные пособия. Источники оформлены корректно и однородно.

Апелляция к оппонентам.

Рекомендации:

- добавить в статью раздел, который содержит теоретический обзор рассматриваемой проблемы, расширить библиографический список;

- более подробно представить и описать полученные результаты.

Выводы. Проблематика статьи отличается несомненной актуальностью, теоретической и практической ценностью; будет интересна специалистам, которые занимаются проблемами комплексной психодиагностики. Статья может быть рекомендована к опубликованию, важно учесть выделенные рекомендации. Это позволить представить в редакцию научно-исследовательскую статью, отличающуюся научной новизной и значимостью.

Психолог*Правильная ссылка на статью:*

Кузьмина А.С., Кривошёй К.О., Голованова Л.В. Предикторы родительского выгорания женщин, воспитывающих детей с расстройствами аутистического спектра // Психолог. 2024. № 2. DOI: 10.25136/2409-8701.2024.2.43408 EDN: YZSQPI URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=43408

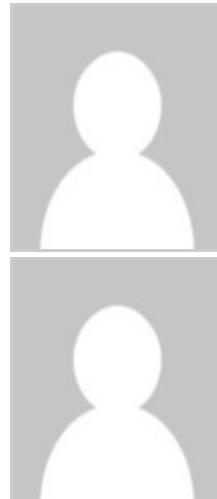
Предикторы родительского выгорания женщин, воспитывающих детей с расстройствами аутистического спектра**Кузьмина Анна Сергеевна**

кандидат психологических наук

доцент кафедры клинической психологии Алтайский государственный университет

656049, Россия, Алтайский край, г. Барнаул, ул. Ленина, 61, оф. 302

✉ annakuz87@yandex.ru

Кривошёй Кристина Олеговна

аспирант, кафедра клинической психологии, Алтайский государственный университет

656000, Россия, Алтайский край, г. Барнаул, ул. Ленина, 61, оф. 302

✉ 03fomina@mail.ru

Голованова Лариса Валерьевна

старший преподаватель, кафедра клинической психологии, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Алтайский государственный университет»

656000, Россия, Алтайский край, г. Барнаул, ул. Ленина, 61, оф. 302

✉ botanik126@mail.ru

[Статья из рубрики "Клиническая психология"](#)**DOI:**

10.25136/2409-8701.2024.2.43408

EDN:

YZSQPI

Дата направления статьи в редакцию:

22-06-2023

Аннотация. актуальность исследования обуславливается изучением предикторов родительского выгорания женщин, воспитывающих детей с расстройствами аутистического спектра, что дает возможность прогнозировать проблемы, с которыми могут столкнуться матери, воспитывающие ребенка с аутистическим спектром и предотвратить начало симптомов. Предмет исследования – родительское выгорание женщин, воспитывающих детей с расстройствами аутистического спектра. Целью исследования стало выявление предикторов родительского выгорания женщин, воспитывающих детей с расстройствами аутистического спектра. Материнство значительно меняет жизнь женщины и бывает, что женщина не справляется с новыми реалиями жизни. Появление ребенка с расстройством аутистического спектра – это особая ситуация развития. Матери испытывают множество трудностей в бытовом, социальном, медицинском и, особенно, психологическом плане, которые существенно отличаются от трудностей семей, воспитывающих ребенка группы нормы. Основные выводы исследования представлены в положениях. Удовлетворенность супружескими отношениями выступает важным параметром, оказывающим влияние на развитие симптомов родительского выгорания женщин, воспитывающих детей с расстройствами аутистического спектра. Предположим, что высокая удовлетворенность и стабильность отношений с супругом выступает фактором, повышающим резистентность к развитию симптомов родительского выгорания. Родительское выгорание женщин, воспитывающих детей с расстройствами аутистического спектра, взаимосвязано с особенностями эмоциональных отношений с ребенком. Так предикторами симптомов родительского выгорания выступают чувства, возникающие у матери во взаимоотношениях с ребенком, принятие поведения ребенка, наличие телесного контакта.

Ключевые слова:

семья, выгорание, родительское выгорание, аутизм, нарушения, эмоциональное истощение, супружеские отношения, удовлетворенность браком, привязанность, тревожность

Исследование выполнено в рамках реализации Программы развития университета на 2021-2030 годы в рамках реализации программы стратегического академического лидерства «Приоритет 203» проект «Психологической здоровье женщин, воспитывающих ребёнка с нарушениями развития».

Распространённость детей с расстройствами аутистического спектра среди населения стремительно увеличивается. По данным по данным Росстата России за 2021 год, численность детского населения составляет более 30 миллионов, из них более 300 тысяч детей имеют диагноз «РАС». Статистика распространённости расстройств аутистического спектра среди детского населения в России и в мире говорит о том, что это заболевание представляет настоящую катастрофу XXI века.

Следовательно, все более многочисленной становится особая категория семей – семьи, которые воспитывают ребенка с расстройствами аутистического спектра, психологическая специфика которых определяется переживанием длительного стресса, связанного со сложным и трудно корригируемым диагнозом. Большинство семей, где растут дети с расстройствами аутистического спектра сталкиваются с тем, что родители не имеют четкого плана действий после постановки диагноза, остаются один на один со своими тревогами, вопросами и с абсолютным непониманием дальнейших действий. Это приводит к развитию симптомов родительского выгорания и эмоционального истощения

особенно у матерей таких детей [\[1, 2, 3, 4, 5\]](#).

Однако, данная проблема в настоящее разработана недостаточно, в частности, отмечается дефицит данных, способствующих системному пониманию особенностей психологического сопровождения женщин, воспитывающих детей с расстройствами аутистического спектра.

Недостаточно исследований, направленных на изучение роли семьи, родителей, родственников в развитии детей с расстройствами аутистического спектра делает данную проблему чрезмерно актуальной.

Феномен выгорания, как самостоятельная единица изучения стала рассматриваться в российской науке с 1990-х гг. Данным вопросом занимались такие ученые, как Н.Е. Водопьянова, В.В. Бойко, Е.С. Старченкова, М.В. Борисова [\[6\]](#).

Н.Е. Водопьянова и Е.С. Старченкова определяют выгорание, как комплексное понятие, включающее в себя различные негативные психологические переживания и дезадаптивное поведение, вызванное длительными стрессами. В.В. Бойко под выгоранием подразумевает вариант психологической защиты личности, проявляющейся в частичной или абсолютном отказе от проявления эмоциональных реакций в травматических условиях [\[6\]](#).

Существует ряд концепций, рассматривающих структуру выгорания.

Двухфакторная модель, которую представили D. V. Dierendonck и W.B. Schaufeli, определяет выгорание как конструкт, состоящий из двух измерений: эмоционального истощения и деперсонализации. Эмоциональный компонент выгорания проявляется в форме нервного напряжения, ухудшения физического здоровья. Второй компонент выгорания - установочный, отражающийся на изменении отношения к себе [\[6\]](#).

Согласно концепции, предложенной К. Маслач, феномен выгорания включает в себя: эмоциональное истощение, деперсонализацию и редукцию профессиональных достижений. Эмоциональное истощение понимается, как снижение эмоционального фона, упадок сил, энергии. Деперсонализация - это защитная реакция, подразумевающая чрезмерно отстраненное общение. Под редукцией имеется в виду, снижение продуктивности и чувства собственной компетентности. Данный феномен проявляется через нервное, физическое и эмоциональное истощение [\[6\]](#).

На основе данных об феномене выгорания стал активно изучаться феномен родительского выгорания. Целый ряд российских исследователей осветили этот феномен в своих работах: Л.А. Базалева, И. Н. Ефимова, Н. Н. Королева, Т.Ю. Фадеева [\[7,8\]](#).

Л. А. Базалева рассматривает родительское выгорание на основе теории стресса Г. Селье. Переживание эмоционального выгорания, происходит постепенно и проходит через несколько этапов. На начальном этапе преобладают когнитивные симптомы – беспокойство, тревога и уменьшение мотивации. Вторая фаза резистенции, когда появляется аффективный компонент и включается экономия эмоций. И последний этап – это истощение, проявляющееся психосоматическими симптомами [\[7\]](#).

И.Н. Ефимова определяет синдром родительского выгорания, как несколько аспектов, представляющий собой сложный комплекс отрицательных психологических состояний и неприспособительных поведенческих реакций родителей, возникающих в процессе

воспитания, общения с ребенком [\[9\]](#).

Многие исследователи подчеркивают значение влияния стрессов на развитие феномена родительского выгорания. Домашние обязанности, выполнение домашних заданий, дополнительные кружки, острые стрессоры (травма ребенка), хронические стрессоры (хронические заболевания), имеют негативное влияние на эмоциональное благополучие родителей, ухудшение детско-родительских отношений, и развитие самого ребенка [\[10\]](#), [\[11, 12, 13, 14\]](#).

Неопределенность перспектив ребенка, динамики его развития, неуспешность в реализации родительских установок провоцирует тревожность у родителей, которая занимает главенствующую характеристику семейной ситуации в воспитании детей с расстройствами аутистического спектра (Н.О. Керре, Л.Л. Микаэлян, О.С. Никольская, У.А. Мамохина,). В таких семьях уровень стресса и напряженности выше, чем в семьях, которые воспитывают детей с другими т нарушениями развития (Н.О. Керре).

Семьи, воспитывающие детей с расстройствами аутистического спектра, часто испытывают низкую самоэффективность, неуверенность в правильности воспитывания ребенка. Из-за этого возникает чувство вины, беспомощность, депрессивные симптомы [\[15, 16, 17\]](#).

Матери, воспитывающие детей с расстройствами аутистического спектра, испытывают сильные ограничения свободного времени из-за сверхзависимости своих детей. Так же возникают специфические трудности в общении, связанные с особенностями поведения и когнитивных функций детей со спектром аутизма. Родителям таких детей необходимо подбирать индивидуальный подход воспитания и взаимодействия с детьми, чтобы помочь им справиться с этими трудностями. Из-за подобных особенностей, у матерей может возникать чувство вины, связанное с возможным нарушением поведения своих детей и считать себя ответственными за их трудности [\[18, 19, 20, 21, 22\]](#).

Целью исследования стало выявление предикторов родительского выгорания женщин, воспитывающих детей с расстройствами аутистического спектра.

Предмет исследования — родительское выгорание женщин, воспитывающих детей с расстройствами аутистического спектра.

Научная новизна исследования. Выявлены симптомы родительского выгорания женщин, воспитывающих детей с расстройствами аутистического спектра, определены. Теоретически обосновано и эмпирически доказано, что родительское выгорание женщин, воспитывающих детей с расстройствами аутистического спектра, взаимосвязано с особенностью эмоциональных отношений с ребенком и супругом.

Методология исследования: теории родительского выгорания у родителей, воспитывающих детей с расстройствами аутистического спектра (В. В. Бойко, Л. А. Базалева, О.С. Никольская); положение об общих и специфических закономерностях развития детей с различными видами дизонтогенеза (Л.С. Выготский, В.В. Лебединский, В.И. Лубовский); подходы к изучению особенностей детско-родительских отношений (А. Я. Варга, Р.В. Овчарова, В. В. Столин, А.С. Спиваковская и др.).

Гипотеза исследования: Вероятно, симптомы родительского выгорания у женщин, воспитывающих детей с расстройствами аутистического спектра, взаимосвязаны с эмоциональным отношением к ребенку и особенностями взаимоотношений с супругом.

Эмпирическое исследование проводилось на базе КГБУ «Алтайский краевой центр психолого-педагогической и медико-социальной помощи». В исследовании на добровольной основе приняли участие 54 матери, воспитывающие детей с расстройствами аутистического спектра. Возраст опрашиваемых от 32 до 43 лет, средний возраст 38,6 лет, из них замужем – 40 человек, разведены – 15, 25 женщин имеют средне-профессиональное образование, 29 женщин – высшее образование.

Методы и методики исследования:

Опросник «Родительское выгорание» И. Н. Ефимовой, использовался для изучения уровня родительского выгорания и его симптомов: эмоционального истощения, деперсонализации, редукции родительских достижений. «Опросник детско-родительского эмоционального взаимодействия» Е.И. Захаровой (методика ОДРЭВ), использовался для изучения эмоционального взаимодействия матери и ребенка, включая в себя три блока: блок чувствительности, блок эмоционального принятия, блок поведенческих проявлений эмоционального взаимодействия. Методы математико-статистической обработки данных: U-критерий Манна-Уитни, регрессионный анализ с использованием статистического пакета «SPSS Statistics 23.0».

Результаты исследования

Для выявления различий показателях родительского выгорания у женщин, воспитывающих детей с расстройствами аутистического спектра, с разным семейным положением и удовлетворенностью отношениями с супругом применен U-критерий Манна-Уитни (см. таблица 1, 2).

Таблица 1

Результаты U-критерия Манна-Уитни для выявления различий в показателях родительского выгорания у женщин с различным семейным положением

Семейное положение		N	Средний ранг	Сумма рангов	U Манна-Уитни	Z	p
Эмоциональное истощение	замужем	40	22,61	904,50	84,500	-3,862	,010
	разведена	14	41,46	580,50			
	Всего	54					
Деперсонализация	замужем	40	22,84	913,50	93,500	-3,698	,010
	разведена	14	40,82	571,50			
	Всего	54					
Редукция родительских достижений	замужем	40	31,81	1272,50	107,500	-3,412	,010
	разведена	14	15,18	212,50			
	Всего	54					

Получены достоверные различия по показателю эмоциональное истощение, деперсонализация и редукция родительских достижений в двух группах испытуемых. Женщины, воспитывающие детей с расстройствами аутистического спектра, и находящиеся в разводе, имеют достоверно более высокий уровень эмоционального истощения ($Z=3,862$; $p=0,01$), деперсонализации ($Z=3,698$; $p=0,01$). Для них характерна редукция родительских достижений ($Z=3,412$; $p=0,01$).

В представленной респондентам анкете был вопрос, касающийся удовлетворенности женщин отношениями с супругом. По данному параметру было выделено две группы: женщины, удовлетворенные и неудовлетворенные отношениями с супругом. В таблице 2 представлен анализ различий в двух группах по показателям родительского выгорания.

Таблица 2

Результаты U-критерия Манна-Уитни для выявления различий в показателях родительского выгорания у женщин с различной удовлетворенностью отношениями с супругом

Удовлетворенность отношениями с супругом		N	Средний ранг	Сумма рангов	U Манна-Уитни	Z	p
Эмоциональное истощение	удовлетворены	33	22,45	741,00	180,000	-2,957	0,003
	не удовлетворены	21	35,43	744,00			
	Всего	54					
Деперсонализация	удовлетворены	33	22,44	740,50	179,500	-2,976	0,003
	не удовлетворены	21	35,45	744,50			
	Всего	54					
Редукция родительских достижений	удовлетворены	33	32,30	1066,00	188,000	-2,818	0,005
	не удовлетворены	21	19,95	419,00			
	Всего	54					

Выявлены достоверные различия по показателям родительского выгорания в группах женщин, отличающихся удовлетворенностью и неудовлетворенностью отношениями с супругом. Так достоверные различия получены по параметру эмоциональное истощение ($Z=2,95$; $p=0,003$), деперсонализация ($Z=2,97$; $p=0,003$), редукция родительских достижений деперсонализация ($Z=2,81$; $p=0,005$).

Для женщин, воспитывающих детей с расстройствами аутистического спектра, и неудовлетворенных супружескими отношениями характерен более высокий уровень эмоционального истощения, который проявляется в ощущениях эмоционального перенапряжения, утрате интереса к собственным детям и к окружающему в целом, в равнодушии или эмоциональном перенасыщении, в чувстве опустошенности, исчерпанности собственных эмоциональных ресурсов.

Для женщин, воспитывающих детей с расстройствами аутистического спектра, и неудовлетворенных супружескими отношениями, характерен более высокий уровень деперсонализации. Контакты у родителя с детьми могут носить обезличенный, формальный характер. Забота о детях начинает носить формальный характер – одеть, накормить. При деперсонализации у родителей могут возникать негативные и не всегда объективные установки по отношению к собственным детям, они могут проявляться во внутреннем сдерживаемом раздражении, которое со временем вырывается наружу в виде вспышек раздражения или конфликтных ситуаций.

Редукция родительских достижений проявляется как снижение чувства компетентности в выполнении своей родительской роли («я плохая мать», «я недостаточно стараюсь»),

недовольство собой (и детьми как «результатами» родительской успешности, уменьшение ценности своей деятельности («домохозяйка – это смешно, никто не ценит заботу о детях»), негативное самовосприятие выполнения своих родительских обязанностей.

Таким образом, удовлетворенность супружескими отношениями выступает важным параметром, оказываяющим влияние на показатели родительского выгорания женщин, воспитывающих детей с расстройствами аутистического спектра. Высокая удовлетворенность и стабильность отношений с супругом выступает фактором, повышающим резистентность к развитию симптомов родительского выгорания.

Применен линейный регрессионный анализ, в который в качестве независимых переменных были включены шкалы опросника детско-родительского эмоционального взаимодействия» (ОДРЭВ), а в качестве зависимых переменных включены параметры родительского выгорания. В результате получены три достоверные регрессионные модели родительского выгорания женщин, воспитывающих детей с расстройствами аутистического спектра (см. таблица 3, 4, 5).

Таблица 3.

Предикторы эмоционального истощения (n=54)

Предикторы	В	Бета	р
Чувства, возникающие у матери во взаимодействии с ребенком	1,483	0,289	0,05
Безусловное принятие	-1,928	-0,57	0,03
Стремление к телесному контакту	-1,673	-0,288	0,05
Показатели модели: R ² =0,507; R ² adj=0,312; F=2,606; p=0,009			

Как видно из таблицы 3 предиктором эмоционального истощения женщин, воспитывающих детей с расстройствами аутистического спектра, являются такие характеристики эмоционального отношения с ребенком, как «Чувства, возникающие у матери во взаимодействии с ребенком», а антипредикторами – «Безусловное принятие», «Стремление к телесному контакту».

Таблица 4.

Предикторы деперсонализации (n=54)

Предикторы	В	Бета	р
Чувства, возникающие у матери во взаимодействии с ребенком	0,727	0,384	0,01
Оказание эмоциональной поддержки	-0,857	-0,362	0,01
Показатели модели: R ² =0,55; R ² adj=0,373; F=3,53; p=0,01			

Таблица 4 показывает, что предиктором редукции родительских достижений женщин, воспитывающих детей с расстройствами аутистического спектра, является такая характеристика эмоционального отношения с ребенком, как, «Отсутствие эмоциональной поддержки» а антипредикторами – «Безусловное принятие». «Чувства, возникающие у матери во взаимодействии с ребенком».

Таблица 5.

Предикторы редукции родительских достижений (n=54)

Предикторы	B	Бета	p
Чувства, возникающие у матери во взаимодействии с ребенком	-1,272	-0,378	0,01
Безусловное принятие	-0,829	-0,374	0,38
Оказание эмоциональной поддержки	1,13	0,27	0,05
Показатели модели: R ² =0,55; R ² adj=0,373; F=3,98; p=0,003			

Поскольку шкала редукции родительских достижений имеет обратные значения будем описывать результаты учитывая этот факт.

Как видно из таблицы 5 предиктором редукции родительских достижений женщин, воспитывающих детей с расстройствами аутистического спектра, является такая характеристика эмоционального отношения с ребенком, как, «Отсутствие эмоциональной поддержки» а антипредикторами — «Безусловное принятие», «Чувства, возникающие у матери во взаимодействии с ребенком»

Таким образом, эмоциональное истощение, деперсонализация, редукция родительских достижений у женщин, воспитывающих детей с расстройствами аутистического спектра, связаны с непринятием ребенка, желанием его изменить, чувством стыда за ребенка. Женщины часто устают от общения со своим ребенком и поведение ребенка часто требует от них больших эмоциональных затрат. Кроме того, из-за особенностей заболевания ребенка часто матери не понимают, любит ли их ребенок или нет. Недостатком является и ограничения телесного контакта с ребенком неумение дать ребенку эмоциональную поддержку.

В исследовании получены три регрессионные модели для симптомов родительского выгорания: эмоционального истощения, деперсонализации, редукции родительских достижений. Предикторами эмоционального истощения являются: а) негативные чувства, возникающие при взаимодействии с ребенком; б) непринятие ребенка; и в) ограниченность телесного контакта. Предикторами деперсонализации являются: а) негативные чувства, возникающие при взаимодействии с ребенком; б) отсутствие эмоциональной поддержки. Предикторами редукции родительских достижений являются: а) негативные чувства, возникающие при взаимодействии с ребенком; б) отсутствие эмоциональной поддержки, в) непринятие ребенка.

В работе сделаны следующие выводы:

1 . Удовлетворенность супружескими отношениями выступает важным параметром, оказывающим влияние на развитие симптомов родительского выгорания женщин, воспитывающих детей с расстройствами аутистического спектра. Предположим, что высокая удовлетворенность и стабильность отношений с супругом выступает фактором, повышающим резистентность к развитию симптомов родительского выгорания.

2 . Родительское выгорание женщин, воспитывающих детей с расстройствами аутистического спектра, взаимосвязано с особенностями эмоциональных отношений с ребенком. Так предикторами симптомов родительского выгорания выступают чувства, возникающие у матери во взаимоотношениях с ребенком, принятие поведения ребенка, наличие телесного контакта.

Данные, полученные в исследования, указывают на необходимость психологического

сопровождения женщин, воспитывающих ребенка с расстройствами аутистического спектра, и могут использоваться в качестве основы в разработке алгоритма психологического консультирования.

Результаты данного исследования могут быть полезны медицинским психологам и педагогам-психологам образовательных учреждений при организации психолого-педагогического сопровождения семей, воспитывающих детей с расстройствами аутистического спектра.

Библиография

1. Киселёва О.В. Роль семейных факторов в развитии детей с нервно-психическими расстройствами и расстройствами аутистического спектра // Вопросы психического здоровья детей и подростков. 2020. Т. 20. № 1. С. 100–111.
2. Богачева О.И., Иванов М.В. Особенности материнского отношения к болезни детей с расстройствами аутистического спектра // Вопросы психического здоровья детей и подростков. 2019. № 3 (19). С. 21–28.
3. Власова Д. Е., Козлова Н. В. Факторы, способствующие сохранению социально-психологического здоровья родителей, воспитывающих детей с особенностями развития // Вопросы психического здоровья детей и подростков. 2019. Т. 19, № 1. С. 20–27.
4. Краснощекова И.В., Ковшова О.С. Психологические характеристики личности матери, воспитывающей ребенка с психическим дизонтогенезом // Неврологический вестник. 2019. Т. LI (3). С. 36–42.
5. Ткаченко Н. С., Бабаева А. А. Стиль семейного воспитания родителей, воспитывающих детей с РАС в зависимости от типа эмоционального реагирования родителей на болезненное состояние ребенка // Научно-практический журнал «Заметки Ученого». 2022. № 1. С. 188–194.
6. Водопьянова Н. Е., Старченкова Е.С. Синдром выгорания. Диагностика и профилактика: практическое пособие. 3-е изд., испр. и доп. Москва: Издательство Юрайт, 2023. 299 с.
7. Базалева Л.А. Возможности исследования эмоционального выгорания у матерей в психологии личности // Вестник Адыгейского государственного университета. 2010. № 1. С. 168–176.
8. Фадеева Т. Ю. Психологические факторы родительского выгорания отцов и матерей // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Акмеология образования. Психология развития. 2021. Т. 10. Вып. 4 (40). С. 334–343. <https://doi.org/10.18500/2304-9790-2021-10-4-334-343>
9. Ефимова И.Е. Результаты исследования чувства вины у родителей детей с ограниченными возможностями здоровья // Современные научные исследования и разработки. 2018. № 6 (23). С. 254–257.
10. Шумская Н. А. Куликова Е. Г. Защитные механизмы матерей, воспитывающих детей с тяжелыми множественными нарушениями развития // Дефектология. 2021. № 1. С. 58–66.
11. Findling Y., Barnoy S., Itzhaki M. Burden of treatment, emotion work and parental burnout of mothers to children with or without special needs: A pilot study. *Curr Psychol.* 2022. <https://doi.org/10.1007/s12144-022-03074-2>
12. Баландова С.М. Исследование родительского выгорания в зарубежной науке и практике // Социальная работа в современном мире: тенденции и перспективы развития: сб. матер. III Международной научно-практич. конф. отв. ред. Н.М. Комарова, Т.Ф. Суслова. М.: МГОУ, 2020. С. 13-23.
13. Kinga Kaleta, Błońska Sylwia. Marital burnout in mothers of children with autism spectrum disorder: the role of marital communication and sociodemographic factors.

- Kwartalnik Naukowy Fides et Ratio. 2021. Tom 47 Nr 3. 442-461
<https://doi.org/10.34766/fetr.v47i3.833>
14. Конева И.А., Краснова Е.Н. Особенности детско-родительских отношений в семьях, воспитывающих детей с расстройствами аутистического спектра, и их коррекция // Проблемы современного педагогического образования. 2019. № 63-4. С. 113–116.
15. Одинцова М.А., Лубовский Д.В., Гусарова Е.С., Иванова П.А. Жизнестойкость, самоактивация и копинг-стратегии матерей в условиях инвалидности ребенка как вызова // Консультативная психология и психотерапия. 2023. Том 31. № 1. С. 79–106.
16. Первушина О.Н., Киселева О.В., Мурашова Т.А., Дорошева Е.А., Эмоциональное состояние родителей детей с расстройствами аутистического спектра (PAC) // Вопросы психического здоровья детей и подростков: Научно-практический рецензируемый журнал психиатрии, психологии, психотерапии и смежных дисциплин. 2021 (21). № 1. С. 14–23.
17. Leonardi E., Cerasa A., Servidio R., Costabile A., Famà F.I., Carrozza C., Spadaro L., Scifo R., Baieli S., Aiello S. et al. The Route of Stress in Parents of Young Children with and without Autism: A Path-Analysis Study. Int. J. Environ. Res. Public Health. 2021. 18. 10887.
18. Брагина Е.А., Белозерова Л.А., Прокофьева М.В. Отношение к ребенку и семейной роли матерей детей с расстройствами аутистического спектра и детей с нарушениями речи // Вектор науки ТГУ. Серия: Педагогика, психология. 2021. № 2. С. 39–45.
19. Пустовая А.В., Пустовая Е.Н., Гуткевич Е.В. Взаимосвязи ведущих установок отношения родителей к болезни, поведенческим особенностям и социальным навыкам детей с аутизмом // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2021. Т. 10. № 2А. С. 83–94.
20. Mikolajczak M., Roskam I. A. Theoretical and Clinical Framework for Parental Burnout: The Balance Between Risks and Resources (BR2). Front Psychol. 2018 Jun 12;9:886. doi: 10.3389/fpsyg.2018.00886. PMID: 29946278; PMCID: PMC6006266.
21. Sadziak A., Wilinski W., Wieczorek M. Parental burnout as a health determinant in mothers raising disabled children. Balt J Health Phys Act. 2019.11(3). 77–89.
22. Sekułowicz M., Kwiatkowski P., Manor-Binyamini I. Boron'-Krupin'ska K., Cies'lik B. The Effect of Personality, Disability, and Family Functioning on Burnout among Mothers of Children with Autism: A Path Analysis. Int. J. Environ. Res. Public Health 2022. 19. 1187.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензия на статью «Предикторы родительского выгорания женщин, воспитывающих детей с расстройствами аутистического спектра»

Предмет исследования заявлен автором статьи напрямую - родительское выгорание женщин, воспитывающих детей с расстройствами аутистического спектра.

Название статьи четко отражает суть работы.

Методология исследования построена на традиционных методах психологического исследования. В первой части применены методы анализа, систематизации и обобщения литературных данных, используется обзор 22 литературных источников.

Эмпирическая часть исследования представлена исследованием выборки 54 матерей. Они все воспитывают детей с расстройствами аутистического спектра. Выборка отобрана по критериям возраста (от 32 до 43 лет, средний возраст 38,6 лет). Из все выборки замужем – 40 человек, разведены – 15. Также выборка проработана по уровню

образования - 25 женщин имеют средне-профессиональное образование, 29 женщин - высшее образование.

Описание группы по данным критериям детально представлено в статье.

В исследовании используются различные методы:

1. Опросник «Родительское выгорание» И. Н. Ефимовой для диагностики трех показателей - эмоционального истощения, деперсонализации, редукции родительских достижений.

2. «Опросник детско-родительского эмоционального взаимодействия» Е.И. Захаровой (методика ОДРЭВ)и - для диагностики трех блоков детско-родительских отношений: блок чувствительности, блок эмоционального принятия, блок поведенческих проявлений эмоционального взаимодействия.

Методы математико-статистической обработки данных: В исследовании применены количественные методы, что позволяет оценить научность и достоверность полученных данных. Так, автор использует U-критерий Манна-Уитни, регрессионный анализ с использованием статистического пакета «SPSS Statistics 23.0».

Актуальность представленной статьи не вызывает сомнения. Интерес к изучению индивидуальных особенностей детско-родительских отношений, особенно на семьях с особыми детьми представляет важность для организации коррекционной и консультационной помощи таким семьям.

Научная новизна – заявлена автором на примере двух векторов:

1) выявлены симптомы родительского выгорания женщин, воспитывающих детей с расстройствами аутистического спектра, определены.

2) обосновано и эмпирически доказано, что родительское выгорание женщин, воспитывающих детей с расстройствами аутистического спектра, взаимосвязано с особенностью эмоциональных отношений с ребенком и супругом.

Стиль, структура, содержание

Статья имеет традиционную структуру – вводная, основная и заключительная части.

Вводная часть обосновывает выбор темы. Она отличается высоким уровнем проработки. Автор четко заявляет проблему, которая стала запускающим механизмом для выбора темы исследования – увеличение числа родителей с развитием симптомов родительского выгорания и эмоционального истощения особенно у матерей таких детей

Представлен обзор отечественных статей по вопросам выгорания, эмоционального истощения, детально проанализированы особенности родительского выгорания на примере исследований Ефимовой, Никольской и др.

В основной части статьи представлена работа над гипотезой - симптомы родительского выгорания у женщин, воспитывающих детей с расстройствами аутистического спектра, взаимосвязаны с эмоциональным отношением к ребенку и особенностями взаимоотношений с супругом.

Автор представляет результаты с количественными данными в структурированных таблицах. Данные грамотно интерпретированы.

В заключении автор делает системные и качественные выводы о параметрах, оказывающих ключевое влияние на родительское выгорание, на связь характеристик с расстройствами аутистического спектра детей.

Стиль изложения доступен для восприятия. Статья содержит таблицы, которые иллюстрируют полученные результаты исследования, в том числе по группирующим переменным.

Стиль статьи соответствует требованиям научности. Оформлен грамотно, без существенных нарушений.

Библиография

Насчитывает 23 литературных источника, в том числе издания на английском языке.

Среди литературных источников представлены монографии, статьи, классические издания, сборники материалов конференций. Они датированы разными периодами, в том числе свежими данными за 2021-23 г.г. Список оформлен в соответствии с требованиями к публикациям научных статей.

Данный список литературы можно рассматривать как подборку источников по заявленной теме.

Апелляция к оппонентам – статья может быть рекомендована к публикации. Также рекомендуется продолжить исследование в данном направлении, а также развить данное исследование в сторону методического сопровождения семей с риском родительского выгорания.

Выводы, интерес читательской аудитории – статья вызовет интерес читательской аудитории – педагогов, социальных работников, психологов (в том числе клинических психологов), исследователей, преподавателей психологии.

Англоязычные метаданные

Changes in mental rigidity and attitude to one's body during treatment of adolescent girls suffering from anorexia nervosa

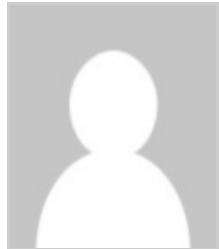
Shevelenkova Tatyana Dmitrievna

PhD in Psychology

Associate Professor, Department of Neuro- and Pathopsychology L.S. Vygotsky Institute of Psychology, Russian State University for Humanities

125047, Russia, Moscow region, Moscow, Musskaya square, 6

✉ shevelenkova@gmail.com

Salnikova Maria Maksimovna

Postgraduate student, Department of Neuro- and Pathopsychology, L.S. Vygotsky Institute of Psychology, Russian State Humanitarian University

125047, Russia, Moscow region, Moscow, Musskaya square, 6

✉ thranduillih@gmail.com

Abstract. The authors, considering domestic and foreign studies of cognitive rigidity/flexibility and ideas about one's own body in anorexia nervosa, note the practical lack of research on both dynamics and ideas about the existence and nature of the connection between these psychological characteristics of girls suffering from anorexia nervosa. The object of the study was psychological characteristics, namely, mental rigidity, cognitive flexibility and the attitude of teenage girls suffering from anorexia nervosa to their bodies. The subject of the study was the change in the level of rigidity/flexibility and negative attitude towards one's body, as well as their relationship during inpatient treatment of anorexia nervosa. Objectives of the study: to identify changes in the characteristics of mental rigidity and attitude to one's body, as well as in the nature of the relationship between cognitive rigidity, flexibility and attitude to the body from the beginning to the end of inpatient treatment of adolescents suffering from anorexia nervosa. Teenage girls (13-17 years old) with a diagnosis of anorexia nervosa participated in the study conducted at the Center for the Study of Eating Disorders (CIRP) in Moscow. Used: the classic J. R. Stroop test, a simplified version of the Tomsk rigidity questionnaire, a questionnaire of cognitive flexibility, a questionnaire "Attitude to one's body". A factor analysis of the relationship of the studied parameters was carried out. A special contribution of the authors of the study is proof that a negative attitude towards one's body in anorexia nervosa, both at the beginning and at the end of inpatient treatment, positively correlates with a high level of rigidity and a low level of flexibility, as well as the fact that the nature of this relationship fundamentally changes from the beginning to the end of inpatient treatment. The novelty of the study lies in the discovery that from the beginning to the end of inpatient treatment, a shift in the psychological problem occurs: low cognitive flexibility, as well as the inability to identify with one's body, cease to be the main problem, and a negative assessment of the attractiveness of one's body for oneself comes to the fore, which at the end of inpatient treatment should become a specific target for psychotherapeutic work. The practical significance of the study lies in the fact that it allows to identify the targets of psychological work (psychotherapeutic, correctional, rehabilitation) and their change from the beginning to the end of inpatient treatment.

Keywords: connection of indicators, dynamics of indicators, longitudinal study, inpatient

treatment, anorexia nervosa, teenage girls, attitude towards the body, flexibility, mental rigidity, problem shift

References (transliterated)

1. Kalisvaart, J. L., & Hergenroeder, A. C. (2007). Hospitalization of patients with eating disorders on adolescent medical units is threatened by current reimbursement systems. *International Journal of Adolescent Medicine and Health*, 19(2), 155-165. doi:10.1515/ijamh.2007.19.2.155
2. Boutelle, K., Neumark-Sztainer, D., Story, M., & Resnick, M. (2002). Weight control behaviors among obese, overweight, and nonoverweight adolescents. *Journal of Pediatric Psychology*, 27(6), 531-540. doi:10.1093/jpepsy/27.6.531
3. Smink, F. R., van Hoeken, D., & Hoek, H. W. (2012). Epidemiology of eating disorders: incidence, prevalence and mortality rates. *Current Psychiatry Reports*, 14(4), 406-414. doi:10.1007/s11920-012-0282-y
4. Smink, F. R., van Hoeken, D., & Hoek, H. W. (2013). Epidemiology, course, and outcome of eating disorders. *Current Opinion in Psychiatry*, 26(6), 543-548. doi:10.1097/YCO.0b013e328365a24f
5. Korkina, M. V., Tsivil'ko, M. A., & Marilov, V. V. (1986). *Nervnaya anoreksiya*. Moskva: Meditsina. 176 s.
6. Korkina, M. V., Tsivil'ko, M. A., Kareva, M. A., Zhigalova, N. D., & Kislova E. K. (1990). Kliniko-psikhopatologicheskie korrelyatsii psikhicheskoi rigidnosti pri nervnoi anoreksii. *Zhurnal nevropatologii i psichiatrii im. S.S. Korsakova*, 10, 86-88.
7. Zalevskii, G. V. (1993). *Psikhicheskaya rigidnost' v norme i patologii*. Tomsk: Izdatel'stvo Tomskogo universiteta. 272 s.
8. Brockmeyer, T., Febry, H., Leiteritz-Rausch, A., Wünsch-Leiteritz, W., Leiteritz, A., & Friederich, H. C. (2022). Cognitive flexibility, central coherence, and quality of life in anorexia nervosa. *Journal of Eating Disorders*, 10(1), 22. doi:10.1186/s40337-022-00547-4
9. Tchanturia, K., Davies, H., Roberts, M., Harrison, A., Nakazato, M., Schmidt, U., Treasure, J., & Morris, R. (2012). Poor cognitive flexibility in eating disorders: examining the evidence using the Wisconsin Card Sorting Task. *Public Library of Science One*, 7(1), e28331. doi:10.1371/journal.pone.0028331
10. Tchanturia, K., Harrison, A., Davies, H., Roberts, M., Oldershaw, A., Nakazato, M., Stahl, D., Morris, R., Schmidt, U., & Treasure, J. (2011). Cognitive flexibility and clinical severity in eating disorders. *Public Library of Science One*, 6(6), e20462. doi:10.1371/journal.pone.0020462
11. Cholet, J., Rousselet, M., Donnio, Y., Burlot, M., Pere, M., Lambert, S., Rocher, B., Chirio-Espitalier, M., Eyzop, E., & Grall-Bronnec, M. (2021). Evaluation of cognitive impairment in a French sample of patients with restrictive anorexia nervosa: two distinct profiles emerged with differences in impaired functions and psychopathological symptoms. *Eating and Weight Disorders*, 26(5), 1559-1570. doi:10.1007/s40519-020-00981-w
12. Dann, K. M., Hay, P., & Touyz, S. (2022). Everyday flexibility and functional milestones in anorexia nervosa: survey results from a mixed community sample. *Eating and Weight Disorders*, 27(5), 1641-1650. doi:10.1007/s40519-021-01300-7
13. Abbate-Daga, G., Buzzichelli, S., Amianto, F., Rocca, G., Marzola, E., McClintock, S. M., & Fassino, S. (2011). Cognitive flexibility in verbal and nonverbal domains and decision making in anorexia nervosa patients: a pilot study. *BioMed Central Psychiatry*, 11, 162.

- doi:10.1186/1471-244X-11-162
14. Rößner, A., Juniak, I., van Noort, B. M., Pfeiffer, E., Lehmkuhl, U., & Kappel, V. (2017). Cognitive Flexibility in Juvenile Anorexia Nervosa in Relation to Comorbid Symptoms of Depression, Obsessive Compulsive Symptoms and Duration of Illness. *Zeitschrift für Kinder- und Jugendpsychiatrie und Psychotherapie*, 45(5), 371-380. doi:10.1024/1422-4917/a000493
 15. Sato, Y., Saito, N., Utsumi, A., Aizawa, E., Shoji, T., Izumiya, M., Mushiake, H., Hongo, M., & Fukudo, S. (2013). Neural basis of impaired cognitive flexibility in patients with anorexia nervosa. *Public Library of Science One*, 8(5), e61108. doi:10.1371/journal.pone.0061108
 16. Kiryukhina, N. A., & Pol'skaya, N. A. (2021). Emotsional'naya disregulyatsiya i neudovletvorennost' telom v zhenskoi populyatsii. *Klinicheskaya i spetsial'naya psichologiya*, 10(3), 126-147. doi:10.17759/cpse.2021100308
 17. Jáuregui-Lobera, I., Bolaños-Ríos, P., Ruiz-Prieto, I. (2012). Thought-shape fusion and body image in eating disorders. *International Journal of General Medicine*, 5, 823-830. doi:10.2147/IJGM.S36324
 18. Pyr'eva, E. A., Sorvacheva, T. A., Volkova, L. Yu., Koltunov, I. E., Petryaikina, E. E., Usacheva, E. L., Khyshiktueva, & T. P., Gordeeva, E. A. (2015). Sovremennye podkhody k vedeniyu patsientov s nervnoi anoreksiei v usloviyakh statsionara. *Pediatriya. Zhurnal im. G.N. Speranskogo*, 94(5), 41-47.
 19. Zvereva, N. V., Khromov, A. I., Sergienko, A. A., & Koval'-Zaitsev, A. A. (2017). Kliniko-psikhologicheskie metodiki otsenki kognitivnogo razvitiya detei i podrostkov pri endogennoi psikhicheskoi patologii (pamyat' i vnimanie). *Moskva: Sam poligrafist*. 48 s.
 20. Zalevskii, G. V. (2000). Tomskii oprosnik rigidnosti G. V. Zalevskogo (TORZ). *Sibirskii psikhologicheskii zhurnal*, 12, 129-137.
 21. Kurginyan, S. S., & Osavolyuk, E. Yu. (2018). Oprosnik kognitivnoi fleksibil'nosti (CFI): adaptatsiya na russkoyazychnoi vyborke. *Psikhologicheskii zhurnal*, 39(2), 105-119. doi:10.7868/S0205959218020101
 22. Shevelenkova, T. D., & Volzhina, Zh. A. (2014). Otnoshenie k svoemu telu i psikhologicheskoe blagopoluchie v podrostkovom vozraste. *Kudryavtsev V.T. (red.). Myshlenie i rech': podkhody, problemy, resheniya. Materialy XV mezhdunarodnykh chtenii pamyati L.S. Vygotskogo (c. 8-13)*. *Moskva: RGGU*.
 23. Di Lodovico, L., & Gorwood, P. (2020). The relationship between moderate to vigorous physical activity and cognitive rigidity in anorexia nervosa. *Psychiatry Research*, 284, 112703. doi:10.1016/j.psychres.2019.112703
 24. Wang, S. B., Gray, E. K., Coniglio, K. A., Murray, H. B., Stone, M., Becker, K. R., Thomas, J. J., & Eddy, K. T. (2021). Cognitive rigidity and heightened attention to detail occur transdiagnostically in adolescents with eating disorders. *Eating Disorders*, 29(4), 408-420. doi:10.1080/10640266.2019.1656470
 25. Moccia, L., Conte, E., Ambrosecchia, M., Janiri, D., Di Pietro, S., De Martin, V., Di Nicola, M., Rinaldi, L., Sani, G., Gallese, V., & Janiri, L. (2022). Anomalous self-experience, body image disturbance, and eating disorder symptomatology in first-onset anorexia nervosa. *Eating and Weight Disorders*, 27(1), 101-108. doi:10.1007/s40519-021-01145-0
 26. Legenbauer, T., Radix, A. K., Naumann, E., & Blechert, J. (2020). The Body Image Approach Test (BIAT): A Potential Measure of the Behavioral Components of Body Image Disturbance in Anorexia and Bulimia Nervosa? *Frontiers in Psychology*, 31, 11-

30. doi:10.3389/fpsyg.2020.00030
27. Dalhoff, A. W., Romero Frausto H., Romer, G., & Wessing, I. (2019) Perceptive Body Image Distortion in Adolescent Anorexia Nervosa: Changes After Treatment. *Frontiers in Psychiatry*, 10, 748. doi:10.3389/fpsyg.2019.00748

Analysis of foreign and Russian approaches to the study of personal patriotism

Cveks Mihails Vasil'evich

Postgraduate student, Department of Psychology and Pedagogy, Peoples' Friendship University of Russia

17 Mklukho-Maklaya str., Moscow, 117198, Russia

✉ mihai001@inbox.lv

Abstract. The subject of the study is patriotism. The author conducted a theoretical analysis of domestic and foreign scientific literature on the problem of patriotism. The features of approaches to the study of this phenomenon in the framework of philosophical, sociological, historical, psychological, pedagogical and psychological disciplines are considered in detail. A comparative analysis of the theoretical views of foreign and domestic authors on the content and nature of patriotism is carried out. An analysis of the literature allows us to conclude that Western and Russian studies of patriotism have many connotations, especially in the sociological and political sciences. Western and domestic scientists have identified similar essential signs of patriotism: patriotism as one of the highest feelings, as a creative feeling; patriotism as selfless work for the benefit of one's country, as a manifestation of higher feelings in action, as a duty to the country; patriotism as a deeply social phenomenon, as a civic virtue. The author conducts a comparative theoretical analysis of foreign and domestic approaches to the study of the problem of patriotism, understanding the psychological nature of this phenomenon. The main conclusions of the study are: in the studies of foreign scientists, patriotism is analyzed in the context of national and social issues and is practically not studied as a personal education, property or quality; at the heart of patriotism, most foreign authors note identification with their country based on feelings of love, pride and shame. In the West, patriotism is seen as a phenomenon of political awareness, quite closely related to nationalism. In Russian literature, such essential signs of patriotism as statehood and personality, which is the main subject of patriotism, are noted. The differences in the interpretation of the concept of "patriotism" and in approaches to its research can be explained by fundamental differences in culture and state and political traditions. In turn, the intersections in the definition of patriotism indicate that this phenomenon has certain interethnic and interstate features. The question of studying remains open and quite relevant.

Keywords: foreign approaches, domestic approaches, philosophy, pedagogy, history, Sociology, psychology, patriotism, patriotism as personality trait, personality trait

References (transliterated)

1. Agaev A.G. Patriotizm i internatsionalizm sovetskogo cheloveka. M., 1975.
2. Butorina T.S., Ovchinnikova N.P. Vospitanie patriotizma sredstvami obrazovaniya. SPb.: KARO, 2004. – 314 s.
3. Buzykina Yu.S. Psichologicheskie kharakteristiki i predstavlenie o patriotizme u molodezhi // Mir Nauki. Pedagogika i psichologiya. 2019. № 4, Tom 7.

4. Gopeeva V.V. Patriotizm i nравственность // Сотсial'no-gumanitarnye znaniya. 2002. №3.
5. Dyrin I.A. Ideya patriotizma v literature russkogo zarubezh'ya pervoi poloviny XX veka. M., 2000.
6. Duranov I.M. K voprosu vzaimosvyazi vospitaniya grazhdanstvennosti i patriotizma // Vestnik OGU. 2002. № 1.
7. Ivanova N.L., Mazilova G.B. Izmeneniya etnicheskoi i grazhdanskoi identichnosti v novykh obshchestvennykh usloviyakh // Voprosy psichologii. 2008. S. 84.
8. Krupnik A.A. Patriotizm v sisteme grazhdanskikh tsennostei obshchestva i ego formirovanie v voinskoj srede: Avtoref. dis. ... kand. filos. nauk. M., 1995.
9. Kashintsev A.A. Voenno-patrioticheskoe vospitanie molodezhi v usloviyakh sovershenstvovaniya sotsializma: Avtoref. dis. ... kand. filos. nauk. M., 1998.
10. Kudinova I.B., Nurekeeva A. Problema patriotichnosti v sovremennykh issledovaniyakh // Akmeologiya. 2015. №3. S. 95-98.
11. Kudinov S.I., Kudinova I.B., Kudinov S.S. Psichologicheskii analiz proyavleniya patriotichnosti lichnosti u studentov // Vestnik RUDN. Seriya «Psichologiya i pedagogika». 2013. № 2. S. 5-14.
12. Kudinov S.I., Kudinov V.S. Patriotichnost' kak osnova proyavleniya otvetstvennosti lichnosti // Aktual'nye problemy sotsial'noi i differentsial'noi psichologii i psikhologii lichnosti: materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii studentov, aspirantov i molodykh uchenykh. M.: RUDN, 2013. S. 169-175.
13. Lutovinov V.I. Patriotizm i problemy ego formirovaniya u rossiiskoi molodezhi v sovremennykh usloviyakh. Avtoref. dis. ... d-ra filos. nauk. M., 1998.
14. Malinkin A.N. Ponyatie patriotizma: esse po sotsiologii znaniya // Sotsiologicheskii zhurnal. 1999. № 1/2.
15. Mel'nichenko I.I. Patriotizm v sisteme sotsial'nykh tsennostei ofitserskogo korpusa rossii. Avtoref. dis... kand. filos. nauk. Motsino, 1996.
16. Potemkin A.V. Natsional'no-psichologicheskie osobennosti proyavleniya patriotizma lichnosti: avtoref. diss. ... kand. psikh. nauk. Novosibirsk, 2009. – 23 s.
17. Panteleeva T.V., Fomina N.A. Individual'no-tipologicheskie osobennosti patriotizma budushchikh sotrudnikov pravookhranitel'nykh organov s ergichno-produktivnym tipom ego organizatsii // Aktual'nye problemy sotsial'noi i differentsial'noi psichologii i psikhologii lichnosti: materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii studentov, aspirantov i molodykh uchenykh. M.: RUDN, 2013. S. 109-113.
18. Rushina M.A. Izuchenie voprosa patriotizma lichnosti // Lichnost' v epokhu peremen: mobilis in mobile: Materialy mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii 17-18 dekabrya 2018 / Pod red. E.Yu. Patyaevoi, E.I. Shlyaginoi. M.: Smysl, 2018. S. 36-38.
19. Shurukhina G.A., Zhdanova L.A. Psichologicheskii analiz proyavleniya patriotichnosti u starshikh shkol'nikov // Vestnik RUDN, seriya Pedagogika i psichologiya. 2015. №3.
20. Shcherba A.A. Gosudarstvenno-patrioticheskaya ideya evraziistva (istorika-filosofskii analiz): Avtoref. dis... kand. filos. nauk. M., 2002.
21. Appiah K.W. Cosmopolitan Patriots // *Critical inquiry*. – 1997. – 23(3), 617-639, p. 619.
22. Archard D. Should We Teach Patriotism? // *Studies in Philosophy and Education*. – 1999. – 18(3), 157-173, p. 159.
23. Audi R. Nationalism, Patriotism, and Cosmopolitanism in Age of Globalization // *The Journal of Ethics*. – 2009. 13(4), 365-381, p. 368.

24. Butyrina, A.N. Citizenship as a socio-psychological phenomenon. Prospects for the development of the Russian state and society in modern conditions // Materials of the international scientific-practical conference. – 2015. Saratov.
25. Ben-Porath S. Civic Virtue out of Necessity: Patriotism and Democratic Education // Theory and Research in Education. – 2007. – 5(1), 41-59, p. 46.
26. Costa M.V Patriotism and Civic Virtue / In Sardoc, M. (Eds). Handbook of Patriotism, Springer, Cham. – 2017. pp. 2-3.
27. Engelhardt J. Patriotism, Nationalism, and Modernity: The Patriotic Societies in Danish Conglomerate State, 1769-1814 // *Nations and Nationalism*. – 2007. 13(2), pp. 205-223, p. 216.
28. Schatz R.T., Staub E., Lavine H. On The Varieties of National Attachment: Blind Versus Constructive Patriotism // *Political Psychology*. – 1999. 20(1), pp. 151-174.
29. Primoratz I. Patriotism: A Deflationary View // The Philosophical Forum XXXIII(4). – 2022. pp. 443-458 Petrova, L.A. The formation of patriotism // Psychology, Sociology and Pedagogy. – 2012. 3, pp. 1-10.
30. Kosterman, R., Feshbach, S. (1989). Toward a Measure of Patriotic and Nationalistic attitudes *Political Psychology*, 10(2), 257-274, p. 271.
31. Kleingeld, P. Kantian Patriotism // *Philosophy & Public Affairs*. – 2000. – 29(4), pp. 313-341.
32. Lubsky, A.V., Serikov, A.V., Shevchenko, O.M. Xenophobia and extremism: challenges to Russia's national security // Rostov-On-Don: Fenix. 2014.
33. Rushina M.A., Kameneva G.N. Ethnic and Psychological Particularities of Patriotism in Students of the Cis Countries // *Man In India*, 2017. 97 (16): 213-223.
34. Teperik D., Jermalavicus T., Senkiv G., Dubov D., Onyschuk Y., Pokalchuk O., Samus M. // A Route to National Resilience: Building Whole-of-Society Security in Ukraine. *International Centre for Defence and Security*. – 2018. p. 11.
35. Tikhomirov, G.A. Patriotism: basic concepts and research approaches // Problems and prospects for the development of education in Russia. – 2010. – 5(1), pp. 37-49.

The impact of childhood psychological trauma on adult life

Lolaeva Alibna Slavovna

PhD in Law

Associate professor, Department of Constitutional Law, Gorsky State Agrarian University, Associate professor, Department of Civil Law and Procedure, K.L. Khetagurov North Ossetian State University

362027, Russia, Republic of North Ossetia-Alania, Vladikavkaz, Kirova str., 74, sq. 127

✉ mirag.8184@yandex.ru

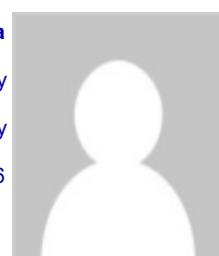
Hudalova Madina Zaharovna

PhD in Psychology

Head of the Department of Psychology, K. L. Khetagurov North Ossetian State University

362025, Russia, Republic of North Ossetia-Alania, Vladikavkaz, Vatutina str., 44-46

✉ mado2006@mail.ru

Abstract. Within the framework of this study, the possibility of mitigating the effects of childhood trauma and strengthening the physical and mental health of adults was analyzed, since childhood trauma negatively affects an adult. At the same time, it is possible that some

people can develop resilience and establish barriers that help them overcome the difficulties they have had to face. The term "childhood psychological trauma" refers to emotionally and/or mentally unpleasant or disturbing events that occurred in childhood and can have a long-term impact on a person's physical and mental health. Adults who have experienced trauma in childhood may have difficulty building and maintaining healthy connections with others, and communication with the opposite sex does not go well. The aim of the research was to study the impact of childhood injuries on adult life, as well as to identify the relationship between childhood psychotrauma and post-traumatic symptoms of adults. Standard tests for childhood trauma and post-traumatic effects were used for the study. For this purpose, a sample of 100 people aged 18-50 years was taken. The novelty of the study lies in the need for constant updating of knowledge and methods of working with people who experienced psychological trauma in childhood, taking into account changing conditions and factors affecting their psychological state.

The results of the study can be used to develop programs for the prevention of childhood psychological trauma.

The results showed that childhood injuries can have a long-term effect on people even in adulthood.

The results indicate a close relationship between childhood trauma and the development of symptoms of post-traumatic stress disorder of adults. According to a positive correlation, the likelihood of developing symptoms of post-traumatic stress disorder increases as childhood trauma increases.

It is important to note that correlation does not indicate a causal relationship. The findings do not prove a causal relationship, even if there is a significant correlation between childhood trauma and symptoms of post-traumatic stress disorder. Other factors such as genetic predisposition, social support, and coping methods can also influence post-traumatic stress disorder.

Keywords: mental health, stress, childhood trauma, emotional dysregulation, stressful situation, psychological abuse, painful event, ignoring, trauma physical, physical health

References (transliterated)

1. Akhmerova E. Z., Sorokoumova S. N. Vliyanie detskoi psikhologicheskoi travmy na formirovanie vysokoznachimykh otnoshenii v zrelem vozraste // Sem'ya i lichnost': problemy vzaimodeistviya. 2022. № 22. S. 29-40.
2. Bulitko A. S. Vliyanie detskikh psikhologicheskikh travm na razvitiye cheloveka // XIII Masherovskie chteniya: Materialy mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii studentov, aspirantov i molodykh uchenykh, Vitebsk, 18 oktyabrya 2019 goda / Redkollegiya: I.M. Prishchepa [i dr.]. – Vitebsk: Vitebskii gosudarstvennyi universitet im. P.M. Masherova, 2019. – S. 260-262.
3. Vasiliuk F. E. Perezhit' gore // O chelovecheskom v cheloveke / pod red. I. T. Frolova. – M.: Politizdat, 1991. S. 230-247.
4. Volod'ko A. Detskaya psikhologicheskaya travma // <https://psychologyjournal.ru/public/detskaya-psikhologicheskaya-travma/?ysclid=lv0xi7mjaz855727039> (data obrashcheniya 11.03.2024)
5. Gurina M. I. Rabota psikhologa s detskoi travmoi: uchebnoe posobie / Gurina, E. S., Koshenova E. S. – Novosibirsk: Izd-vo NGPU, 2020. – 311 s.
6. Kozlov M. Yu. Chto govorit teoriya privyazannosti o suitsidal'nom povedenii? Kratkii obzor sovremennykh issledovanii // Suitsidologiya. 2023. T. 14. № 3(52). S. 96-106.

7. Krepelin E. Vvedenie v psichiatriceskuyu kliniku / prof. E. Krepelin; per. s 3-go pererab. i znachit. dop. nem. izd. pod red. P. Gannushkina; Narodnyi komissariat zdravookhraneniya. – M.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo, 1923. – 487 s.
8. Levin P., Frederik E. Probuzhdenie tigra – istselenie travmy. – M.: AST, 2007. – 368 s.
9. Malkina-Pykh I.G. Ekstremal'nye situatsii. – M.: Izd-vo Eksmo, 2005. – 960 s.
10. Miten'kova E. D., Amirov A. F. Detskie psikhologicheskie travmy. Ikh vliyanie na zhizn' vzroslogo cheloveka // Vestnik Bashkirskogo gosudarstvennogo meditsinskogo universiteta. 2022. № S5. S. 76-80.
11. Nagaitseva V. S. Detskaya psikhologicheskaya travma, perediktor posledstvii psikhicheskogo zdorov'ya // Sovremennye problemy lingvistiki i metodiki prepodavaniya russkogo yazyka v VUZe i shkole. 2022. № 39. S. 919-924.
12. Petrova E.A. Detskie psikhotravmy: problema otsrochennogo vliyaniya na lichnost' vzroslogo cheloveka // Vestnik Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. 2014. № 79. S. 96-99.
13. Reshetnikov M. M. Psikhicheskaya travma. – SPb.: Vostochno-Evropeiskii institut psikhoanaliza, 2006. – 322 s.
14. Freud Z. Issledovaniya isterii / per. s nem. S. Pankova; nauch. red. M. Reshetnikova i V. Mazina // Freud Z. Sobranie sochinenii: v 26 t. T. 1.-SPb.: Vostochno-Evropeiskii institut psikhoanaliza, 2005. – 464 s.
15. Cherepanova E.S. Psikhologicheskii stress. Pomogi sebe i rebenku. Kniga dlya shkol'nykh psikhologov, roditelei i uchitelei. – M.: Izdatel'skii tsentr «Akademiya», 1997. – 96 s.
16. Yung K. G. Raboty po psichiatrii. – M.: Akademicheskii proekt, 2000. – 304 s.
17. Yaspers K. Obshchaya psikhopatologiya. – M.: Praktika, 1997. – 1056 s.
18. Davis D., Clifton, A. (Psychosocial theory: Erikson. Haverford College. Retrieved from http://www.haverford.edu/psychology/ddavis/p109g/erikson_stages.html
19. Egeland B. Taking stock: Childhood emotional maltreatment and developmental psychopathology. Child abuse & neglect. 2009. № 33(1). R. 22-26.
20. Erozkan A. The Link between Types of Attachment and Childhood Trauma. *Universal Journal of Educational Research*. 2016. № 4(5). R. 1071-1079.
21. Jenvey V. The utility of psychological theories in understanding the social development of contemporary children. 2013. – 380 r.
22. Infurna F. J., Rivers C. T., Reich J., Zautra, A. J. Childhood trauma and personal mastery: Their influence on emotional reactivity to everyday events in a community sample of middle-aged adults // PLOS ONE 10. 2015. № 4. R. 1-21.
23. Wright M. O. D., Crawford E., Del Castillo, D. Childhood emotional maltreatment and later psychological distress among college students: The mediating role of maladaptive schemas // Child abuse & neglect. 2009. № 33(1). R. 59-68.

The secondary image as a psychocorrective resource: the search for new research opportunities

Golovinov Evgenii Ivanovich

Postgraduate student, Department of General Psychology, Moscow Institute of Psychoanalysis

111123, Russia, Moscow region, Moscow, 3rd Vladimirskaia str., 8

 Golovinov@yandex.ru

Gostev Andrei Andreevich

Doctor of Psychology

Gostev Andrey Andreevich - Doctor of Psychology, Professor, Department of History of Psychology and Historical Psychology, Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences

129366, Russia, Moscow, Yaroslavskaya str., 13, office 1

✉ aagos06@rambler.ru

Abstract. The authors consider in detail the problems of the "secondary image" in a historical context, as well as in modern research in connection with the state of the study of consciousness in philosophical and psychological concepts. The problem is the inattention of many, especially foreign authors, to this topic. The article considers the concept of "image-scheme" with the allocation of the "core" based on the primary image and the periphery of the figurative experience. In the article, the authors use a theoretical analysis based on the traditions of the Leningrad psychological school (B.G. Ananyev, B.F. Lomov), on the concept of "secondary image" in its correlation with primary sensory-perceptual images. Based on this basic content of images, the authors present a model of the formation and transformation of images in consciousness with the conditional allocation of a secondary image based on the traditions of the Leningrad psychological school. The correlation of the concept of "secondary image" with the images of "primary" – sensory-perceptual - is emphasized. The development of the theme of the "secondary image" in the context of its use in modern psychotherapeutic practice is proposed. In this regard, the relevance and theoretical significance of the problem of altered states of consciousness in general psychological and historical-psychological terms is emphasized. There is a high degree of multidimensionality and versatility of the figurative sphere as the most important component of consciousness. Based on the theoretical and methodological basis used, the author's vision of the topic is given in its application to the problem stated in the article. An adapted model of the formation and transformation of "primary" and "secondary" images in the stream of consciousness is proposed, highlighting the conditions for changing the integral imaginative sphere of a person in the psychocorrection process.

Keywords: secondary image, psychocorrectional resource, history of psychology, problem of consciousness, theory of consciousness, altered states of consciousness, image, conscious and unconscious, figurative sphere of man, consciousness

References (transliterated)

1. Allakhverdov V.M. Soznanie kak paradoks. (Eksperimental'naya psikhologika, t. 1). – SPb: «Izdatel'stvo DNK», 2000. – 528 s.
2. Gostev A.A. Psichologiya vtorichnogo obraza. – M.: Izd. In-ta psichologii RAN, 2007. – 512 s.
3. Gostev A.A. Psichologiya vtorichnogo obraza: Sub"ekt, fenomenologiya, funktsii: avtoreferat dis. ... doktora psichologicheskikh nauk: 19.00.01 / S.-Peterb. gos. un-t. – Sankt-Peterburg, 2001. – 36 s.
4. Gostev A.A. Psichologiya i metafizika obraznoi sfery cheloveka. – M.: Genezis, 2008. – 458 s.
5. Kyugler P. Psichicheskie obrazy kak most mezhdu sub"ektom i ob"ektom // Kembridzhskoe rukovodstvo po analiticheskoi psichologii. – M.: Izd-vo: Dobrosvet, 2000. – 478 s.
6. Sechenov I.M. Elementy mysli. – SPb: Lenizdat, 2014. – 224 s.

7. Kolesov V.V. *Suzhdeniya o kontsepte obraz* // METOD: Moskovskii ezhegodnik trudov iz obshchestvovedcheskikh distsiplin. – 2018. – №8. – S. 25-46.
8. Samokhvalova V.S. *Psikhologicheskaya sistema P.Ya. Gal'perina i sovremennye vzglyady na podgotovku defektologov* // Molodoi uchenyi. – 2019. – № 41 (279). – S. 250-255.
9. Kononova A.I., Kostromina S.N. *Teoreticheskie osnovaniya protsessual'noi modeli obraza mira lichnosti* // Natsional'nyi psikhologicheskii zhurnal. – 2023. – № 2 (50). – S. 14-28.
10. Vygotskii L.S. *Myshlenie i rech'*. – M.: Eksmo, 2022. – 544 s.
11. Kornienko A.F. *Priroda psikhiki i psikhicheskoi formy otrazheniya* // Natsional'nyi psikhologicheskii zhurnal. – 2018. – № 3 (31). – S. 104-116.
12. Arkhangel'skaya V.V., Karyagina T.D., Shermazanyan L.G., Sheryagina E.V. *Teoriya soznaniya i perezhivaniya F.E. Vasilyuka: vektory razvitiya* // II Mezhdunarodnaya konferentsiya po konsul'tativnoi psikhologii i psikhoterapii, posvyashchennaya pamяти Fedora Efimovicha Vasilyuka: sbornik materialov. – 2020. – №1. – S. 179-194.
13. Rubinshtein S.L. *Osnovy obshchey psikhologii*. – M.: AST, 2019. – 960 s.
14. Linde N.D. *Emotsional'no-obraznaya (analiticheski-deistvennaya) terapiya: chuvstvo, obraz, analiz, deistvie 3-e izd.* – M.: Genezis, 2021. – 376 s.
15. Grimsoltanova R.E. *Metodologiya vospriyatiya vtorichnogo obraza* // Severo-Kavkazskii psikhologicheskii vestnik. – 2012. – №2. – S. 43-46.
16. Yung K.G. *Problemy dushi nashego vremeni*. – M.: AST, 2022. – 352 s.

Use of comprehensive psychodiagnostics of applicants for the position of sales manager

Penzina Nella

PhD in Economics

Associate Professor, Department of Psychology, Moscow Financial and Industrial University "Synergy"

129090, Russia, Moscow, Meshchanskaya str., 9/14 p. 1

 nella@list.ru

Abstract. The subject of the study is the features of the process of psychodiagnostics of candidates for the position of sales manager. The object of the study is the process of psychodiagnostics of candidates for the position of sales manager. The author examines in detail such aspects of the topic as the correct selection of psychodiagnostic tools for the purpose of assessing a potential candidate, the difficulties in conducting psychodiagnostics of a potential sales manager, and provides instructions for identifying diagnostic needs and selecting the correct psychodiagnostic tools. This article used methods of analysis, synthesis and classification. The author of this article conducted a comprehensive diagnosis of job subjects using various psychodiagnostic techniques.

The main conclusions of the research are: a list of difficulties was compiled when conducting psychodiagnostics of an applicant for the position of sales manager; Step-by-step instructions are provided on how to correctly classify the main qualities and properties of a sales manager, taking into account the specifics of the company's work, a request from the owner or manager of the company, and taking into account the knowledge and skills of a psychologist who deals with psychodiagnostics in this company.

The author's special contribution to the study of the topic is the systematization of the most

sought-after qualities and properties of a sales manager and the proposal of psychodiagnostic and other practical tools for diagnostics. This article expands the knowledge base on the use of various diagnostic tools for a comprehensive diagnosis of sales managers and projective techniques for the purpose of diagnosing employees, and helps to identify the personal characteristics of employees in the private and public sector.

Keywords: RNJ, DDC, organizational psychologist, corporate psychologist, sales department, sales, drawing techniques, projective techniques, psychodiagnostics, employee selection

References (transliterated)

1. Akimova M.K. Psikhodiagnostika. Teoriya i praktika: uchebnik dlya vuzov – 4-e izd., pererab. i dop. – Moskva: Izdatel'stvo Yurait, 2024. – 609 s.
2. Pirozhkova N.I. Primenenie proektivnoi metodiki Risunok nesushchestvuyushchego zhivotnogo: praktika i teoriya // International Journal of Medicine and Psychology «Mezhdunarodnyi zhurnal meditsiny i psikhologii» – 2023. – Tom 6. – № 4 – S. 224-230.
3. Kuz'mina S.I. Proektivnye metodiki i osobennosti primeneniya risunochnogo metoda diagnostiki // Mezhdunarodnyi nauchnyi zhurnal «Simvol nauki» – 2016. – №3 – S. 159-161.
4. Tolocheck, V. A. Tekhnologii professional'nogo otbora: uchebnoe posobie dlya vuzov. – 2-e izd., ispr. i dop. – Moskva: Izdatel'stvo Yurait, 2023. – 253 s.
5. Pirozhkova N.I. Vzaimosvyaz' sposobov razresheniya konfliktnykh situatsii prepodavatelei i sotsial'no-psikhologicheskogo klimata v kollektive // Problemy sovremennoj pedagogicheskogo obrazovaniya RIO GPA – 2022. – Vyp. 75. Ch. 4. – S. 382-386.
6. Pirozhkova N.I. Issledovanie reaktsii na frustratsiyu i sposobov vykhoda iz konfliktnykh situatsii u sotrudnikov otdela raboty s personalom i sluzhby psikhologicheskogo soprovozhdeniya // Psicholog – 2023. – №2 – S. 92-102.

Predictors of parental burnout in women raising children with autism spectrum disorders

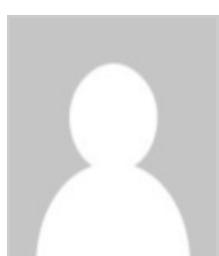
Kuzmina Anna Sergeevna

PhD in Psychology

Associate Professor, Department of Clinical Psychology, Altai State University

656049, Russia, Altai Krai, Barnaul, Lenin str., 61, office 302

✉ annakuz87@yandex.ru

Krivoshei Kristina Olegovna

Postgraduate Student, Department of Clinical Psychology, Altai State University

656000, Russia, Altai Territory, Barnaul, Lenin str., 61, office 302

✉ 03fomina@mail.ru

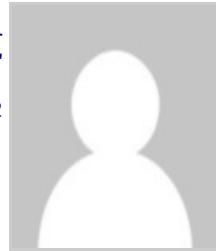

Colovanova Larisa Valer'evna

Senior Lecturer, Department of Clinical Psychology, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Altai State University"

656000, Russia, Altai Krai, Barnaul, Lenin str., 61, office 302

✉ botanik126@mail.ru

Abstract. The relevance of the study is due to the study of predictors of parental burnout of women raising children with autism spectrum disorders, which makes it possible to predict the problems that mothers raising a child with autism spectrum may face and prevent the onset of symptoms. The subject of the study is parental burnout of women raising children with autism spectrum disorders. The aim of the study was to identify predictors of parental burnout of women raising children with autism spectrum disorders. Motherhood significantly changes a woman's life and it happens that a woman does not cope with the new realities of life. The appearance of a child with an autism spectrum disorder is a special development situation. Mothers experience many difficulties in everyday, social, medical and, especially, psychological terms, which differ significantly from the difficulties of families raising a child of the norm group. The main conclusions of the study are presented in the provisions. Satisfaction with marital relations is an important parameter influencing the development of symptoms of parental burnout of women raising children with autism spectrum disorders. Let's assume that high satisfaction and stability of relations with a spouse is a factor that increases resistance to the development of symptoms of parental burnout. Parental burnout of women raising children with autism spectrum disorders is interrelated with the peculiarities of emotional relationships with the child. So the predictors of the symptoms of parental burnout are the feelings that arise in the mother's relationship with the child, the acceptance of the child's behavior, the presence of physical contact.

Keywords: anxiety, devotion, satisfaction with marriage, marital relations, emotional exhaustion, violations, autism, parental burnout, burnout, family

References (transliterated)

1. Kiseleva O.V. Rol' semeinykh faktorov v razvitiu detei s nervno-psikhicheskimi rasstroistvami i rasstroistvami autisticheskogo spektra // Voprosy psikhicheskogo zdorov'ya detei i podrostkov. 2020. T. 20. № 1. S. 100–111.
2. Bogacheva O.I., Ivanov M.V. Osobennosti materinskogo otnosheniya k bolezni detei s rasstroistvami autisticheskogo spektra // Voprosy psikhicheskogo zdorov'ya detei i podrostkov. 2019. № 3 (19). S. 21–28.
3. Vlasova D. E., Kozlova N. V. Faktory, sposobstvuyushchie sokhraneniyu sotsial'no-psikhologicheskogo zdorov'ya roditelei, vospityvayushchikh detei s osobennostyami razvitiya // Voprosy psikhicheskogo zdorov'ya detei i podrostkov. 2019. T. 19, № 1. S. 20–27.
4. Krasnoshchekova I.V., Kovshova O.S. Psikhologicheskie kharakteristiki lichnosti materi, vospityvayushchei rebenka s psikhicheskim dizontogenetizmom // Nevrologicheskii vestnik. 2019. T. LI (3). S. 36–42.
5. Tkachenko N. S., Babaeva A. A. Stil' semeinogo vospitaniya roditelei, vospityvayushchikh detei s RAS v zavisimosti ot tipa emotsiy'nogo reagirovaniya roditelei na boleznennoe sostoyanie rebenka // Nauchno-prakticheskii zhurnal «Zametki Uchenogo». 2022. № 1. S. 188–194.
6. Vodop'yanova N. E., Starchenkova E.S. Sindrom vygoraniya. Diagnostika i profilaktika:

- prakticheskoe posobie. 3-e izd., ispr. i dop. Moskva: Izdatel'stvo Yurait, 2023. 299 s.
7. Bazaleva L.A. Vozmozhnosti issledovaniya emotSIONAL'nogo vygoraniya u materei v psikhologii lichnosti // Vestnik Adygeiskogo gosudarstvennogo universiteta. 2010. №1. S. 168–176.
 8. Fadeeva T. Yu. Psikhologicheskie faktory roditel'skogo vygoraniya ottsov i materei // Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Akmeologiya obrazovaniya. Psikhologiya razvitiya. 2021. T. 10. Vyp. 4 (40). S. 334–343. <https://doi.org/10.18500/2304-9790-2021-10-4-334-343>
 9. Efimova I.E. Rezul'taty issledovaniya chuvstva viny u roditelei detei s ogranicennymi vozmozhnostyami zdorov'ya // Sovremennye nauchnye issledovaniya i razrabotki. 2018. № 6 (23). S. 254–257.
 10. Shumskaya N. A. Kulikova E. G. Zashchitnye mekhanizmy materei, vospityvayushchikh detei s tyazhelymi mnozhestvennymi narusheniyami razvitiya // Defektologiya. 2021. № 1. S. 58–66.
 11. Findling Y., Barnoy S., Itzhaki M. Burden of treatment, emotion work and parental burnout of mothers to children with or without special needs: A pilot study. *Curr Psychol.* 2022. <https://doi.org/10.1007/s12144-022-03074-2>
 12. Balandova S.M. Issledovanie roditel'skogo vygoraniya v zarubezhnoi nauke i praktike // Sotsial'naya rabota v sovremenном mire: tendentsii i perspektivy razvitiya: sb. mater. III Mezhdunarodnoi nauchno-praktich. konf. otv. red. N.M. Komarova, T.F. Suslova. M.: MGOU, 2020. S. 13–23.
 13. Kinga Kaleta, Błońska Sylwia. Marital burnout in mothers of children with autism spectrum disorder: the role of marital communication and sociodemographic factors. *Kwartalnik Naukowy Fides et Ratio.* 2021. Tom 47 Nr 3. 442–461 <https://doi.org/10.34766/fetr.v47i3.833>
 14. Koneva I.A., Krasnova E.N. Osobennosti detsko-roditel'skikh otnoshenii v sem'yakh, vospityvayushchikh detei s rasstroistvami autisticheskogo spektra, i ikh korreksiya // Problemy sovremennoi pedagogicheskogo obrazovaniya. 2019. № 63-4. S. 113–116.
 15. Odintsova M.A., Lubovskii D.V., Gusarova E.S., Ivanova P.A. Zhiznestoikost', samoaktivatsiya i coping-strategii materei v usloviyakh invalidnosti rebenka kak vyzova // Konsul'tativnaya psikhologiya i psikhoterapiya. 2023. Tom 31. № 1. S. 79–106.
 16. Pervushina O.N., Kiseleva O.V., Murashova T.A., Dorosheva E.A., Emotsional'noe sostoyanie roditelei detei s rasstroistvami autisticheskogo spektra (RAS) // Voprosy psikhicheskogo zdorov'ya detei i podrostkov: Nauchno-prakticheskii retsenziruemyi zhurnal psikiatrii, psikhologii, psikhoterapii i smezhnykh distsiplin. 2021 (21). № 1. S. 14–23.
 17. Leonardi E., Cerasa A., Servidio R., Costabile A., Famà F.I., Carrozza C., Spadaro L., Scifo R., Baieli S., Aiello S. et al. The Route of Stress in Parents of Young Children with and without Autism: A Path-Analysis Study. *Int. J. Environ. Res. Public Health.* 2021. 18. 10887.
 18. Bragina E.A., Belozerova L.A., Prokof'eva M.V. Otnoshenie k rebenku i semeinoi roli materei detei s rasstroistvami autisticheskogo spektra i detei s narusheniyami rechi // Vektor nauki TGU. Seriya: Pedagogika, psikhologiya. 2021. № 2. S. 39–45.
 19. Pustovaya A.V., Pustovaya E.N., Gutkevich E.V. Vzaimosvyazi vedushchikh ustyanovok otnosheniya roditelei k bolezni, povedencheskim osobennostyam i sotsial'nym navykam detei s autizmom // Psikhologiya. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniya. 2021. T. 10. № 2A. S. 83–94.
 20. Mikolajczak M., Roskam I. A. Theoretical and Clinical Framework for Parental Burnout:

- The Balance Between Risks and Resources (BR2). *Front Psychol.* 2018 Jun 12;9:886. doi: 10.3389/fpsyg.2018.00886. PMID: 29946278; PMCID: PMC6006266.
21. Sadziak A., Wilinski W., Wieczorek M. Parental burnout as a health determinant in mothers raising disabled children. *Balt J Health Phys Act.* 2019.11(3). 77–89.
22. Sekułowicz M., Kwiatkowski P., Manor-Binyamini I. Boron'-Krupin'ska K., Cies'lik B. The Effect of Personality, Disability, and Family Functioning on Burnout among Mothers of Children with Autism: A Path Analysis. *Int. J. Environ. Res. Public Health* 2022. 19. 1187.